

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Центр этнологических исследований УНЦ РАН

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ УРАЛО – ПОВОЛЖЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы II межрегиональной научно-практической конференции
молодых ученых

Уфа, 23 октября 2008 г.

Уфа

2008

УДК 39
ББК 63.5(2)
Э 91

Редакционная коллегия
А. В. Валеев, Е. С. Торокова, З. Р. Хабибуллина

Ответственный за выпуск
А. Т. Ахатов

Издание предпринято при поддержке
Отделения историко-филологических наук РАН

Э 91   **Этносы и культуры Урало – Поволжья: история и современность:**
Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. – 162 с.

ISBN 978-5-90287-016-6

В сборник вошли доклады и выступления участников межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность», в которой приняли участие представители из Уфы, Нефтекамска, Пензы, Оренбурга, Глазова, Перьми. В материалах представлены исследования по актуальным проблемам археологии, истории, религиоведения и этнографии.

УДК 39
ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-90287-016-6

© Коллектив авторов, 2008
© Центр этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН
© Оформление. Издательство «Диалог», 2008

СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО НАУКЕ, ТЕХНОЛОГИЯМ И ОБРАЗОВАНИЮ

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПО ДЕЛАМ МОЛОДЕЖИ В НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРАХ

Москва

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 10

(495) 606 5685

№ А 17 – КС
« 23 » октября 2008 г.

Участникам конференции молодых ученых в г. Уфе 23 октября 2008 г.

От имени Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сфере при Президентском совете по науке, технологиям и образованию сердечно приветствую организаторов и участников конференции молодых ученых.

Считаю, что именно сейчас, когда Россия определилась со стратегией инновационного развития как никогда актуально стоит вопрос о воспроизводстве кадров в науке и образовании. В силу негативных демографических процессов происходящих сегодня в науке: старения научных кадров, утраты научных школ и преемственности поколений, миграции талантливых ученых за рубеж и, особенно, в иные сферы деятельности – внимание государства к подготовке молодых ученых как никогда велико.

Озабоченность воспитанием и сохранением в науке молодежи проявилась в последние два года в целом ряде государственных инициатив. Была утверждена и начнет реализовываться с 2009 года Федеральная целевая программа "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России", дающая широкие возможности для поддержки талантливых молодых ученых. В июле этого года по инициативе нашего Координационного совета был подписан указ Президента Российской Федерации о премиях Президента РФ молодым ученым в области науки и инноваций. Эта премия сопоставима с Государственной премией Российской Федерации, а её торжественное вручение будет проходить ежегодно в день науки. Подготовлен указ о существенном увеличении грантов Президента Российской Федерации молодым докторам и кандидатам наук. С 2009 года молодые доктора будут получать ежегодно 1 млн. рублей, а кандидаты -- 600 тысяч рублей. Идет работа над созданием многоуровневой президентской информационно-аналитической системы «Молодые ученые России», верхушка которой будет интегрирована с сайтом Президента. Начинается работа по воссозданию полноценной национальной сети советов молодых ученых. Всё эти меры должны убедить вас в серьезности намерений государства в отношении молодого поколения ученых.

Но все эти инициативы достигнут успеха только тогда, когда начнется активный и заинтересованный отклик с Вашей стороны. Возможно, именно на этой конференции будут выступать будущие обладатели грантов или лауреаты молодежной премии Президента России!

Убежден, что сегодняшняя конференция еще один шаг к возрождению отечественной гуманитарной науки. Для Вас – участников – это ещё одна ступенька восхождения вверх по нелегкой лестнице научного познания. Для Ваших учителей – это уверенность в том, что их многолетнее служение науке не рассыплется в забвении.

Вы этнологи, историки, археологи выбрали себе нелёгкие, но очень интересные специальности. Сегодня во многом от вашей позиции и научной добросовестности зависят гражданское согласие, стабильное развитие государства и национальное единство России. Искренне желаю всем участникам этой конференции творческих успехов, новых поразительных открытий, плодотворных контактов с коллегами!

Заместитель председателя
Координационного совета по делам
молодежи в научной и образовательной сферах

А. Е. Петров

Земледелие у башкир Восточного Оренбуржья в XVIII–XIX вв.

Земледелие у башкир Восточного Оренбуржья стало развиваться довольно поздно. Веками сложившаяся и идеально приспособленная к природно-климатическим условиям оренбургских степей система ведения полукочевого скотоводства при наличии достаточного количества земель была оптимальна, и необходимости в увеличении посевов долгое время не существовало. С другой стороны, довольно поздний переход к земледелию на этой территории объясняется её приграничным положением. Традиция взаимных набегов между башкирами, казахами и калмыками, существовавшая в оренбургских степях вплоть до конца XVIII в., не позволяла пограничному башкирскому населению иметь постоянные посевы.

Вместе с тем, традиция земледелия в регионе уходит вглубь веков. В науке считается доказанным тот факт, что кочевники знали земледелие, являвшееся дополнительным источником продуктов питания в их хозяйстве¹. Раннее кочевническое население приуральских степей было знакомо с зерновыми культурами о чем свидетельствуют находки серпов уже в курганах срубной культуры². Исследования по хозяйству башкир также подтверждают непрерывность земледельческой традиции в течение многих веков³. Давность традиции выращивания злаковых у башкир отразилась и в народном календаре: информаторы сообщали нам расчеты благоприятных и неблагоприятных лет. Например, хорошим для земледелия считается год Тигра (Барса) по восточному календарю; народная примета гласит «В год Барса сей все, что есть, если нет ничего, посеи (хотя бы) просо» («*Барс йылын барын сәс, бер булмаһа, тары сәс*»).

При этом территория Оренбуржья в силу природно-климатических факторов относится к зоне рискованного земледелия. Характерной чертой местного климата является засушливость. Дефицит влаги в теплый период года обуславливается, во-первых, малым количеством осадков, во-вторых, тем, что летние осадки имеют ливневый характер и не успевают впитаться в почву из-за расчлененного рельефа и быстрого испарения вследствие высоких температур⁴. В тоже время, оренбургская пшеница известна своими высокими качествами и отличается высоким содержанием клейковины (около 30%). Почвенные характеристики на большей части территории области довольно благоприятны для ведения земледелия.

Земледелие в крае стало активно развиваться в 30-х годах XVIII в., с появлением первого русского населения – казаков, охраняющих Оренбургскую пограничную линию, которые засевали участки рядом с крепостями и редутами. К этому времени юго-восточные башкиры знали земледелие, но оно не играло большой роли в хозяйстве. Наличие посевов у башкир в XVIII в. подтверждают различные источники. Так, например, в ходе подавления башкирского восстания в 1737 г. каратели отправились «по рекам Яику и Сакмаре, а по оным де рекам они воры прикочевали хлеб снимать и сено косить»⁵. В 70-х годах XVIII в. П. С. Паллас отмечал наличие земледелия в окрестностях Сакмарского городка, но оно находилось еще на низком уровне⁶. А в 1768 г. башкирка Усерганской волости Зиенбика Илчегулова сообщала о владении «хлебопашенными землями»⁷.

Однако земледелие в этот период продолжало играть вспомогательную роль в хозяйстве башкир. Примерно в это же время Н. П. Рычков, писал, что река Сакмара: «от хлебных мест весьма уже отдалена» и «тамошние башкирцы почти никакого земледельства не имеют, да и в близости то сей реки жительств их нет», и здесь же от-

¹ Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. С. 256-257.

² Моргунова Н. Л. Археология Оренбуржья. Оренбург: Оренбургское книжн. изд-во, 2004. С. 74.

³ Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: «Башкирская энциклопедия», 2002. С. 76.

⁴ Чибилев А. А. Природа Оренбургской области. Ч. 1. Физико-географические и историко-географические очерки. Оренбург, 1995. С. 20-21.

⁵ Материалы по истории БАССР (далее МИБ). Т. IV. Ч. 2. М., 1956. С. 353.

⁶ Янгузин Р. З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в 18–19 вв. Уфа: Китап, 1998. С. 34.

⁷ Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 3. Оп. 1 Д. 96. Л. 151.

мечал: «правда, что они сами для себя не имеют больше нужды в земледелии, имеют довольно скота: ибо питаются они большей части мясом, молоком, куртмом или сырмом. Малого числа круп для их варенья становится им на долгое время»¹. В 1763 г. старшины юго-восточных волостей на «милостивое наставление о хлебопашестве» оренбургского губернатора Д. Волкова, отвечали, что у них много скота, за которым они «с великим трудом» присматривают и поэтому «нет времени пашню пахать»².

Во второй половине XIX в. в связи с резким сокращением пастбищ башкир ведение полукошевого скотоводства в прежней форме стало нерентабельным, создавая, таким образом, условия для перехода к другому типу хозяйства. Толчком к развитию земледелия у башкир стала земельная политика правительства, которое сразу же после укрепления в крае взяло курс на перевод башкир к оседлости. Основной причиной этой политики были башкирские земли, которых для ведения полукошевого скотоводства требовалось намного больше, нежели для земледелия. Особо жесткие меры по переводу башкир к оседлости и земледелию предпринимались в середине XIX в. при губернаторе В. А. Обручеве. Башкирам были розданы семена, и приказывалось «заняться хлебопашеством». В 3-м, 6-м, 9-м и 10-м кантонах приказывалось «на каждую душу высевать не менее 2 пудов», а затем и 3 пудов зерновых³.

В результате, в 9-м кантоне, в который входила территория Восточного Оренбуржья, количество посевов на душу населения увеличилось с 0,42 четверти в 1842 г. до 0,55 четверти в 1851 г.⁴. В 1830 г. походный старшина деревни Абишевой жалуясь на башкир деревни Бикбовой (четыре семьи самовольно поселившихся в Байказаковых хуторах (ныне д. Старохалилово)) пишет, что «таким самовольным их проживанием сделали немалое настоящим владельцам в поземельных участках стеснение; ибо повсегодано выкашивают они в лугах пятьдесят один стог сена и высевают разного хлеба до семидесяти десятин», то есть более 17 десятин на семью⁵. Итогом насильственного форсирования царской администрацией перехода к земледелию стало обнищание башкир, ломка сложившегося веками традиционного полукошевого скотоводства, при том что земледелие так и не получило ожидаемого развития.

Следующий этап в развитии земледелия связан с массовым переселением в край крестьян из центральных и южных губерний России. На территории Восточного Оренбуржья русские и татарские переселенцы в массовом количестве поселились довольно поздно, лишь в конце XIX в. Еще в 1866 г в Оренбургском и Орском уездах башкирские земли составляли 73,8% (2 951, 694 десятин)⁶. Одним из обстоятельств, затрудняющих переселение, было то, что здесь вплоть до 1865 г. существовало общее владение землями семи башкирских волостей – Усерганской, Кара-Кипчакской, Бушман-Кипчакской, Суун-Кипчакской, Чанким-Кипчакской, Бурзянской и Тамьянской. Они образовывали Семиродную волость, площадь которой составляла 1 600 000 десятин, а число вотчинников приближалось к тридцати тысячам. Несмотря на то, что территория ее была разделена по волостям, и «владение и границы владений с давних пор не нарушались», для продажи земли в ее пределах необходимо было согласие 2/3 всех вотчинников волости, что было затруднительным при такой огромной территории⁷.

В 1865 г., обосновывая необходимость раздела Семиродной дачи, начальник Оренбургского кантона писал, что перехода башкир к оседлости и хлебопашеству можно ожидать тогда, когда у них будет меньше земли, и среди них поселятся рус-

¹ Рычков Н. П. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды Вольного Экономического общества. Ч. 7. СПб., 1767. С. 3-8.

² МИБ. Т. IV. Ч. 2. 1956. С. 43-44.

³ Янгузин Р. З. Рапорт Оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского военному министру А. И. Чернышеву от 1851 года «О быте башкирского народа» // Ядкяр. Вестник АН РБ. Гуманитарные науки. № 4. Уфа, 1994. С. 173. Пуд – мера массы: один пуд равен 16,38 кг.

⁴ Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. С. 217. Четверть – мера объема: 1 четверть равна 8 пудам.

⁵ Центральный государственный исторический архив РБ (далее ЦГИА РБ.). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2510. Л. 2 об.

⁶ Список населенных мест по сведениям 1866 г. Оренбургская губерния. XXVIII. СПб., 1871. С. LX.

⁷ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49. Л. 5 об.

ские земледельцы. «С поселением среди них русского населения они могли бы сами заняться хлебопашеством, так как в настоящее время вся Семиродная дача представляет сплошную массу, населенную исключительно одними башкирами и большей части из них для покупки нескольких пудов муки и в таком же количестве семян для посева приходится ездить к русским за 70 и 150 верст от своих деревень»¹.

Нужно отметить, что в XIX в. земледелие на территории Восточного Оренбуржья развивалось неравномерно. Раньше приобщились к нему башкиры степных мест. Этому способствовало как наличие больших площадей земли, удобной для посевов, так и более тесное соседство с земледельческим переселенческим населением, которое в первую очередь осваивало места, благоприятные для земледелия. Оренбургский губернатор в своем отчете за 1885 г. отмечал, что «в местах степных, более или менее равнинных в близком соседстве оседлого русского населения башкиры или отдают свои земли в арендное содержание, или же лично их эксплуатируют, чем и доставляют сравнительно удовлетворительные средства для поддержания собственного существования»².

Соседствуя с земледельческим населением, башкиры поначалу сдавали земли в аренду, а затем, постепенно, сами перенимали у него многие навыки земледелия. Плата, получаемая за аренду, позволяла им приобретать посевной материал и орудия труда. Поэтому в степной части, на территории Гайского, части Кувандыкского районов земледелие у башкир развивалось более быстрыми темпами. В лесостепных местах Кувандыкского и Саракташского районов этот процесс шел медленнее. Так, в документе 1881 г. про жителей деревни Назаровой 2-й Усерганской волости, говорится, что они «большой частью люди бедного состояния и для занятия хлебопашеством не имеют малейших средств, а потому подати и все другие повинности уплачивают собственно только получаемым за отдачу в кортому земли деньгами. Других же источников положительно не имеют»³.

На рубеже XIX–XX вв. размеры посевов в целом по Орскому уезду оставались еще незначительными. В 70–80-е годы XIX в. на душу населения здесь приходилось в среднем по 0,2 десятины посева⁴. Хлеб сеяли в основном для себя, а в некоторых деревнях производимого хлеба не хватало и для собственного потребления⁵. В 1894 г. волостное правление 3-й Усерганской волости докладывало, что в волости «не имеется лиц, занимающихся земледельческими заработками», то есть производящих хлеб на продажу⁶. Земский начальник Орского уезда в 1901 г. отмечал, что «башкиры только в последнее время стали заниматься земледелием и сеют хлеб в ничтожном количестве, так, что собранного хлеба со своих полей далеко не хватает на продовольствие населения, и недостающее количество хлеба, необходимого для пропитания, теперь приходится покупать у казаков и крестьян, проживающих в пределах станиц, или на базарах...». В то же время, появлялись отдельные состоятельные семьи, занимавшиеся земледелием на уровне товарного производства. Так, Садык Янтемиров из д. Юлгутлино имел в 1901 г. в своих амбарах запас зерна в 15 тыс. пудов, а Абдулгани Куватов – 6 тыс. пудов⁷. Но в целом товарное земледелие не получило еще широкого распространения. Зерно, если и продавали, то в малых количествах или же обменивали на товары промышленного производства.

В составе выращиваемых культур оренбургских башкир выразилась традиционность земледельческого хозяйства. Традиционными культурами у башкир, как и у древних кочевников, являлись яровые: просо, ячмень и овес, причем просо было более популярно в южных районах. Просо – традиционная кочевническая культура, она не требовала особого ухода. Известно, что просо возделывалось еще андроновцами – древними скотоводами оренбургских степей эпохи бронзы. Местное насе-

¹ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49. Л. 6, 8 об.

² ГАОО. Ф. 10. О.2 Д. 50. Л. 82.

³ ГАОО. Ф. 13. О.2. Д. 112. Л. 2 об.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 Т. / Под. ред. И. Г. Акманова. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. Уфа: Китап, 2004. С. 401.

⁵ Башиев М. Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Известия Оренбургского отдела императорского Русского Географического Общества. Вып. 7. Оренбург, 1895. С. 7.

⁶ ГАОО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 32. Л. 193.

⁷ Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф. Ф. Указ. соч. С. 81.

ление и сейчас знает множество традиционных блюд из проса, больше чем из остальных злаков – *өйрә*, *сук*, просяной хлеб. Еще в первой четверти прошлого века просо было популярно у башкир.

Информаторы сообщали, что просо перестали сеять только в последнее время, а раньше оно было культурой, распространенной повсеместно¹. Сеяли также пшеницу и ячмень, но в меньшем количестве. В источниках отсутствуют сведения о посевах льна на территории Восточного Оренбуржья. Однако, по словам информаторов, он возделывался повсеместно в небольших количествах. Башкиры использовали лен в ткачестве и знали приемы его обработки. Наряду со льном возделывали и коноплю, которую также применяли в ткачестве. Д. П. Никольский, побывавший среди южных башкир в конце XIX в., отмечал, что коноплю «нарочно сеют на двориках и задворках», когда уходят на летовку². П. С. Назаров сообщал, что в башкирской деревне «вся улица, все двory и задворки, все даже потолки избышек (глинобитные у степных башкир – Ю.А.) поросли коноплей»³. В начале XX в. значение конопли, снижается, так как растительное волокно было вытеснено изделиями фабричной и кустарной промышленности, но ее продолжали применять в сельской местности вплоть до 30-гг. XX в.

Во второй половине XIX в. влияние этнокультурных традиций на состав возделываемых культур снижается. Меняется соотношение культур в хозяйстве оренбургских башкир: преобладающее положение занимают пшеница и ячмень. Рассмотрим структуру посевов башкир в сравнении с остальным, переселенческим населением. В 1886 г. во всем Орском уезде было посеяно яровой пшеницы – 53 121 десятина, овса – 22 007, ячменя – 8 683 и ржи – 2 426, из них башкирами: яровой пшеницы – 9 467 десятин, овса – 6 467, ячменя – 4 779, ржи – 577⁴. Данных по посевам проса нет. Таким образом, в процентном соотношении состав возделываемых культур у башкир несколько отличался от общего показателя по уезду. По уезду (включая башкир) картина была следующая: на пшеницу приходилось 61% посевов, овес – 25%, ячмень – 10%, рожь – 2,8%. У башкир посевы яровой пшеницы составили 45%, довольно большое место занимали овес (30%) и ячмень (23%), мало сеяли ржи (2,7%). У остального населения посевы пшеницы составили 72%, ячменя – 25%, ржи – 3%. Башкиры испытывали влияние соседей при выборе возделываемых культур. Так, в 1888 г. в Орском уезде процент пшеницы в структуре посевов башкир составлял 53,5 %, что было намного больше по сравнению с башкирами остальных уездов⁵. А в первом стане Орского уезда, в который входила в основном территория Восточного Оренбуржья, процентные показатели посевов пшеницы были еще выше. В конце XIX в. отмечалось, что здесь «ежегодно засеивают около 36 564 десятин яровой пшеницы (72%), 9 525 десятин овса (18,6%), 2 148 десятин ячменя (4,2%), 1 497 десятин проса (3%), 1 097 десятин озимой ржи (2%), 153 десятин гречихи (0,3%) и 66 десятин полбы (0,1%)»⁶. Большое количество засеваемого овса – на втором месте после пшеницы – объясняется тем, что в результате сокращения кочевий лошади переводились частично на сухой корм. Овес полностью шел на корм лошадям, башкиры в пищу его употребляли очень редко.

Соотношение возделываемых культур несколько отличалось во 2-й и 3-й Усерганских волостях, которые примерно соответствовали: 2-я – территории нынешних Кувандыкского и Саракташского районов, 3-я – Гайского района. Во 2-й Усерганской волости в 1894 г. было посеяно пшеницы – 69 535 пудов, овса – 20 420, ржи – 15 340, ячменя – 3 865, проса – 2 784; в 3-й Усерганской волости посеяно пшеницы – 24 432 пудов, овса – 8 640, ржи – 4 212, ячменя – 2 760, проса – 340⁷. Таким образом, соотношение культур по двум волостям выглядело следующим

¹ ПМА. Гайский р-н, Оренбургская обл. 2006 г.

² Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование (диссертация на степень доктора медицины). СПб., 1899. С. 49.

³ Назаров П. С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 173.

⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 57. Л. 245-246.

⁵ Бикбулатов Н. В. Системы земледелия у башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1979. С. 51.

⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп.1. Д. 75. Л. 8.

⁷ ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 29. Л. 112-113.

щим образом. Посевы пшеницы во 2-й Усерганской составили 64%, в 3-й Усерганской – 60%, овса – 19% и 21%, ржи – 14% и 10%, ячменя – 3,6% и 7%, проса – 2,6% и 0,8% соответственно. В деревнях, расположенных в степной местности (Ялчибаевское и Чебаклинское сельские общества) преобладали посевы пшеницы, проса и ячменя, а рожь засеивалась в очень малых количествах. А в деревнях лесной и лесостепной местности (Арслангуловское, Ибрагимовское, Чураевское сельские общества) больше возделывались пшеница и озимая рожь.

Посевы озимых также различались по волостям. Так, среди тринадцати деревень 3-й Усерганской волости озимые посеяли только в двух деревнях – Ялчибаево (6 десятин) и Чебаклино (2 десятины). Во 2-й Усерганской волости посевы озимых имелись почти в каждой деревне, хотя в целом число хозяйств, имевших озимые, было невелико. К примеру, в 1895 г. в Алчинбаевском сельском обществе из 344 домохозяев 96 имели озимые посевы, в Утягуловском – 54 домохозяев из 242, Арслангуловском – 45 из 287, Байназаровском – 41 из 229². Различия в количестве озимых посевов объяснялись в первую очередь различным рельефом: так как в условиях горно-лесной местности яровая пшеница поспевала позднее, башкиры старались посеять больше озимой. В то же время озимые посевы не годились для степной местности, где велика опасность замерзания посевов.

Таким образом, земледелие в Восточном Оренбуржье развивалось довольно медленно и неравномерно. Но в конце XIX – начале XX вв. здесь выработалась определенная система ведения земледельческого хозяйства. Посевы в начале XX в. находились рядом с деревней, иногда всего в 1–2 км. Как правило, они огораживались, чтобы не допустить вытаптывания скотом. Сокращение расстояний кочевков сильно затрудняло ведение земледельческого хозяйства. Если раньше башкиры могли, посеяв хлеб рядом с деревней, откочевать со всем скотом на довольно большое расстояние, до нескольких десятков километров, то теперь скот пасся в непосредственной близости от посевов. В таких условиях становилось необходимым наличие пастухов, присматривающих за скотом постоянно. Мировой посредник Нигматуллин в 1868 г. про юго-восточных башкир, писал, что они решили «держат скот под присмотром пастухов и сеять хлеб вблизи деревень не огораживая пашню как это было до этого»³.

Многие орудия труда башкиры заимствовали у русских крестьян и татар, которые приносили с собой сельскохозяйственные навыки и хозяйственный инвентарь. Ранее распространенным орудием был сабан, он применялся главным образом для распашки целинных земель и поднятия тяжелых почв. В середине XIX в. южные башкиры пахали землю сабаном в шесть лошадей. Пристав 1-го стана наряду с сабаном упомянул и соху⁴. В начале XX в. ведущим пахотным орудием становится деревянный плуг (*һуҫа*) с колесчатым передком и одним лемехом (*дөрән*), с железным наконечником без отвала⁵. Бороновали рамной бороной с деревянными (дубовыми), а позже, железными зубьями (*ағас тырма тимер тешиле*). В качестве тягловой силы использовали быков, реже – лошадь; обычно запрягали двух быков, а впереди шла одна лошадь. Сев производили вручную. Жали урожай также вручную серпом (*ураҫ*). Он был аналогичен русскому и состоял из полукруглого с зазубринами стального ножа и деревянной ручки. Сжатый хлеб связывали в снопы (*кәлтә*) при помощи соломенного жгута. После просушки зерно везли на гумно (*ырҫын*), где складывали его в стог (*кәбән*). Хлеб молотили на «току» (*ырҫын табагы*). Для молотыбы выбирали ровное место рядом с речкой, убирали лопатой дерн (*сиҫәм*), поливали открывшуюся землю водой и утрамбовывали ее, объезжая по кругу верхом на лошади. Затем землю сверху прикрывали соломой. Такая площадка имела у каждого хозяина и находилась, как правило, рядом с деревней вдоль реки. В названиях местностей часто встречаются антропонимы, данные по имени владельца участка, на котором находились его посевы, молотильная площадка, сенокосные

¹ ГАОО. Ф. 118. Оп.1. Д. 32. Л.194-197.

² ГАОО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 32. Л. 202-203 об.

³ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.

⁴ Янгузин Р. З. Указ. соч. 1998. С. 173.

⁵ Бикбулатов Н. В., Юсупов Р.М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Указ. соч. С. 83.

угодья и т.д. Например, рядом с бродом «Шаһым кисеуе» («Брод Шахыма») и местечком «Шаһым ырҫыны» («Ток Шахыма») находилась молотильная площадка человека по имени Шаһым¹.

При молотьбе зерновых первое время больше использовали лошадей, прогоняя их в связке от трех до десяти голов по кругу по разложенным на площадке снопам. Они управлялись одним погонщиком, который стоял с кнутом, держа поводья, в центре круга. Позже по примеру переселенцев стали пользоваться молотильным камнем – катком, привязанным к лошади. Он получил большое распространение у южных башкир. Каток представлял собой цилиндр с ребристой поверхностью внешней стороны, через продольное отверстие которого по центру проходила железная ось, реже веревка. Сноп раскидывался веером, образуя круг, по внешней стороне которого находились колосья. Или же два снопа раскладывали параллельно, так, что их колосья накладывались друг на друга. По ним прокатывали каток, привязанный к лошади. Обмолоченное зерно провеивали лопатой, старались делать это в ветреную погоду.

Солому использовали в качестве корма для скота, а также для покрытия крыш. Зерно обычно хранили в ящике, сплетенном из тальника, который обмазывался навозом – *аласа*. При обработке зерна использовались деревянные ступы (*киле*), ручные каменные зернотерки (*таш тирмән/тигермән*), деревянные жернова (*агас тирмән/тигермән*). В настоящее время во многих деревнях все еще сохранились каменные зернотерки. Их иногда используют для приготовления национальных блюд, таких как *талҫан*, *ент*.

В конце XIX в. распространение получают русские водяные мельницы. В большинстве деревень имелись 1–2 водяные мельницы, которые принадлежали сельскому обществу². Ветряные мельницы были редкостью, но все же имелись. Одна ветряная мельница существовала, например, в деревне Байказак, что отразилось и в названии горы «Ел тирмән» («Ветряная мельница»).

Таким образом, земледелие органично вписалось в хозяйственный уклад башкир. Этому способствовали благоприятные природные условия, в том числе, наличие удобной для выращивания зерновых культур земли, плодородной почвы. Однако, в связи с тем, что переход к земледелию и был вынужденным и совершался в очень короткие сроки, в XIX в. масштабы земледелия у башкир оставались небольшими. Вместе с тем были выработаны навыки ведения земледельческого хозяйства, позволяющие сочетать его с выходами на летовки. Развитию земледелия способствовало тесное соседство с переселенцами из южных земледельческих регионов страны.

© Абсалямова Ю. А., 2008.

Е. О. Аликина

Некоторые особенности самосознания современной сельской молодежи (на примере д. Удмуртские Ключи Глазовского района Удмуртской республики)

В современном динамичном мире все меньше места остается для проявления этнической культуры. Традиционным оплотом сохранения этничности является деревенская культура (культура сельской местности) в противовес размывающему влиянию культуры городской. На стыке этих двух культур живет и действует современная сельская молодежь, которая с одной стороны по факту рождения воспитывается в сельской местности под сильным влиянием традиционно этнических форм бытования, а с другой – постоянно контактирует с представителями города и

¹ ПМА. Д. Старохалилово, Гайский р-н, Оренбургская обл. 2006 г.

² Списки населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург, 1892. С. СХI–СХVII.

впоследствии сама вливается в городскую культуру в процессе получения профессионального образования. С этой точки зрения интересно рассмотреть **особенности социализации** современной сельской молодежи. В данном случае особое внимание нами будет обращено на такой аспект социализации как **самосознание**, которое является одной из сфер данного процесса и одновременно представляет тот фундамент человеческой мысли, на основе которого зиждутся все ценности и нормы современного общества, и, исходя из которого, выстраивается все поведение человека. В рамках изучения самосознания молодых людей целесообразно рассмотреть **ценностно-нормативный аспект самосознания и этнокультурную вариативность социализации** молодежи в сельской местности.

Следует оговориться, что положения, которые отмечены ниже, сделаны на основе материалов опроса молодежи деревни Удмуртские Ключи Глазовского района Удмуртской республики 2005 года. Данные сведения получены от 24 респондентов, из которых 12 юношей и 12 девушек. Опрашиваемые составили 3 возрастные группы, в каждую из которых вошло по 4 юношей и по 4 девушки: 15–17 лет, 18–20 лет, 21–23 года. По социальному статусу на момент опроса 4 юноши и 2 девушки являлись учащимися Ключевской школы, 3 юноши и 10 девушек – студентами, 4 юноши имели работу (1 – в городе Глазове, 3 – в деревне Удмуртские Ключи) и 1 юноша являлся безработным. Распределение респондентов по национальности представлено так: 9 юношей и 9 девушек принадлежат к удмуртской национальности, 3 юноши и 3 девушки – к русской национальности (т.е. 18 из 24 опрошенных являются удмуртами по национальности).

Материалы опроса показывают, что в молодежном сознании прочно обосновались общечеловеческие ценности. Доказательством этого служат ответы респондентов, которые на вопрос «к каким чертам характера относитесь негативно» отвечали: ложь, жадность, предательство, трусость, цинизм, глупость, бессердечность, хитрость, неуважение к старшим, порочность, вредность, горделивость, высокомерие, лесть, лицемерие. Таким образом, воспользовавшись доказательством от противоположного, приходим к выводу, что молодежь более всего ценит: честность, бескорыстие, преданность, храбрость, ум, уважение старших. На эти ценности испокон веков опиралось общество. Поэтому заявления о полной безнравственности современной молодежи являются, по меньшей мере, безосновательными. Другое дело – как молодые люди воплощают эти ценности в реальной жизни.

Ценности и нормы, запечатленные в сознании молодого человека, выявляются в процессе его самооценки и дают определенное представление о том, как он соотносит себя с окружающей действительностью, имеет ли возможность реализовать себя в ней и т.д. С этой точки зрения интересно посмотреть на то, как молодые люди оценивают существующие в обществе стандарты маскулинности (социальный эталон мужественности) и фемининности (социальный эталон женственности), и, соответственно, как соотносят их с собой. В современной литературе отмечается, что в отличие, например от XIX века, когда маскулинные и фемининные черты были жестко определены и считались взаимоисключающими, сейчас данные характеристики не рассматриваются как противоположные качества, которые являются альтернативными. Напротив, их представляют как независимые друг от друга параметры. Это связано с изменением традиционной патриархальной семьи и, прежде всего, социальной роли женщины¹. Такую же ситуацию показывают ответы респондентов. Так при ответе на вопрос «какими качествами должен обладать **юноша**» молодые люди отвечали, что он должен быть: мужественный, образованный, любящий; умный, ласковый, добрый; волевой, уравновешенный; храбрый, коммуникабельный, благородный; честный, дружелюбный, веселый (но не чересчур); сильный, отзывчивый; решительный, воспитанный, расчетливый (сначала должен думать, а потом делать); целенаправленный, способный защитить себя, трудолюбивый; скромный; внимательный, харизматичный, с чувством юмора; у него должен быть вкус, стиль; смелый, желателен без вредных привычек или не иметь много вредных привычек; истинный джентльмен – уважительно относиться к девушкам и юношам².

¹ Андриенко Е. В. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2002. С. 48.

² ПМА. Сообщение Михневой А. Г., Огорельцевой И. Н., Корепанова М. Ю., Иванова С. Г., Корепанова Н. А., Ильина Д. В., Блиновой М. В., Сунцова А. Л., Волкова Д. В., Ларионовой Е. В., Мышкина Ф. А. и др. 2005 г.

На вопрос «Какими чертами характера должна обладать **девушка**» мы получили ответы, что она должна быть: начитанная, умная (образованная, не глупая), работающая, заботливая; добрая, красивая, чтоб не могли ей как марионеткой крутить (самостоятельная в действиях, т.е. волевая); непьющая, некурящая, матом чтоб не крыла (культурная), негуляющая, уравновешенная; женственная, должна понимать человека, быть настоящим другом; скромная; ласковая, нежная, честная; воспитанная; целеустремленная, не должна иметь вредных привычек; она должна представлять из себя личность, с чувством юмора, гордая немного, у нее должен быть вкус, стиль¹.

Следует отметить, что в приведенных цитатах мы специально подчеркнули ответы респондентов, которые показывают сходство определяемых характеристик при описании «мужских» и «женских» качеств личности. Как видно, таких общих черт достаточно много. Таким образом, с одной стороны, в сознании молодых людей сохраняются некоторые традиционные маскулинные и феминные черты (для юношей это мужественность, храбрость, смелость, благородство, решительность, способность защитить себя и девушку, уважительное отношение ко всем; а для девушек – женственность, ласка, нежность, воспитанность, гордость). Но с другой стороны, ряд характерологических качеств, которые раньше можно было отнести только к одному из гендеров, сейчас распространяется и на девушек и на юношей (это образованность, ум, ласка, доброта, воля, уравновешенность, честность, воспитанность, целенаправленность, целеустремленность, трудолюбие, скромность, чувство юмора, собственные вкус и стиль).

Ряд этих качеств (например, ласка, доброта, уравновешенность, скромность, трудолюбие) позволяют проследить влияние этнической ментальности на сознание молодежи, ведь молодые люди воспроизводят тот набор характеристик, из которого традиционно складывается этнический стереотип удмуртского этноса. При этом отсутствие вредных привычек для юношей желательно, а для девушек носит обязательный характер. Таким образом, половые различия, определяющие набор ожидаемых образцов поведения и определяющие деление общества на две социальные группы: мужчин и женщин, в настоящее время стираются, размываются.

Учитывая все вышеперечисленное, можно отметить, что молодые люди при оценке собственных качеств, подходят к себе довольно критически. Пытаясь быть объективными, честными, но в то же время скромными, на вопрос «Какими чертами характера обладаешь ты» отвечали так: **юноши** – «всеми: веселый, грубый иногда, дружелюбный...», «нетрудолюбивый, добросовестный, целеустремленный», «неуравновешенный, с юмором», «скромный, коммуникабельный», «очень добрый, иногда бываю целеустремленный, скромный, общительный», «нагленький, уважительно отношусь к девушкам» и **девушки** – «трудолюбивая... заботливая, забывчивая», «я не знаю... не глупая», «необидчивая, воспитанная, культурная», «с чувством юмора, взбалмошная, непостоянная, гордая, упрямая, немного эгоистичная, высокомерная, вспыльчивая», «упрямая, не всегда сдерживаю свое слово, с чувством юмора, общительна только в своей компании»².

Подводя итог ценностно-нормативному аспекту самосознания молодых людей в деревне Удмуртские Ключи, следует еще раз отметить, что в целом в молодежном сознании закреплены одобряемые и разделяемые большинством людей представления о наиболее важных идеалах человеческой жизнедеятельности: добре, справедливости, чести, верности, порядочности, честности и т.д. В то же время, традиционные черты феминности и маскулинности частично сохраняются в представлениях молодежи, а частично разрушаются, когда отдельные, казалось бы, сугубо моногендерные характеристики распространяются и на девушек и на молодых людей.

В рамках данной работы хотелось бы обратить внимание и на этнокультурную вариативность социализации. Проблемы социализации связаны с вхождением индивида в культуру своего народа – инкультурацией, если воспользоваться термином, который ввел американский культуролог Мелвилл Херскович. Разделяя

¹ ПМА. Сообщение Михневой А. Г., Огорельцевой И. Н., Корепанова М. Ю., Иванова С. Г., Ильина Д. В., Блиновой М. В., Сунцова А. Л., Волкова Д. В., Ларионовой Е. В., Главатских М. А. и др. 2005 г.

² ПМА. Сообщение Корепанова М. А., Сунцова А. Л., Корепанова М. Ю., Иванова С. Г., Волкова Д. В., Мышкина Ф. А., Михневой А. Г., Огорельцевой И. Н., Блиновой М. В., Ларионовой Е. В., Блиновой М. А. 2005 г.

понятия социализации и инкультурации, под первым он понимает интеграцию индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей. А в процессе инкультурации индивид осваивает присущие культуре миропонимание и поведение, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов других культур. Процесс инкультурации начинается с момента рождения и длится всю жизнь. Он совершается по большей части не в специализированных институтах социализации, а под руководством старших, на собственном опыте, т.е. происходит учение без специального обучения. Конечный результат процесса инкультурации – человек, компетентный в культуре (в языке, ритуалах, ценностях и т.п.). Процессы социализации и инкультурации проходят одновременно и без вхождения в культуру человек не может существовать и как член общества¹.

Далее под инкультурацией мы будем понимать процесс приобщения человека с детства к определенной этнической культуре и обретения им необходимых для жизни культурных навыков². Следует сказать, что деревня Удмуртские Ключи, ставшая полем нашего исследования, является смешанной по национальному составу населения: в основном здесь представлены удмуртская и русская национальности, а так же присутствуют представители других этносов. В связи с этим деревня Удмуртские Ключи характеризуется билингвизмом, то есть общение происходит на удмуртском и русском языках – как и в других сельских районах национальных регионов РФ. Эти особенности мы будем учитывать при характеристике этнического самосознания молодежи, проживающей в данном населенном пункте.

Как уже отмечалось, большинство респондентов 2005 года – 18 из 24 – принадлежат к удмуртскому этносу. Но при этом того негативного отношения к удмуртской национальности, которое ранее присутствовало в умах большей части населения Удмуртии и близлежащих регионов, сейчас не наблюдается. Опрос показал, что большинство респондентов как удмурты, так и русские относятся к своей национальности положительно либо нейтрально и только двое из них ответило, что к своей национальности они относятся не очень хорошо.

Примечательно, что почти все опрошенные уверенно адекватно идентифицировали свою национальность, то есть будучи удмуртами отнесли себя к удмуртам, будучи русскими – к русским³; хотя два человека определили свою национальность как «полуудмурт–полурусский»⁴, «русско–удмуртка»⁴, а один молодой человек обобщил: «вообще–то я удмурт, но отношу себя скорее к русской национальности, потому что удмуртская национальность сейчас пропадает, уже не выделяется»⁵. В целом эти данные подтвердились опросом, проведенном осенью 2007 года среди учащихся 10–11 классов школы, находящейся в деревне Удмуртские Ключи. В опросе согласилось участвовать 13 человек в возрасте 15 – 17 лет, из которых 7 человек идентифицировали себя как удмуртов, 3 человека отнесли себя к русской национальности, 1 респондент – «немка», 1 – «удмурт – бессермянин», 1 респондент затруднилась с ответом. Как уже было обозначено выше, процесс инкультурации осуществляется под руководством старших, на собственном опыте. Наиболее ярким показателем степени инкультурации является отношение молодых людей к своей национальности, национальным праздникам, мера участия в таких праздниках. Опрос 2007 года показал, что молодые люди к национальным праздникам относятся: «нормально», «неплохо», «положительно», «хорошо», «уважаю» и только один респондент ответил «равнодушно». При этом респонденты не конкретизировали, какие праздники они имеют в виду, а несколько человек отметили, что они либо мало знают, либо вообще не знают таких праздников.

Данной группе респондентов так же был задан вопрос о том, какое участие они принимают в общедеревенских праздниках, к которым можно отнести празднование Нового года, Масленицы и «Гырон-быдтон» – праздник окончания посевных работ.

¹ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 89-90.

² Садохин А. П. Этнология: учебный словарь М.: Гардарики, 2002. С. 55-56.

³ ПМА. Сообщение Сунцова А. Л. 2005 г.

⁴ ПМА. Сообщение Ларионовой Е. В. 2005 г.

⁵ ПМА. Сообщение Главатских Е. А. 2005 г.

Как показали ответы, старшие школьники принимают и пассивное (смотрят со стороны) и активное (в играх, конкурсах, спортивных состязаниях) участие. Одна респондентка обобщила: «я участвую – когда как: если это какое-то молодежное празднование, то я участвую; если это праздник для взрослых, то я туда не хожу; а если это праздник для всех, то я смотрю тему и если мне это интересно, то я пойду»¹.

Таким образом, можно сделать вывод о слабой этнической инкультурации старших школьников и молодежи вообще, недостаточном обретении ими культурных навыков. Однако процесс приобщения молодых людей к культуре своего народа не остановился, он продолжается, во многом благодаря активному участию в различного рода национальных и общедеревенских праздниках. Молодые люди знают свою национальность, знают в большинстве своем этнические традиции, но пока еще не усвоили и не воспроизводят их. Возможно, это дело будущего.

В отношении же других национальностей молодые люди (по материалам опроса 2005 года) проявляют изрядную долю толерантности; к представителям других национальностей они относятся: «нормально», «положительно», «хорошо», «без разницы», то есть нейтрально. Но в то же время прослеживается негативное отношение к «южным национальностям – азербайджанцам и т.д.», «лицам кавказской национальности», «чуркам» и даже татарам. Мотивируется это тем, что «многие национальности ведут себя по-хамски не в своей стране». При всем этом отношение к расистам либо нейтральное, либо отрицательное, хотя некоторые молодые люди отмечают, что сами в себе замечают иногда такие качества.

Таким образом, этническое самосознание молодых людей хотя еще и неустойчиво и не сформировало стойкой позиции, но все же приобрело положительную направленность. Подводя итог можно отметить, что сельская молодежь несет в себе основное ядро усвоенных черт этнической и в целом традиционной культуры и одновременно – определенный потенциал к их трансформации, разрушению, размыванию.

© Аликина Е. О., 2008.

А. Т. Ахатов

Динамика численности тюркоязычного населения юго-западной части современной Курганской области в конце XIX в.

Как известно, на динамику численности населения в не зависимости от территории проживания влияет совокупность множества социально-экономических, политических, природно-географических и других факторов.

В Южном Зауралье, в Миасско-Уйском междуречье, этническая карта расселения людей, которая наблюдается на сегодняшний день сложилась уже к сер. XVIII в. Именно тогда на указанной территории сформировался довольно устойчивый анклав тюркоязычного населения в окружении русского этноса.

В конце XIX в. на обозначенной территории, которая в административном отношении относилась к Челябинскому уезду Оренбургской губернии (современная юго-западная часть Курганской области – Альменевский, Сафакулевский и часть Щучанского района) располагались две татарские – Аджитаровская (впоследствии Карасевская), Ичкинская* и две башкирские – Китайская

¹ ПМА. Сообщение *Якоревой И. В.* 2007 г.

* В некоторых источниках и литературе указывается, что население указанных волостей было представлено мешеряками и ичкинскими татарами (*Асфандияров А. З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.) Уфа: Китап, 2006. С. 466 – 467; *Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства. Кн. II, ч II. СПб. 1786. С. 30). С другой стороны в других источниках они отмечены как башкиры (Список населенных мест. Ч. II. Оренбургская губерния, 1866. Уфа: Китап, 2006. С. 215, 224; ГАКО. Ф. № Р. 1565 Оп. 1 Д. № 4 Л. 104 об.). Учитывая, что на сегодняшний день их считают представителями татарского этноса (Татары. М.: Наука, 2001. С. 17-21), в данной статье не акцентируется внимание на этой проблеме.

и Сарт-Калмакская волости. О динамике их численности в указанный период времени позволяют судить статистические данные, которые содержатся в таких документах, как «Списки населенных мест Оренбургской губернии на 1891, 1900 гг.», а так же «Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1897 г.»¹ (табл. 1).

Табл. 1*

Года	1891 г.	1895 г.	1900 г.
Волости	Число душ обоого пола	Число душ обоого пола	Число душ обоого пола
Катайская волость	6251	5473	5437
Сарт-Калмакская волость	8902	7640	8761
Всего	15153	13113	14198
Аджитаровская волость	5988	7079	6575
Ичкинская волость	5364	4736	4776
Всего	11352	11815	11351
Итого	26505	24928	25549

Если посмотреть приведенные данные, то можно отметить следующее. В 1881 г. совокупность общего тюркоязычного населения края составила 26505 чел., в том числе 15153 башкир и 11352 татар, однако на протяжении следующих пяти лет численность населения снизилась и составила к 1895 г. всего 24928 чел. – 13113 чел. и 11815 чел. башкирского и татарского населения соответственно. Численность башкир, проживающих на территории обеих волостей, упала за пять лет на 2040 человек (14%). Число татар, наоборот, увеличилось на 463 чел. (4%). В последующем пятилетии наметился некоторый подъем и к 1900 прирост населения составил всего лишь 621 чел. (2%) достигнув в общей сложности 25549 человек, однако, тем не менее, этот показатель на 956 чел. (4%) уступал аналогичному показателю 1981 г. Если рассмотреть динамику численности населения по конкретным волостям в частности, то можно наблюдать следующую картину. В 1881 г. в Катайской волости проживало 6251 чел, в Сарт-Калмакской 8902 чел, в Аджитаровской 5988 чел. и в Ичкинской 5364 чел. В 1895 г. показатели количества населения выглядели следующим образом – 5473 чел. в Катайской, 7640 чел. в Сарт-Калмакской волости и 7079 чел. и 4736 чел. в Аджитаровской и Ичкинской волостях соответственно.

В Катайской волости число проживающих людей уменьшилось на 778 чел. (12%), в Сарт-Калмакской – 1262 чел. (14%), при этом согласно документам часть населения первой волости – 402 чел. – занималась отхожим промыслом, то есть, скорее всего уходила на заработки в другие волости или города, поэтому скорее всего и не были учтены. В последней волости не было указано ни одного человека, занимающегося аналогичным занятием². Резкое падение наблюдалось и в соседней татарской – Ичкинской волости – на 628 чел. (12%), исключение из всех волостей составило только население Аджитаровской волости, которое наоборот увеличилось на 1091 чел. (18%). Таким образом, во всех волостях наблюдалось уменьшение количества людей, исключение составила только Аджитаровская волость. К сожалению, обнаружить документы, которые могли бы объяснить, почему на фоне всеобщего демографического кризиса в данной волости произошло наоборот резкое увеличение численности населения, нам не удалось. К 1900 г. наблюдалось дальнейшее снижение числа жителей в Катайской волости на 34 чел. (0,6%), в Аджитаровской – на 504 чел. (7%, хотя этот показатель и был выше чем в 1891 г.), что касается Сарт-Калмакской волости то здесь было заметное увеличение на 1121 чел. (на 12%), а в Ичкинской этот показатель остался практически на одном уровне с 1895 г.

¹ Список населенных мест Оренбургской губернии, с общими о ней сведениями. 1891 г. Оренбург, 1892. С. 216, 219, 220-222, 259-261; Список населенных мест Оренбургской губернии по сведениям, собранным от полиции, волостных и станových правлений в 1900 г. Оренбург, 1901. С. 132, 135-136, 140-142, 162-165; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1897 г. Оренбург, 1897. С. 10-11.

* При составлении таблицы учитывалось население только таких населенных пунктов, как деревни, без хуторов и заимок, поскольку в них проживало в основном славянское население.

² Адрес-календарь... С. 41-42.

Нужно отметить, что столь резко выраженная отрицательная динамика численности населения в обозначенные хронологические рамки была характерна не только для тюркского, но и для славянского населения. К примеру, если в 1886 г. на территории только башкирских волостей проживало 2686 чел. русских переселенцев¹, то в 1895 г. во всех указанных четырех волостях проживало уже 1028 чел., в том числе: в Ичкинской – 255 чел., в Катайской – 530, в Сарт-Калмакской – 150 и в Карасевской волости – 93 чел.².

Разумеется, на численность населения того периода влияли многие обстоятельства – низкая рождаемость и высокая смертность, слабый уровень развития медицины, однако в указанный период времени доминантой выступил природный фактор. Дело в том, что в указанное время, территорию Челябинского уезда, как и повсеместно всю Оренбургскую губернию охватила череда неурожаев. В начале 1890-х гг. корреспондент газеты «Оренбургские епархиальные ведомости» сообщал о том, что «Даже часть зажиточного населения оказалась разоренной настоящим истреблением погодой хлебных посевов, сельское население не имело и корма для рабочего скота. Продавали скот, частью для прокормления семьи, частью по невозможности содержать его население лишилось главного своего хозяйственного фонда»³.

В результате нескольких голодных лет наступивших в начале 1890-х гг., с одной стороны, наступает естественная убыль населения за счет повышения смертности и понижения рождаемости, с другой стороны идет отток населения на другие территории. Возможно, этим можно объяснить столь резкие скачки в сторону увеличения числа людей в отдельные годы в Сарт-Калмакской и Аджитаровской волостях.

Таким образом, имеющиеся источники и литература свидетельствуют, что динамика численности населения в дореволюционный период определялась множеством социальных, экономических, политических и других факторов, однако, одним из основных, несомненно, являлся природно-климатический.

© Ахатов А. Т., 2008.

Е. А. Ахметова

Современное состояние памятников археологии РБ (на примере курортного района Якты-Куль и юга Баймакского района)

Как правило, изменение состояния археологического объекта является результатом действия двух различных процессов. На определенных этапах преобладают процессы, обусловленные хозяйственной деятельностью человека. Затем, с ослаблением или прекращением этой деятельности, более интенсивными оказываются природные процессы. Также проблема сохранения археологического наследия тесно связана с проблемой охраны земель и самими землепользователями. То есть процесс постепенного разрушения в этих случаях многократно усиливается деятельностью или бездеятельностью людей, осуществляющих те или иные работы на данной территории.

На сегодняшний день помимо естественных факторов, разрушающих археологические объекты, постоянно увеличивается отрицательное антропогенное влияние. Степень воздействия на объекты разная – от минимальной до очень высокой. В результате этого происходит разрушение или нарушение культурного слоя, уничтожение всего памятника или какой-либо его части.

Для анализа сложившейся ситуации в сфере охраны объектов археологического наследия (ОАН) и определения основных проблем были исследованы материалы полевых обследований территории курортного района Якты-Куль (2005 г.) и южной части Баймакского района РБ (2004 г.), которые проводились экспедицией Научно-

¹ Материалы по статистике Оренбургской губернии за 1887 г. Таблица III. Ведомость о числе хуторов, образованных переселенцами на заарендованных землях в волостях Оренбургской губернии и о средних ценах на землю.

² Адрес-календарь... С. 10-11.

³ Цит. по: Щур В. М. История Альменевского района // История Курганской области (Далматовский, Каргапольский, Мишкинский, Сафакулевский, Альменевский, и Куртамышский районы в досоветский период). Том 5. Курганское обл. общество краеведов. Курган, 1999. С. 349.

исследовательского центра «Наследие» (руководитель – к.и.н. Н. С. Савельев). В использованных отчетах степень сохранности памятников разделяется на категории: «Хорошее», «Удовлетворительное», «Неудовлетворительное», «Уничтожен». Рассматриваемые территории расположены в единой ландшафтной нише – предгорной степи с долинами. Однако, один юг Баймакского района – аграрный с традиционным использованием земли и добычей полезных ископаемых, а курортный район Якты-Куль – зона отдыха огромного города.

На территории курортного района Якты-Куль (Абзелиловский район РБ, 30 км к северо-западу от г. Магнитогорска Челябинской области) обследовались побережья озер Якты-Куль, Сабакты, Хюлюктыкуль, горные участки побережья оз. Карабалыкты, а также горные и возвышенные участки за пределами береговой линии. Работы проводились в рамках создания Генерального плана этой активно развивающейся рекреационной территории. Общая площадь обследования 110 кв. км. В ходе этих исследований было зафиксировано 78 памятников археологии¹. Из них:

- Уничтожено 5 объектов (6,4%)
- Отсутствует 1 (1,3%)
- Находится в неудовлетворительном состоянии – 18 (23,1%)
- Находится в удовлетворительном состоянии – 17 (21,8%)
- Находится в хорошем состоянии – 37 (47,4%)

Негативное воздействие отсутствует или является минимальным на 33 археологических объектах, что составляет 45,8% от общего числа памятников, из них 25 одиночных кургана (75,8%), 2 местонахождения (6,1%), 1 могильник (3%), 1 курганный могильник (3%), 3 стоянки (9,2%), одна каменная ограда (3%). В южной части Баймакского района исследовались все речные долины, горно-степные и степные участки, а также западные предгорья хребта Ирэндык. Работы проводились с целью обследования охранной зоны проектируемого музея-заповедника «Ирэндык» и прилегающих территорий. Общая площадь южной части Баймакского района составляет около 1000 кв. км. Данная территория отличается высокой концентрацией памятников и типологическим многообразием. В ходе этих исследований было зафиксировано 195 археологических объектов, из них 190 выявлены в впервые². Из них:

- разрушено – 2 объекта (1%). Оба памятника пострадали при разработке карьеров
- находятся в неудовлетворительном состоянии – 39 (19,9%), часть из них в аварийном состоянии или частично разрушено (к примеру, грабительскими раскопками)
- в хорошем состоянии – 90 (46,2%)

Негативное влияние отсутствует – на 55 археологических объектах (28,5%). Из них 23 одиночных кургана (41,8%), 14 каменных выкладки (25,5%), 5 местонахождений, 4 курганных могильника (7,3%), 2 поселения (3,6%), 2 каменных кольца (3,6%), 2 пещеры (3,6%), по одной стоянке, каменной ограде и аллее менгиров (по 1,8%)

Рассмотрим более подробно причины разрушения ОАН. Интенсивное использование полевых грунтовых дорог и реконструкция крупных дорог наносит значительный вред памятникам археологии. В комплексе причин повреждения археологических объектов на территории курортного района Якты-Куль доминируют *грунтовые дороги и автодороги*, проходящие по территории памятников – 25 (34,7%), из них только дорогами (без участия других факторов) разрушается – 12 памятников (16,7%). Полевые дороги в Баймакском районе также приносят не мало вреда. На долю дорог приходится 36 памятников (17,1%).

¹ Котов В. Г. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях на территории Абзелиловского и Белорецкого районов Республики Башкортостан в 2005 г.; Котов В. Г., Савельев Н. С. Разведочные работы на озерах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // Археологические открытия 2005 г. М., 2007 С. 377-381; Котов В. Г., Савельев Н. С. Энеолитическая стоянка Сабакты-8 в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып 6-7. Уфа, 2007 С. 12-18

² Котов В. Г. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях на территории в Баймакском и Бурзянском районах РБ в 2004 г.; Ахтарянова Д. И. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях на территории в Баймакском районе РБ в 2004 г.

На территории курортного района Якты-Куль негативное влияние оказало строительство и расширение домов отдыха и частного сектора. *Застройка и выравнивание территории* являются основными причинами повреждения 21 памятника археологии, что составляет 29,2% от общего числа памятников. Кроме того, связанные с застройкой *благоустройство территории* влияет на 9,7% археологического наследия района (7 памятников), проведение *коммуникаций* – 4,2% (3 памятника), *бесконтрольное хозяйствование* – 2,8% (2 памятника). Также бесконтрольное хозяйствование (старые ямы, оплывшие траншеи, свалки строительного мусора и т.д.) отмечено на четырех памятниках в Баймакском районе (2,1%).

Необходимо отметить, что кроме строительства для памятников археологии губельна и простая *распашка* земли. На юге Баймакского района из-за этого фактора разрушается 31 памятник (16,1%). Только из-за распашки 7 памятников (3,6%) находятся в неудовлетворительном состоянии. В ряде случаев курганы распахиваются не полностью, опахиваются только их полы – 9 памятников (4,7%). Распашка курганов ведет к изменению исторически сложившихся антропогенных ландшафтов, а стоянок и поселений, как правило, к их значительному или полному уничтожению. К тому же, сnivelированные активной распашкой курганы и стоянки буквально «выбрасывают» на поверхность различные артефакты и являются весьма привлекательными для «любителей старины». Это является ещё одной самостоятельной проблемой – *собираение древних предметов частными лицами* (сбор с металлоискателем, сопровождающийся повреждениями верхней части слоя) и *грабительские раскопки*. Археологический памятник, раскопанный ради любопытства лицом, не имеющим нужных для этого знаний, бывает безнадежно испорчен. На огромной территории юга Баймакского района зафиксированы оплывшие грабительские воронки на 14 курганах (7,3%).

При содержании и разведении животных используются большие площади под *пастбища, выгон, полевые станы, сенокосы* и т.д. Все это приводит к вытаптыванию культурного слоя и способствует значительно более активному выветриванию почвы. В Баймакском районе повреждения на 39,8% (77 памятников) памятников археологии. Из них *пастбища* отмечены на 35,2% памятников (68 памятников). Только выпасом животных разрушается 39 памятников. Минимальные повреждения отмечены на 17 памятниках (8,8%), средние на 20 памятниках (29,4%), максимальные на двух памятниках (1%). На территории пяти объектов (2,6%) располагаются выгоны для скота, при этом один из памятников находится в неудовлетворительном состоянии. Сенокос зафиксирован на восьми памятниках (4,1%). На одном памятнике расположен полевой стан (0,5%).

Наносит ощутимый ущерб и добыча полезных ископаемых. *Разработкой карьеров* полностью уничтожено два памятника, один разрушен частично (Баймакский район). Установкой геодезических реперов (Якты-Куль – 1 памятник) или тригопунктов (Баймакский район – 3 ОАН), построением туры из камней насыпи (Баймакский район – 5 ОАН (2,6%)) повреждены 9 курганов. Установка опоры *линии электропередач* ведет к неизбежному повреждению культурного слоя памятника (Баймакский район – 6 ОАН (3,1%)). Посадкой лесополосы повреждены два памятника (1%). Постройкой дамбы – один памятник (Баймакский район).

Распространенные на озерах и по берегам рек *туристические стоянки* приносят значительный вред вытаптыванием верхнего слоя почвы, следами множества кострищ, мусорными ямами. Все это приводит к повреждению культурного слоя археологических памятников (по два памятника в рассматриваемых районах).

Влияние *природных факторов* отмечено на 12,5% ОАН (9 памятников) курортного района Якты-Куль и на 6,2% памятников (12 памятников) на юге Баймакского района. Как элементы ландшафта археологические памятники подвержены всем изменениям, связанным с процессами эрозии – разрушения водой и ветром верхнего слоя почвы, смыв или развеивание его частиц. В качестве природных факторов разрушения выступают береговая абразия – 8,33% (6 ОАН – Якты-Куль) и 1% (2 ОАН – Баймакский район), воздействие окружающей среды и времени на конструкцию памятника – 4,17% (3 ОАН – Якты-Куль), промоины – 2,6% (5 ОАН), овраги – 1,6% (3 ОАН), крупные норы животных – 1% (2 ОАН – юг Баймакского района).

Таким образом, антропогенные факторы доминируют на территории обоих районов. На территории густонаселенного курортного района Якты-Куль названные факторы проявлялись преимущественно в форме земляных работ по обустройству территории, проводимых строительными организациями и частными лицами без согласования с органами охраны памятников. На юге Баймакского района основное воздействие на состояние памятников оказывает сельскохозяйственная деятельность населения. Законом установлена охранная зона вокруг памятников – не менее чем 50 м по радиусу от разведанных выходов культурного слоя¹. Однако, это правило действует для ранее обнаруженных и официально зарегистрированных археологических объектов. В абсолютном большинстве случаев земля, на которой расположены ОАН, является или застроенной территорией, или сельскохозяйственными угодьями. И говорить о реальной возможности исключения этой земли из использования или ликвидации застройки не приходится.

Выход из сложившейся ситуации, нам видится, в создании охранных зон для каждого памятника или объединенных зон для группы памятников и установления режима использования территории конкретной охранной зоны с учетом особенностей каждого памятника и характера современного его использования².

Наблюдения за состоянием памятников археологии носят нерегулярный характер, не редко сохранность оценивается лишь один раз, при первоначальной фиксации³. Чрезвычайно важно проведение постоянного мониторинга памятников археологии, который является неотъемлемой частью всего комплекса охранных археологических мероприятий. Это позволяет увидеть основные тенденции в развитии ситуации с антропогенной агрессией в отношении памятников археологии.

Так же субъективно и определение степени сохранности памятника. Каждый исследователь решает для себя насколько сильно пострадал тот или иной памятник. Поэтому становится проблемой сама оценка сохранности. Существующие термины характеризуют лишь общее, поверхностное состояние памятника. К примеру, если на территории стоянки каменного века в средневековье были насыпаны курганы, можно ли считать такой памятник находящимся в хорошем состоянии? Или правильной будет фиксировать с оговоркой — часть памятника? На наш взгляд, было бы не лишним ввести обязательную оценку состояния памятников археологии при обнаружении по более подробной и по единой форме.

© Ахметова Е. А., 2008.

А. Т. Бердин

Некоторые проблемы интерпретации этнокультурных процессов в Урало-Поволжье: история и современность

Под этнокультурными процессами в рамках данного доклада мы будем понимать любые, спонтанные либо целенаправленные воздействия, направленные на системные изменения этноса, прежде всего – его идентичности. Природа этих воздействий и их восприятия – в терминологии «конструирование/демонтаж» этноса либо, напротив – в образе живого процесса – этногенеза, несмотря на популярные в недавнем прошлом дискуссии сторонников этих подходов – конструктивизма и примордиализма соответственно, в прикладном смысле есть вопрос скорее интерпретации (даже редукции), чем сути самих процессов.

¹ Матюшин Г. Н. Археологический словарь. М., 1996.

² «Инструкции по организации зон охраны недвижимых памятников истории и культуры СССР», утвержденная приказом Министерства культуры СССР № 33 от 24.01.1986 г. и согласованной с Госстроем СССР (письмо № ИП-6272 от 27.12.1985 г.) п. 4.1.3, п. 3.1.5.

³ Савельев Н. С. Северо-Восточный регион Республики Башкортостан: опыт анализа государственной охраны недвижимых объектов культурного наследия. Уфа: Информреклама, 2003

* Статья выполнена в рамках проекта РФНФ «Социокультурный феномен «фолькхистори» (на материале Республики Башкортостан, Республики Татарстан и Российской Федерации)».

В рамках конференции молодых ученых нам представляется более актуальным именно реальный, прикладной аспект интерпретации этнокультурных процессов. Естественно, что и прикладной аспект обладает своей, причем многоуровневой теоретической составляющей, о проблемах в которой и пойдет речь.

А именно: каковы наиболее типичные теоретические проблемы при интерпретации этнокультурных процессов Урало-Поволжья, помимо концептуальной дискуссии адептов инструменталистских, конструктивистских и примордиальных методик? Какова роль самих интерпретаторов в данных процессах, и существует ли она вообще? С последней проблемой напрямую связан уже неоднократно поднимавшийся в российских научных кругах вопрос ответственности ученого¹.

Изложим ответ на первый вопрос тезисно. Идеологизация научных интерпретаций этнологических процессов. Характерный пример: откровенная позиция Д. М. Исхакова, защищавшего «татаро-татаристскую» (термин М. З. Закиева) теорию татарского этногенеза с чисто идеологических позиций татарского национализма: Золотая Орда якобы много престижней «Булгарии величиной с булавочную головку». Результаты очевидны – творчество авторитетного историка превратилось в работу идеолога, с немалым ущербом для его научной репутации. Например, в этногенез татарского народа по воле казанского этнолога неожиданно попали «татарские» племена Бурзян, Тамьян, Мин, Тангаур², татарский народ обзавелся племенным делением и прочими атрибутами, прочно считавшимися этнологами ему несвойственными – в Урало-Поволжском регионе это – маркер башкир (Р. Г. Кузеев). Еще более тяжелый пример приведем ниже – поддержка Центром этнологического мониторинга Института истории им. Ш. Марджани АН РТ политизированной фольклористики в РБ³. Конечно, жить в обществе и быть свободным от его идеологического поля нельзя. Тем более в России, стране, где идеократические элементы являются структурообразующим, цивилизационным признаком. Но есть принципиальная разница – следовать идеократическому ритуалу, что было, например, общей практикой в советской историографии – и именно поэтому отнюдь не несло ей столь большого ущерба, вопреки представлениям наших современников, исходящих из критериев совершенно иного, неидеократического общества; или самому сознательно продуцировать идеологемы, сознавая искажающий эффект их воздействия на науку.

«Мобилизация политизированной этничности» (термин В. Р. Филлипова) привела к тому, что значительный сегмент идеологического пространства стал формироваться именно профессионалами и дилетантами в области этнологии. Списать сохранение практики идеологизации этнологических интерпретаций на «неизжитое наследие советского прошлого» есть именно карикатурный примордиализм, критика которого, кстати, характерна именно для наиболее идеологизированных авторов. На пользу это часто не пошло ни профессионалам, ни самой этнологии. Данная связь объяснима не инерцией коммунистической идеологии — ее нет, а самим типом мышления интеллигенции в идеократическом обществе — место советской идеологии в иерархии ценностей занял западный «мэйнстрим», прежде всего, неолиберальная идеология (вместо старой, коммунистической). Известно, что при массовой трансформации ценностного сознания легче заменить определенные элементы, чем структуру. При эволюционной трансформации такой процесс постоянен и органичен (или конструктивен), поэтому сохраняется положительная обратная связь. При кризисном и революционном — чаще носит имитационный характер, поскольку в организм (конструкцию) сознания внедряется элемент, чуждый ему принципиально. А поскольку функцией научного сознания является, прежде всего, выработка структур рациональности, то имитационный тип научного мышления приводит к катастрофическим последствиям и для ученого, и для общества,

¹ Цыганков А. П. Несостоявшийся диалог с Фукуямой. О западных идеях, многокультурном мире и ответственности интеллектуалов // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 36-23.

² Исхаков Д. М. «Дом Чингиз-хана» (Алтын Урук): клановая принадлежность и ее атрибуты // Этнополитические исследования в Татарстане. Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 18-27.

³ Исхаков Д. М. Предисловие // Швецов Н.А. История одной авантюры. Уфа, 2007. С. 3-4; Орлов С. А. Пирамида Салавата. Уфа, 2006; Он же. Ликвидация Уфимской губернии: как это было. Казань, 2006.

которое он обслуживает. Именно поэтому родовым свойством огромного сегмента современной интеллигенции стала некогерентность мышления (термин С. Г. Кара-Мурзы). Эта некогерентность мышления привела и к деградации уровня, и к деструкции воздействия этнологов на общество.

Приведем примеры. Фрагмент интервью В. А. Тишкова от 8 октября 2008 года агентству «Интерфакс»: «В ряде средств массовой информации появились утверждения, что сепаратистские настроения в некоторых республиках Поволжья не менее сильны, чем на Северном Кавказе. Насколько, по Вашему мнению, верны подобные утверждения? В. Т.: Типичный прием журналистской «провокации» – сделать заявку в форме анонимной ссылки, а потом из нее вылепить новость. Во-первых, на Северном Кавказе нет сильных сепаратистских настроений, а после трагедии Чечни, клиентов испробовать вооруженную форму сепаратизма в России не наблюдается. Да и по Конституции их быть не может. Поэтому подобные «утверждения» являются ложными». Сильное утверждение! Сепаратистских настроений в России нет, потому что по Конституции быть не может. А я думал, что задача этнолога – исследовать то, что есть в реальности, а не то, что предусмотрено Конституцией: эти плоскости бытия могут не совпадать.

Подобное замечание академика В. А. Тишкова – симптом талассократии, иррациональной веры в Закон, – цивилизационный признак, свойственный Западу и совершенно чуждый нашей стране. Но усердно внедряемый либеральным лобби на ТВ и в СМИ – тем самым лобби, отношение к идеологии которого население РФ ясно выразило, сокрушительно провалив все партии типа СПС на всех выборах. Серия дутых, часто намеренно абсурдных по мотивам процессов, затеянных представителями маргинальной оппозиции РФ, преследует собой ту же цель – внедрение цивилизационно чуждого стереотипа поведения, когда сутяжничество превращается в добродетель. В РФ из того же разряда – канонизация и «реабилитация семьи императора Николая Романова» и в перспективе – подобные юридические процедуры над прочими персонажами истории. Это – глумление, небрежно скрытый культурный садизм (термин С. Г. Кара Мурзы).

Для региона Урало-Поволжья актуальна следующая иерархия идеологических мифов, прямо влияющих на интерпретацию этнокультурных процессов: мифы радикал-либеральные (ритуальные идеологемы: гражданское общество, глобализация, прогресс, либерализм, демократия и т.д. – они идентичны общероссийским и хорошо исследованы¹), мифы этнонационалистические/шовинистические (наиболее известны исследования по ним – в методологическом плане – В. А. Шнирельмана², на материалах региона Урало-Поволжья – В. А. Кореняко³ и некоторых других авторов).

2. Комплекс демиурга. Так я называю трансформацию интеллигентского мессианизма в формах, свойственных постмодерну. Увлечение крайностями инструментализма и конструктивизма для некоторых ученых получает дополнительную привлекательность потому, что внушает идею возможности креативного вмешательства в этногенез (ранее – в политику). С другой стороны – представление о дискретности нации и ведущей роли «рефлектирующего меньшинства» (вспомним, например, о роли чингизизма в этногенезе татар в интерпретации Измайлова) освобождает от ответственности за жизнь этносов как безусловную ценность (конструкты и инструменты таковой не обладают по определению). И одновременно – преувеличенное представление о собственных возможностях, ощущение элитарности, роли демиурга этногенеза. Этим можно объяснить культурный садизм интеллигенции по отношению к собственному народу.

¹ Панарин А. С. Испытание глобализмом. М., 2003.

² Шнирельман В. А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестник Омского университета. 1998. № 1. С. 66-71.

³ Кореняко В. А. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность исторических мифов / Под ред. М. Б. Олкотт и А. Малашенко. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2000. С. 34-52; Бердин А. Т. Джихад, которого не было // Бердин А. Т. Молоток для кривых зеркал. Авторский историко-критический сборник. Уфа, 2006. С. 142-170; Он же. К вопросу о методологии изучения истории Башкортостана // Вестник Академии Наук РБ. 2007. № 2. С. 24-30.

Например, в нашем регионе – участие (к нашей чести, очень немногих) в формировании политизированной фольклорной истории и попытке целенаправленного повреждения символической карты как башкирского народа, так и других народов Башкортостана в сегменте их представлений о башкирах. Но еще более поразительно интеллектуальное участие в этой информационной агрессии сотрудников СЭМРПК — организации, призванной не провоцировать, а предотвращать межэтнические конфликты. Между тем аксиомой этнологии является конфликтогенность кризиса этничности крупного этноса, особенно в плане изменения его статусно-ролевого положения и представлений о нем. Тем более, обладающего такими признаками, как башкирский народ: исламской этноконфессиональной идентичностью, традиционными стереотипами воинственности как этнического маркера и т.д.

Согласно интерпретации ряда исследователей, (З. Я. Рахматуллина, Р. Р. Галлямов, А. М. Буранчин), общество Башкортостана обладает собственными системно значимыми элементами традиционного общества (по терминологии К. Поппера). А традиционное общество в российском/евразийском варианте обладает повышенной уязвимостью для Слова. Создатели политизированной фольклорной истории в Башкортостане прежде всего используют методики, оправдавшие себя еще при разрушении коммунистической идеологии и советской цивилизации, и во многом применимые именно к разрушению традиционных обществ вообще.

Символический уровень – одна из основ этнической идентичности, и этнополитических видов мировоззрения вообще – национальных, например¹. Символы, особенно исторические, являются культурными, даже сакральными в какой-то мере, структурообразующими элементами этнического самосознания. Особым значением обладают исторические персоналии, несущие нагрузку «символов нации». Для Башкортостана наиболее известными из таковых являются Салават Юлаев и А.-З. Валиди.

Наиболее типичными примерами целенаправленной атаки на ценности этнической идентичности (в данном случае – башкир), произведениями, обладающими всеми признаками политизированной фольклорной истории: профанность, симуляция научности полностью является серия псевдо-исторических работ Н. А. Швецова², С. А. Орлова³, а так же откровенно маргинальные публикации А. А. Дильмухаметова⁴. Причем работы первых двух авторов частью изданы под редакцией либо с предисловием д.ист. н. Д. М. Исхакова, под грифом и с информационным обеспечением ИЭМ ИИ АН РТ⁵ – очень тревожный признак, свидетельствующей о целенаправленном симбиозе фольклорной истории и политически ангажированной науки Татарстана.

Подробный анализ всей серии подобных работ под обеспечением АН РТ, включая разбор их «исторических» аргументов произведен нами в отдельных публикациях⁶. Здесь мы наметим только теоретический анализ методик, наиболее типичных для данной серии на конкретном примере: дискредитации образов Салавата Юлаева и А.-З. Валиди.

Кампания по дискредитации образа Салавата Юлаева ведется в классическом ракурсе культурного садизма (термин С. Г. Кара-Мурзы). Культ данного героя имеет структурное значение для карты этнокультурных символов башкир. Выделим некоторые его функции, сразу отметив — когда наносится удар по образу Салавата, удар направлен именно на них.

1. Герой, связывающий, казалось бы, несовместимые идеологически эпохи в единую линию преемственности истории башкирского народа. С одной стороны –

¹ Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. Вып. 3. М., 2000. С. 1.

² Швецов Н. А. Критические заметки по истории Башкирии. Уфа, 2006; *Он же*. Критические заметки об одном юбилее. Уфа, 2006; *Он же*. История одной авантюры. Уфа, 2007.

³ Орлов С. А. Пирамида Салавата. Уфа, 2006; *Он же*. Ликвидация Уфимской губернии: как это было. Казань, 2006.

⁴ Дильмухаметов А. А. Воины против ублюдков. Уфа, 2007; *Он же*. Юбилей манкуртов. Уфа, 2007.

⁵ Вокруг истории. Стенограмма презентации ЦЭМ ИИ АН РТ серии работ Н. А. Швецова и С. А. Орлова // Звезда Поволжья. 2007. № 31. 16-22 августа. С. 1–2.; Звезда Поволжья. 2007. № 32. 27-29 августа. С. 1–2.

⁶ Бердин А. Т. Призрак «Уфимской Атлантиды»: как он создается. Уфа, 2007; *Он же*. Молоток для кривых зеркал. Уфа, 2006.

башкирские восстания (принципиально враждебные марксистскому взгляду на историю – см. Н. В. Устюгов) – образ Салавата оказался компромиссом, позволившим, отвергнув (но сохранив их в научной и народной памяти – пусть со негативной оценкой – что позволило вернуться к его переоценке в более взвешенном ключе, как это произошло в 1980-е гг. с фигурой Екатерины Великой), например, хана Карахакала, сохранить и героизировать главное – **образ** башкирского повстанца. А вернуть в поле народной симпатии, окружавшей этот образ, другие исторические персонажи со схожим статусом – со временем было бы несложно (что и произошло).

С другой стороны, он связывал нас с советским периодом — как легитимировавшим образ башкирского батыра-повстанца — причем как в глазах башкир, так и русских. Образ, обладавший конфликтным потенциалом, стал образом дружбы. Одно это – культурологическое достижение, равное легитимации Вальтером Скоттом шотландских мятежников в глазах британцев («Роб Рой»). И советский период легитимирован как часть истории Башкортостана – не только болезненных потерь башкирской истории и общества, но и период взаимного уважения башкир и других народов края к прошлому – признанному общим.

В-третьих, современный период безболезненно связывался и с дореволюционным и с советским, – через Салавата образы «возвращенных» и уже существовавших героев этнополитического пантеона не противоречили друг другу. Включая Салавата как исторический образ, как культ советского времени, и как бренд современности (например, ХК «Салават Юлаев»). По всей России именно «конфликт» теней прошлого, как известно, до сих пор является симптомом тяжелого кризиса национальной идентичности.

Далее, Салават как персонаж истории несет сложную смысловую нагрузку. Исторически как бы олицетворяя всех башкирских воинов 18 века, включая исторически более удачливых в военном плане, он есть символ воинской гордости народа. Причем и это качество, и его символ сомнению не подвергались. С сомнением в символе подвергается сомнению и символизирующее его качество, т.е. доблесть народа, как узнаваемый маркер. Что прямо провоцирует ценностный и психологический конфликт.

Мало того, что исторически основания для такой дискредитации просто не научны (нарушая принципы историзма и просто фактологии), – уже сам ее акт вне зависимости от степени рационализации ведет к описанному тяжелому эффекту!

Другая нагрузка – образ мученика. Это – также этнокультурный маркер, присутствующий отнюдь не у всех народов. Например, героизация поражений характерна для русских, сербов, венгров, башкир, татар и совершенно непредставима у американцев или немцев. Экзекуция над Салаватом и его отцом носила именно ритуальный характер, и, возможно именно это обстоятельство закрепило первоначально за ним ореол символа пугачевщины для башкир. Наконец, этническая терпимость Салавата — исторически бесспорна. Ее неоязыческое ритуальное «разоблачение» направлено именно против императива толерантности и у русских, и у башкир. Ссылки на «рационализацию» ситуации как мотив возможны либо у профана, либо являются заведомой ложью. Между тем сложилась странная картина. И. В. Кучумов, как специалист по зарубежной историографии не мог не видеть, например, элементарной ошибки Д. Петерс, когда она говорила о «религиозном характере» движения Салавата. Но, тем не менее, поддержал именно линию на дискредитацию башкирского национального героя¹.

В. В. Трепавлов достойно и кратко ответил на измышления Д. Петерс и И. В. Кучумова, эмоционально пересказанные Н. Швецовым и усиленные С. Орловым. «Среди тюркоязычных документов пугачевской ставки нет ни одного, который бы свидетельствовал о стремлении отделиться от России»². Но неужели И. В. Кучумов мог этого не знать без подсказки В. В. Трепавлова?

¹ Кучумов И. В. Крючья под ребро истории: этницизм в постсоветской историографии Башкортостана // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Ред. К. Мацузато. Sapporo, 2003. С. 52-104. С. 80.

² Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. М., 2007. С. 129.

При дискредитации исторических персонажей в РФ обычно используется методика дискредитации «культы личности». Эта составляющая была оборотной стороной советской идеологии, того же «культы личности», например. Проникнуться этой диссидентской идеологией могли только люди, крайне подверженные воздействию идеологием вообще, в том числе официозных. Т.е. воспринимающие их не как необходимую условность (как воспринимал свой «культ» сам И. В. Сталин и высшая часть советского истеблишмента, да немалая часть народных масс; или как традиционно воспринимается культ Салавата Юлаева в Башкирии), а как данность, истинность которой нуждается в обязательном подтверждении либо ниспровержении.

Наиболее уязвимой для идеологической манипуляции оказалась именно интеллигенция – очередное свидетельство тоталитарности и безрелигиозности как сословного архетипа мышления отечественной интеллигенции, подмеченной еще «Вехами». Личности и ее культу приписывается ниспровергателями не меньшее значение, чем их апологетами, только с обратным знаком, с эмоционально негативной, а не позитивной оценкой. Излишне говорить, что подобный подход настолько стереотипен, что находится в области не науки, а манипуляции общественным сознанием.

Характерный пример – полемика вокруг личности и «культы» А.-З. Валиди. Прежде всего, сознательно создается совершенно ложное впечатление о самом существовании этого «культы»¹. Если слабые попытки апологии А.-З. Валиди и были, до масштаба «культы» они в Башкортостане, безусловно, «не доросли». Но «антикульт», тем не менее, создавался превентивными темпами, в рамках противодействия поискам национальной и региональной идентичности², и в формате научной публицистики, и в жанре фольклористики. Обратим внимание на его методологическую составляющую.

Во-первых, сам культ создавал бы впечатление, что Валидов являлся неким «демиургом» Башкортостана. Естественно, такая интерпретация позволяет легко дискредитировать башкирское национальное движение в целом и даже ставит под сомнение этническую идентичность башкирского народа. Так выразился, например, И. Гревингхольт (в части текста, не имеющей отношения к сущностному смыслу своего серьезного политологического исследования) – у башкир «В начале XX века под влиянием татарского национального движения ... стала формироваться собственная этническая идентичность. ... За помощь большевикам в годы Гражданской войны они в марте 1919 г. первыми получили автономию в составе РСФСР»³.

Такой подход разработан еще при жизни А.-З. Валидова главными идейными противниками его лично и башкирского национального движения в целом (Г. Исхаки, С. Максуди), и возрожден в современной пантатаристской публицистике. В идейном и организационном плане современная политизированная фольклористика в РБ является по отношению к пантатаристской идеологии паразитарной.

Важный признак информационной агрессии – работа в символической области коллективного бессознательного, с технологиями, мифологизирующими массовое сознание на уровне «третичного мифа», по классификации А. Шнирельмана⁴, с постоянным использованием мифологем (от которых не избавлена и настоящая наука): «советские штампы», «советские мифы», «Башкирская республика – выдумка большевиков» и т.п. Т.е. сущность подменялась оценочностью – если «советское», значит плохое, искусственное, ложное⁵. В последнем случае, например, использовались результаты масштабной дискредитации советской цивилизации (термин С. Г. Кара Мурзы), отнюдь не отличавшейся теоретической обоснованностью, но поразившей сознание миллионов.

¹ Орлов С. А. Ликвидация Уфимской губернии: как это было. Казань, 2006; Швецов Н. А. История одной авантюры. Уфа, 2007. С. 37-47.

² Борисенко Ю., Шишков А. Заки Валидов. Степной волк, отец русского федерализма // Профиль. № 9 (81) от 09.03.1998; Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924-1932 гг.) / Сост., предисл., примеч. С. М. Исхакова. М., 1999.

³ Гревингхольт Й. Республика Башкортостан. Становление авторитарного режима. Казань, 2006. С. 10.

⁴ Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. Вып. 3. М., 2000. С. 13.

⁵ Кульшарипов М. М. История Башкортостана: XX век. Уфа, 2005.

Например, стереотипное понимание и применение термина «царизм», «самодержавие», «монархия», в качестве не столько исторических понятий, сколько эмоционально окрашенных штампов, ослабляет и содержательную сторону программ истории Башкортостана¹, и аргументацию против фолькхистори, поскольку те же понятия зачастую используются последней в качестве таких же стереотипов, но с противоположной символической оценкой. А чужую метафизику нельзя опровергнуть по определению.

Излюбленным сюжетом политизированной фолькхистори в Башкортостане является обвинение Валидова в переходе на сторону Красной Армии в феврале 1919 года². Обвинение, не имеющее для историка никакого смысла, если вспомнить разношерстность Белого движения³ и отсутствие у башкирских автономистов принципиальной идейной связи с таковым (исключая враждебную А.-З. Валидову группу М.-Г. Курбангалиева, который остался верен Белой Гвардии до ее конца)⁴ – общими были только противники.

Общеизвестно, что «предал» тех деятелей Белого движения, с которыми вступило в союз Башкирское шуру, не Валидов, а А. В. Колчак, узурпировавший власть и погубивший тем самым Комуч⁵. Нелегитимным и Белое движение в целом, и диктатура Колчака, было не в меньшей степени, чем Советы и «диктатура пролетариата». Вообще, вопрос о «легитимности» в обстановке Гражданской войны возможен только в условной степени и только в сравнении. В этом смысле Башкирское шуру было не менее легитимным и «демократичным», чем главные враждующие стороны. Но официальная башкирская историография, не решаясь пойти против нового общероссийского «белого» мифа о Белом движении, акцентировалось на «монархизме Колчака», который не только сомнителен как исторический факт (в политике А. В. Колчак полностью зависел от «демократий» Запада, его собственную платформу, исключая благие пожелания, определить весьма сложно, большинство вождей Белого движения были сторонниками «идеалов Февраля»), но и не может служить ни оценке колчаковской политики, ни обоснованием действий Валидова. В современном научном и общественном сознании монархизм отнюдь не носит характер негативного идеологического стереотипа, как в советскую эпоху.

В действительности определяющим мотивом для башкирского движения был не призрачный «монархизм» Колчака, а именно его «непредрешенчество» в парадоксальном сочетании с авторитаризмом, отрицанием федерации и автономии, прежде всего — национально-территориальной автономии башкирского народа. Этот момент также подчеркивается в историографии Башкортостана⁶, но для понимания ситуации он совершенно достаточен, добавление «демократической» мифологии о «монархизме белых генералов», не являвшимся для них ни обязательным, ни сущностным признаком, совершенно излишне.

В уязвимое положение официальную историографию РБ ставит не слабость научного обоснования, а именно послушное следование неолиберальному мифу «Белой гвардии». Бесперспективность Белого движения заключалась даже не в его «нелегитимности» или «недемократичности», а именно в неспособности предложить единую приемлемую альтернативу, что ярко проявилось в национальном вопросе⁷.

Традиционализм современной башкирской общественной жизни, и как следствие – системы исторического воспитания, позволивший накопиться немалому количеству устаревших стереотипов, является, как это ни парадоксально, не только

---

¹ Бердин А. Т. К вопросу о методологии изучения истории Башкортостана // Вестник Академии Наук РБ. 2007. № 2. С. 24-30.

² Швецов Н. А. Критические заметки по истории Башкирии. Уфа, 2006. С. 52-53; *Он же*. История одной авантюры. Уфа, 2007. С. 9-21.; Орлов С. А. Ликвидация Уфимской губернии: как это было. Казань, 2006. С. 6-23.

³ Белое дело. Дон и Добровольческая армия. П. Н. Краснов. Всевеликое войско Донское. А. И. Деникин. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 1992.

⁴ Юнусова А. Б. «Великий имам Дальнего Востока» Муххамад-Габдулхай Курбангалиев // Вестник Евразии. 2001. № 4 (15).

⁵ Кульшарипов М. М. Заки Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917 – 1920 гг.). Уфа, 1992. С. 49.

⁶ Кульшарипов М. М. История Башкортостана: XX век. Уфа, 2005. С. 54.

⁷ Буровский А. М. Крах империи. М. Красноярск, 2004. С. 281.

негативным, но и позитивным обстоятельством. Удар наносится по тому главному, что удавалось сохранить – монистичному, традиционному восприятию этнической истории – архетипной скрепы любого этноса. Избавление от устаревших формулировок – процесс решаемый, точнее, естественный¹. Слабое проявление постмодернистских тенденций в башкирской научной среде – скорее благо, чем зло. Потому что постмодернизм является не альтернативой, а преодолимой переходной стадией в культурном развитии сознания². И покорно следовать ей, – разновидность той самой «власти дедукции», что, по мнению И. А. Ильина, однажды уже погубила отечественную интеллигенцию и в какой-то мере – всю страну.

© Бердин А. Т., 2008.

А. М. Буранчин

Республика Башкортостан: через государственный суверенитет к «традиционному обществу»

Очередной виток форсированной модернизации России, начавшийся в конце XX века, привел не только к слому советского государства, но и породил системное несоответствие между социокультурной составляющей российского общества и формирующимся демократическим государством. Попытки заменить основные структуры и институты традиционного общества на институты общества современного Запада привели к закономерному исходу – к имитации гражданского общества и неокорпоратизму. Игнорирование исторических особенностей российского государства, слабый учет цивилизационной компоненты свели все попытки создать «классическое» гражданское общество к появлению крайне «рыхлых» структур, которые после непродолжительной активности начала 90-х гг. были окончательно ангажированы властью в ходе неоконсервативных реформ В. Путина. Неоконсервативный вектор представляет собой, по сути, вступление в завершающую фазу социальной модернизации страны.

Однако противоречие между двумя векторами трансформирующегося общества: либерального и традиционного – ведет к затяжному переходному состоянию, «гибридизации» общественных и государственных институтов, в связи с чем предлагается рассмотреть в качестве примера Республику Башкортостан как национальный регион, где форсированная этатизация этничности в постсоветский период стала основной причиной «закрытия» власти и местной элиты. «Молекулярные» изменения в сознании местной интеллигенции в конце 1980-х г., порожденные перестройкой, привели к ее расколу по национальному признаку и возникновению этнополитических движений. Децентрализация советской системы привела к регионализации местной власти и экономики, положила начало формированию региональной идеологии и новой политсистемы. Произошло разрывание идеологического поля советской системы, в ходе которой региональные элиты превратили регионы «в пространство собственного исторического творчества и одновременно в пространство своей идеологической колонизации» (А. К. Магомедов).

В то же время необходимо признать, что радикальных структурных изменений в системе власти не произошло. Появление новых акторов на республиканском политическом пространстве не стало причиной возникновения значительных, горизонтальных общественно-политических субъектов, придающих устойчивость системе и влияющих на власть. Одновременно централизация вертикали управления привела к «консервации институциональных механизмов, свойственных советской системе»³.

Существующие фасадные структуры гражданского общества в регионе были еще в начале 90-х годов жестко структурированы «сверху» и ангажированы, то есть это то, что пытается сделать сегодня федеральная власть с приходом В. Путина в

¹ Бердин А. Т. К вопросу о методологии изучения истории Башкортостана // Вестник Академии Наук РБ. 2007. № 2. С. 30.

² Панарин А. С. Прагматизм рынка и космизм человека // Родина. 1998. № 23. С. 45-48.

³ Регионы России: хроника и руководители. Т.8. Республика Башкортостан / Под ред. К. Мацузато. Екатеринбург, 2003. С. 246.

форме государства-корпорации, но без «этнического» компонента. И нужно признать, что данный процесс (искусственного структурирования) наиболее подходит для негражданских обществ аграрного (кочевого) типа. Плачевный опыт общественных организаций начала 90-х годов приводит к выводу, что данные образования не имеют перспектив вне государственных сфер влияния. Лишь включенные в механизм власти, находясь под ее контролем, они имеют хоть какой-то функциональный смысл как общественные организации в советском государстве (профсоюзы, комсомол и т.д.). Вне этого «поля» они превращаются в политические фантомы либо в клубы по интересам. Длющийся в стране уже 18 лет трансформационный период, на наш взгляд, убедительно показал невозможность «вырастания» структур гражданского общества «снизу». Что в свою очередь лишней раз является доказательством того, что любая власть в России обречена создавать лишь структуры квазигражданского общества как в советском государстве.

Социокультурные характеристики реформируемого общества нельзя легкомысленно игнорировать. На примере Республики Башкортостан видно, что процесс огосударствления «титульного» народа привел к тому, что постепенно начали складываться социальные практики с чертами советизма и «традиционного общества». В политической практике – элементы идеократического государства. Нет сомнения в том, что республика неосознанно хочет повторить феномен «советского традиционализма» или как его еще называют «советского фундаментализма». Главной причиной этих попыток является интенсивная этнизация власти в 90-е гг., когда местная правящая элита стала формироваться по социальному (выдвиженцы из сельской местности) и этническому принципу. Сосредоточение местной власти в руках бывших крестьян в регионе с достаточно высокой степенью урбанизации (Р. Р. Галлямов) произошло за счет снижения выходцев из города в системе власти и привело, по нашему мнению, к «закрытию» элиты и консервации режима.

Несмотря на то, что республиканская власть в 90-е годы «внешне» модернизировалась, внутри она осталась глубоко традиционалистской. Наблюдается даже некоторый откат в «архаику». Нет сомнения, что при наличии более широких возможностей местная власть постаралась бы создать систему максимально похожую на советскую, которая также была «крестьянским», традиционалистским государством (С. Г. Кара-Мурза). Наличие неолиберальных мифов в общественном сознании и в региональной идеологии РБ не должно вводить в заблуждение, поскольку на имитационный характер постсоветских государств было указано рядом российских исследователей (например, Д. Фурманом, А. А. Зиновьевым).

Соответственно, правящий режим испытывает те же проблемы, которые были характерны для советского государства¹. Это, прежде всего, установка на тотальный этатизм, тенденция к геронтократии и несменяемости элиты, создание жесткой вертикали региональной власти, отсутствие легитимной оппозиции, формализм в общественной жизни («показуха», «штурмовщина») и т.д. Интересно, что система начинает, как и в СССР, давать сбои прежде всего в сфере идеологии, а не экономики и управления. Последнее вполне объяснимо, поскольку даже слабая попытка создать идеократию советского типа автоматически приводит к потере «гибкости» идеологической машины. Еще раз отметим, что данные импульсы власти носят неосознанный характер.

Такая политическая система, как и советская, достаточно «хрупкая», у нее свои слабые места. То, к чему не чувствительны политемные западных обществ, может представлять существенную угрозу для «имитационных демократий». Однако главной проблемой остается неспособность республиканской власти модернизировать используемую региональную идеологию. Иначе говоря, режим не может самостоятельно сменить дискурс, навязанный национальной интеллигенцией РБ, мобилизованной в ходе интенсивной суверенизации 90-х годов. Всеобщая прагматизация и рационализация политических сфер общественной жизни постсоветской России, доминирование технократических подходов при принятии решений созда-

---

¹ Абдрахманов Д. М., Буранчин А. М. Трансформация государства и общества в условиях глобализации: модель Башкортостана. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2007. С. 211.

ли иллюзорную уверенность правящей элиты, как РФ, так и Башкортостана, на возможность управлять обществом, опираясь лишь на административные силы государства. Отдаление интеллигенции республики, прежде всего научной, от власти, установка на технократизм увеличили разрыв между формально декларируемым и реально существующим. А жесткая «привязка» науки к действующему режиму привела к снижению уровня региональной гуманитарной науки. При этом власть пытается создать систему подобную советской, не обладая даже десятой долей возможностями последней. В результате постепенная десакрализация и рационализация власти грозит не только «устареванием» региональной идеологии, но и одной из главных «болезней» постсоветских государств – потерей обратной связи. Нечувствительность режима к едва заметным изменениям общественных настроений может породить очередной кризис легитимности, подобный тому, который она испытала в период выборов Президента РБ 2003 г. (К сожалению, власть до сих пор не извлекла уроков из этой кампании – А.Б.). Сегодня ясно, что постсоветский человек не проявляет активного гражданского недовольства на те или иные ее решения, как человек западного общества, но расценивать его молчание за единогласное одобрение было бы глубоко ошибочно. Кроме того, правящая элита продолжает принимать решения, находясь в рамках рационального дискурса **Просвещения**, а также неолиберального транзита «демократической» революции 90-х годов, что приводит к искаженному восприятию ею сущности действующего режима (это, кстати, позволяет легко понимать и прогнозировать действия его основных политических акторов). В результате республиканская власть, демонстрируя низкий уровень рефлексии, неосознанно продолжает отождествлять себя с развитыми демократиями западных государств, в то время как давно уже произошел скачок в постмодерн, а система с каждым днем все больше напоминает вывернутый наизнанку «совок». Соответственно, к примеру, перенесение обычных кадровых смещений в фокус общественного сознания (история с отставкой главы администрации Президента РБ Р. Хабирова) автоматически приводит к достаточно осязаемому внутриэлитному расколу, что было бы немыслимо в условиях западных демократий. Любопытно также, что в системе местной власти начали заново «клонироваться» номенклатурные типы в лице «комсомольцев-карьеристов» 80-х годов, характерные для позднесоветского периода.

Тем не менее, несмотря на то, что на данный момент региональный режим использует неадекватную идеологию, созданную еще в начале 90-х гг., большинство населения РБ в целом считает режим достаточно легитимным. Наблюдается радикализация лишь отдельных, маргинальных групп, главным образом, в крупных городах. Причин здесь несколько. Во-первых, исключая малочисленное «титульное» население РБ, которое воспринимает республиканский статус как форму своего национально-государственного самоопределения, «некоренное» большинство, в целом, до сих пор разделяет идею регионализации экономики, внедренную в общественное сознание еще в период перестройки. Стратегия же «мягкого» вхождения в рынок при доминирующей роли государства, выбранная М. Рахимовым в 90-е гг. «подтверждает» данную установку в повседневности, поскольку на фоне других регионов республика действительно неплохо выглядит. И это притом, что первая установка монетаристская, вторая – абсолютно этатистская. Во-вторых, эту власть воспринимают как преемницу «старой», советской власти. В-третьих, большинство населения неосознанно чувствует и принимает традиционалистский (антилиберальный) характер местного режима. Кроме того, обыденное сознание начинает отождествлять региональную власть в стране как часть общедолевой, хотя это также во многом лишь результат PR-манипуляций правящей элиты Кремля.

Но основная причина, на наш взгляд, все же заключается в выходе российского общества из мобилизационного состояния 90-х гг. Население России (также как и республики) устало от бесконечных реформ и готово принять любой навязанный «сверху» режим. В свою очередь, путинский «термидор» усиливает обманчивое состояние долгосрочной стабильности. То есть местную власть население принимает не из-за того, что она такая хорошая, а потому что, испуганное «бескровной» антисоветской революцией, считает ее наименьшим злом и боится перемен. Такая ситуация крайне не устойчивая, ее трудно назвать нормальной. Отсутствие

сломанных вместе с советским государством структур гражданского общества уже приучило власть бесцеремонно игнорировать импульсы общественного мнения, и они ушли в «подполье». Но в этом и ее главная ошибка, поскольку интенсивное развитие капитализма ведет к постепенному доминированию федеральных экономических акторов (крупных корпораций и компаний) над региональными политическими акторами. Исходя из этого, *реальная* легитимность могла бы значительно улучшить положение действующего режима и повлиять в определенных случаях на федеральный центр, но, к сожалению, действия власти продолжают носить не стратегический, а сиюминутный характер. Сегодня уже можно четко зафиксировать этот парадокс между *легитимностью и властью*. Когда, к примеру, социальные движения, обладая высокой легитимностью, имеют незначительную власть, а экономические акторы обладая низкой легитимностью, сосредоточили у себя огромный властный ресурс. Соответственно, любая гражданская инициатива, неважно исходит она от оппозиции или национальной интеллигенции республики, оказывает по сути ничтожное влияние на общественно-политический процесс в регионе. Однако данный поворотный сдвиг общественное сознание до сих пор не может адекватно зафиксировать, поскольку интеллигенция РБ (и прежде всего научная) все еще инерционно думает и действует в рамках модернистского Просвещения, а точнее – в дискурсе перестроечного периода, когда влияние интеллигенции на политический процесс было значительным, государственные структуры едва функционировали, а экономический фактор не был еще тотально доминирующим. Продолжая не замечать радикального понижения прежней статусной роли, интеллигенция республики, в том числе и интеллектуальная оппозиция, попадает в смешное положение, напоминающее ситуацию, в которой оказался герой романа Достоевского «Бесы», наивный либерал-идеалист С. Т. Верховенский, который так же до самой смерти думал, «что за его мнением, где надо, следят» и что «он представляет существенную угрозу для государственной власти».

Таким образом, на примере Башкортостана видно, что политическая система региональной власти, а также созданный в ходе кризиса общероссийской государственности авторитарно-номенклатурный режим образовались под воздействием существующего в республике «традиционного общества». Ментальность оказалась сильнее идеологии. Рамки этого общества нельзя замыкать лишь «титულным» народом, поскольку в результате «огосударствления» этничности влияние «традиционного общества» стало пронизывать все сферы *общественной* жизни региона и было принято большинством населения. Эта тенденция характерна для всех российских республик, поскольку на неолиберальную агрессию правящего режима РФ они попытались ответить «закрытием» своих обществ. В этом и главное отличие республик от областей, поскольку первые создают островки традиционной культуры через механизм региональной политики, вторые – практически уже нет.

© Буранчин А. М., 2008.

А. В. Валеев

Проблема социальной адаптации вьетнамских предпринимателей г. Уфы

Человек, впервые попадающий в новые условия жизни, для адаптации к ней, нуждается в объективных данных о новом месте жительства, о специфическом характере новой работы. Отсутствие элементарной информации, даже о климатических условиях новой страны может пагубно сказаться на судьбе переселенцев¹. Поэтому, мы считаем, что получение будущим переселенцем адекватной информации о новой социокультурной среде в предадаптационном периоде, является специфическим и важным фактором в дальнейшей адаптации. Именно такая информация

---

¹ Сарапас В. Л. Проблема социальной адаптации мигрантов к иной этнокультурной среде. Дис. канд. соц. наук. М., 1992.

выступает как условие психологической подготовки переселенца к выезду. В нашем исследовании, мы разделили представителей вьетнамской диаспоры на три группы: первая группа – вьетнамские студенты и специалисты; вторая группа – вьетнамцы приехавшие в советское время по межправительственному договору 1983 г. и третья группа – трудовые мигранты из Вьетнама приехавшие в Россию после 1991 г. Для представителей первой и второй группы информация о российской среде, например, таких как климатические условия, правила, законы более или менее знакома, то для представителей третьей группы, получение адекватной информации о российской социокультурной среде в преадаптационном периоде, является специфическим и важным фактором в дальнейшей адаптации

Стабильная политическая атмосфера и правовая защищенность принимающей страны позволяют переселенцу комфортно себя чувствовать в непривычной среде, во многом способствует процессу социально-психологической адаптации мигрантов. Материальная удовлетворенность является одним из показателей социально-психологической адаптации вьетнамцев в России. Результаты по материальной обеспеченности показывают, что на первом месте стоит именно третья группа, и чуть меньше на втором месте первая группа, а вторая группа на последнем месте.

Такая расстановка может быть несколько удивительна, если вспомним, что именно представители первой и второй группы прошли долгий путь адаптации в России, а третья группа появилась здесь совсем недавно и не имела до этого никакого отношения к этой среде. Это стало ясно, если рассматривать не отдельно взятую группу, а все группы в совместном процессе деятельности. Две первые группы, взяли на себя те трудности в адаптивном плане, с которыми столкнулись новопришельцы при вступлении в новую среду, в то время члены третьей группы вместо того, чтобы тратить время на ознакомление с этой средой, сразу включились в предпринимательскую деятельность.

С другой стороны, если представители первой группы имели высокую степень освоения языка, а для представителей третьей группы характерно сильное стремление к обогащению, то представители второй группы не имеют ни того и ни другого. В тоже время самые удачливые среди вьетнамских предпринимателей выходят из первой группы. На вопрос «Как бы Вы охарактеризовали свое материальное положение в настоящее время?» предлагалась следующая шкала ответов:

1. Могу себе все позволить;
2. На многое мне хватает;
3. На дорогие покупки не хватает, но хорошо живу;
4. Хватает на самое необходимое.

3% респондентов смело заявили, что они могли бы «купить все», при этом самая высокая доля ответивших принадлежит первой группе. Это еще раз подтверждает факт о глубоком проникновении в жизнь принимаемой страны представителей первой группы, и благодаря этому они могли наладить хорошие деловые отношения с партнерами коренного населения, правда за счет остальных групп вьетнамской этнической группы, поскольку являются представителями группы посредников между официальными властями и вьетнамской диаспорой. Основная масса респондентов выбрали вариант «На дорогие покупки не хватает, но хорошо живу», соответственно 35% в первой, 52% во второй и 45% в третьей группе.

Ответ «На дорогие покупки не хватает, но хорошо живу» в значительной мере совпадает с ответом по методике Манаштер и Корсини о самооценке респондентов степени адаптации. Доля респондентов, принадлежащих к группам адаптировавшихся распределилась: 30% респондентов 1-группы, 48% респондентов 2-группы и 44% респондентов 3-группы.

В рамки объективных факторов, связаны с выбором страны, влияющих на сроки полной социальной адаптации, включается и степень удаленности контактирующих культур, то есть степень культурного различия и соотношение численности группы переселенцев и коренного населения.

Понятие «культурная дистанция» введенное английскими социологами А. Фэрнхемом и С. Бочнером, основывается на их идеи классификации культур по степени их различия. Исследователи психологической адаптации приняли концепции культурной дистанции для анализа количества стрессов, испытываемых ино-

странными студентами. И. Бабикиер и его коллеги предполагают, что степень одиночества и отчуждения в новой культуре и сопутствующих им стрессов является функцией культурной дистанции между культурой родины и страны, в которой обучаются иностранные студенты. Индекс, по которому измеряются культурные различия, по мнению И. Бабикиера и его коллег, включает фиксацию различий между культурами по темам: климат, одежда, пища, язык, религия, уровень образования, материальный комфорт, структура семьи, обычаи и др.¹ Результаты исследования позволяли авторам сделать вывод о том, что процесс адаптации к близкой этнокультурной среде сравнительно легче и быстрее, чем к далекой.

Отсюда возникает предположение о том, что с возрастанием дистанции между культурами страны входа и страны поселения увеличиваются трудности адаптации переселенцев к новой культуре. Необходимо отметить, что понятия «близость» и «удаленность» здесь понимаются относительно, потому, что две культуры могут быть близкими по одному признаку, но далекими по другому признаку относительно третьей культуры. Соотношение численности группы переселенцев и коренного населения тоже является главным фактором, способствующих социокультурной адаптации.

В. Л. Сарапас в своем исследовании обнаружил, что в случаях когда число переселенцев значительно меньше, то независимо от характера расселения переселенцев на чужой территории, имеет тенденцию их полного приспособления к иной социокультурной среде, а коренное население лишь отчасти приспособляется к переселенцам. При обратном соотношении наблюдаются иные взаимоотношения. Переселенцам, при условии их внутренней этноидентичности, нет необходимости подстраиваться под иную социокультурную среду. Коренные жители, оказавшиеся в меньшинстве, адаптируются к культуре переселенцев². Аналогичная закономерность также была установлена Н. М. Лебедевой в ее исследовании адаптации русских в Закавказье. По ее мнению, для достижения относительно успешной адаптации, численность этнической группы в иной этнической среде должен быть пропорционален дистанции между культурой входа и культурой выхода.

В связи с соотношением численности группы переселенцев и коренного населения, по нашему мнению, социальная поддержка со стороны коренного населения также играет немалую роль в процессе интеграции переселенцев в новую среду. При переселении человек теряет значимые социальные связи, поддерживавшие его в прошлом, и это может деструктивно сказаться на его психике. Хорошее отношение к нему со стороны коренных людей помогают ему чувствовать себя более уверенно, снимают чувство напряженности и тревоги, которое часто возникает, когда человек впервые попадает в чужую для него среду. Хорошие отношения стимулируют самоуважение и высокую самооценку переселенца, так как у него вырабатывается мнение о себе, соответствующее характеру обращения к нему других людей³.

В нашем исследовании для измерения социальной поддержки со стороны коренного населения в процессе интеграции вьетнамцев в российскую социокультурную среду, мы задали вопрос: «Как Вы оцениваете отношение россиян к вьетнамцам». «Враждебно» ответили 4,1% опрошенных, «Дружелюбие» – 16,4%, большинство опрошенных считает, что русские относятся к ним «Равнодушно» – 79,5%. Доля ответивших распределяется по группам таким образом:

«Враждебно» – 25,5% – 7,1% – 0;

«Дружелюбие» – 12,5% – 17% – 21,4%;

«Равнодушно» – 62,5% – 75% – 71,7%.

Интересный момент, когда до 25,5% представителей первой группы которые имели самый высокий показатель степени освоения языка – считало, что к ним враждебно относятся русские. На наш взгляд, знание языка, знание культуры, тра-

¹ Babiker I. E., Cox J. L., Miller P. M.S. The Measurement of Culture Distance.//Social Psychiatry. 1980. Vol.15. p. 101-116.

² Сарапас В. Л. Проблема социальной адаптации мигрантов к иной этнокультурной среде. Дисс. канд. соц. наук. М., 1992.

³ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968. С. 269

диции и обычаев делают их более чувствительным к манере и поведению коренных. Они критически воспринимают любой неразумный поступок и оценивают как неприязнь россиян к себе.

Низкая плотность адаптирующейся группы рассматривается западными этносоциологами как один из объективных факторов, влияющих на успех аккультурации переселенцев в иноэтническом окружении. А. Ричардсон в своем исследовании британских иммигрантов в Австралии установил, что мигранты, которые поддерживают более тесные связи с своими соотечественниками, чем с местным населением часто бывают неудовлетворенны своей жизнью в данной стране.

Следовательно, вовлечение в прямые и тесные контакты с представителями других этнических групп, способствует большему психологическому комфорту индивида, побуждает его воспринимать другую культуру как нечто позитивное для себя и формирует положительные установки во взаимодействии с новой средой. Однако данный фактор не носит универсальный характер и должен анализироваться в контексте конкретной ситуации, так как в одних случаях высокая плотность этнической группы может осложнить процесс интеграции мигранта в новый социум, поскольку, замыкаясь в этнические связи, индивид теряет способность к объективному восприятию членов внешних этногрупп. В других случаях поддержание тесных контактов с соотечественниками помогает вновь прибывшему адекватно понимать чужую культуру.

Результаты опроса показывают, что самый высокий показатель опять у представителей третьей группы (12,86 баллов), а самый низкий у первой (11,28 баллов). Мы полагаем, что степень удовлетворенности осуществлением жизни во многом зависит от правильности выбора жизненного пути, личных достижений и личностных самооценок. Коммерческие цели представителей третьей группы делают ситуацию освоения новой системы ценностей менее проблематичной. Для них материальное благосостояние становится высшей ценностью, ради которой человек начинает рассматривать все другие ценности менее значимыми, а неприязнь к тяжелым условиям труда в миграции менее острой (68% респондентов устраивает условие труда и режим труда, хотя, по их мнению, они очень тяжелы). Для данной группы, высокий доход сопровождает высокую степень удовлетворенности осуществлением смысла жизни. Они приехали в Россию с четкими планами и ясными целями и реализация таких целей осуществляется, поэтому чувствуют себя хозяином положения и управляют своей жизнью.

Дело обстоит иначе для представителей первой группы. После окончания учебы, они временно остались в России, чтобы зарабатывать. Для них, экономические цели также являются важными как для представителей других групп, но в условиях миграции, когда социальный статус не определен и нет механизма, защищающего право мигрантов, такие социальные потребности мигрантов почти не удовлетворяются. Кроме того, работа не по специальности тоже способствует низкой степени удовлетворенности осуществлением смысла жизни у представителей первой группы, которые не могут найти более подходящую работу.

Разница в степени удовлетворенности осуществлением смысла жизни у разных групп респондентов будет более очевидна, если рассматривать ее в соотношении с показателями по отношению к работе и по установке на длительность пребывания в России, отраженными в таблице. Личное отношение респондентов к своей деятельности выяснялось с помощью простого вопроса «Как Вы относитесь к своей работе?». Получили такие ответы: «Очень нравится» – 11,1% – 14,2% – 22,4%; «Это необходимая (вынужденная)»: 62% – 66,7% – 57,1%. Для проверки точности задавался контрольный вопрос «Хотели бы Вы перейти на другую работу?», ответили: «Да» – 57% – 45% – 30%; «Нет» – 10% – 15% – 25%. Эти цифры показывают о согласованности в ответах респондентов. Если сравнивать с первой и второй группами, то настоящими любителями своего дела являются представители третьей группы и это совпадает с их целью приезда в России – заниматься предпринимательством. Низкая привлекательность нынешней работы у респондентов первой группы свидетельствует о том, что работа мало им по душе, предпринимательство для них не является самоцелью, а скорее всего, средством для реализации профессиональной деятельности на родине. Такой вывод подтверждается при анализе установки на длительность пребывания деятельности в России.

Приведенные данные об установке на длительность пребывания в России свидетельствуют о том, что представители первой группы чаще не связывают свое будущее с нынешней работой и готовы бросить ее при возможности работать дома. У них наименьшее желание остаться в России – 2,5 баллов, против 3,14 баллов во второй и 3,69 баллов в третьей группе. Высокий балл у представителей третьей группы говорит о большом желании продолжать работать в России. Скорее всего здесь они все-таки лучше и легче зарабатывать, чем в своей стране. Изложенные результаты получены при анализе ответов на вопрос: «Как долго Вы еще хотите продолжать свою деятельность в России?».

И так, большинство респондентов всех групп связывает длительность своей деятельности с ситуацией в России (44,4% – 50,7% – 35,3%). Какие именно причины, влияют на их решения об отъезда или желание остаться в России? Чтобы уточнить установку разных переселенческих групп на отъезд мы проанализировали ответы на два вопроса: «Если вы хотите вернуться во Вьетнам, то почему?» и «Если вы хотите продолжать свое дело в России, то почему?»

Данные опросов показывают, что главной причиной отъезда представителей всех групп является «Возросшие финансовые затраты не компенсирующиеся прибылью», то есть, сугубо экономическая, что еще раз подтверждает материальную мотивацию вьетнамского предпринимательства в России. Следующие две не менее важные причины для всех групп – «Предприниматели не защищены от государственной политики и от рэкета» и «Не чувствую себя в безопасности в России». Суммарное число двух этих ответов равно 55,5% – 66,6% – 51%, что составляет большинство. Результаты подтверждают, с одной стороны, выше анализируемый вывод о том, что установка на длительность пребывания зависит от конкретной ситуации в России, с другой, глубокое чувство беспокойства своих положений у респондентов. Это беспокойство вполне объяснимо и исходит из неопределенного социального статуса иммигрантов в России, в том числе и вьетнамцев. Именно эта неопределенность усложняет отношение переселенцев с местным населением и замедляет процесс их социальной адаптации, особенно в психологическом плане. Неуверенность в перспективе своего развития в будущем и преследование законом принимающей среды представляют собой причины чувства страха и тревожности. Для представителей второй и третьей группы, по мимо этого, еще добавляется чувство беспокойства, связанное с возможностью не найти хорошую работу на родине (16,7% во второй и 15,6% в третьей группе). В то время до 11,1% представителей первой группы надеются на хорошую работу по специальности в своей стране. Эта надежда в какой-то мере снизит их степень удовлетворенности осуществлением смысла жизни и установку на длительность предпринимательства в России, делает эти критерии самыми низкими (4,8 баллов и 2,5 баллов), хотя общий показатель по материальной обеспеченности у них довольно высокий (5,35 баллов). Анализируя результат исследования социально-психологической адаптации вьетнамцев в России, можем прийти к некоторым выводам:

Социальная адаптация является сложным процессом, протекание которого зависят от адаптивной потребности, степени действия объективных факторов и личностных качеств. Эти факторы не существуют сами по себе, а взаимодействуют друг с другом. К объективным факторам относятся: язык, уровень экономической и правовой ситуации в стране пребывания, материальная удовлетворенность, наличие поддерживающих структур в том, числе социальная поддержка со стороны местного населения. К личностным качествам относятся: индивидуально-психологические, так и социально-демографические факторы.

Не существует однонаправленную картину степени адаптации у трех групп вьетнамцев в России. Имеет место, когда одна группа обладает более высокой степенью адаптации по одному показателю, а низкой по другому. Степень адаптации каждой из вышеперечисленных групп представляет собой трехкомпонентный показатель: языковой, материальная удовлетворенность и социально-психологическое самочувствие. Первая группа отличается самой высокой степенью освоения языка, средней степенью материальной удовлетворенности и самым низким морально-психологическим самочувствием из-за неудовлетворенности социальных потребностей. Представители двух последних групп адаптировались и

адаптируются к новой среде механизмом обратной идентификации. Самая высокая эффективность труда и самая высокая степень удовлетворенности осуществлением смысла жизни имеют место у третьей группы.

© Валеев А. В., 2008.

М. А. Валеев

События революции 1905 г. в г. Уфе

Нараставший в начале XX века в Российской империи политический кризис был временно прерван начавшейся русско-японской войной. Патриотические настроения захлестнули все слои общества – рабочих, крестьян, мещан, студенчество, служащих и т.д. Земские организации, дворянские собрания организовывали сбор средств на усиление армии и флота, на оказание помощи раненым. Однако вскоре ситуация в стране стала меняться по мере поступления сообщений о военных неудачах России. Постепенно патриотические настроения сменились глубоким разочарованием в несостоятельности властей. Кровавые события 9 января 1905 г. на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге стали началом первой российской революции.

К этому времени Уфа представляла собой один из типичных провинциальных губернских центров имперской России. Однако, в отличие от ряда соседних регионов (Вятки, Симбирска и др.) для Уфы было характерно очень быстрое экономическое развитие, увеличение численности населения, массовая застройка окраин. По данным всеобщей переписи 1897 г. в Уфе проживало 49 тыс. чел., в то время как в Самаре почти 90 тыс., Симбирске – 41 тыс., Саратове – 137 тыс., Казани почти 130 тыс., Перми – 45 тыс., Екатеринбурге – 43 тыс. чел.¹ Уфа являлась типичным среднероссийским городом. Однако уже в 1904 г. население города достигает 68,3 тыс. чел., а в 1907 г. – 84 тыс. чел.² Это приводит к изменению патриархальных настроений жителей города. Огромное влияние на общественность имели и многочисленные политические ссыльные. После открытия в 1888 г. железнодорожного сообщения, связавшего Уфу с Самарой и центром страны, город оказался в максимально благоприятном географическом положении – на великом транспортном пути в Сибирь. А наличие регулярного пароходства по р. Белой, сделало город крупным перевалочным пунктом. Из тихого провинциального чиновничье-мещанского городка Уфа превратилась в современный центр со сложной социальной структурой населения³.

К началу XX в. Уфа являлась быстро развивающимся торгово-экономическим и культурным центром обширного края. Трансформировалась структура городского населения, складывалась значительная прослойка фабрично-заводских рабочих, в состав которой входили высококвалифицированные специалисты. В городе была сосредоточена основная часть губернской интеллигенции (служащие земского и городского самоуправления, учителя, врачи, юристы и т.д.), крупных и средних предпринимателей, а также учащейся молодёжи. Однако контроль администрации над городом и социумом по-прежнему основывался на патриархальном авторитете высшей власти, освящённом религиозными, сословными, монархическими традициями беспрекословного подчинения низших классов.

Начало 1905 г. в Уфе ознаменовалось бурным подъемом общественного как либерального, так и революционного движения. Уфимские либералы, во множестве представленные в губернском земском собрании, губернском собрании дворян и т.д., продолжали посылать императору петиции. Причём, чувствуя слабость властей

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. XIV. Казанская губерния. 1904, С. 1.; XXVIII. Оренбургская губерния. 1904. С. 1; XXXI. Пермская губерния. 1904. С. 1; XXXVI. Самарская губерния. 1904. С. 1; XXXVIII. Саратовская губерния. 1904. С. 1.

² Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1907 г. Уфа, 1909. С. 601.

³ История Уфы. Уфа, 1981. С. 130-131.

и всеобщий подъем, они только усиливали притязания. Земцы требовали основных буржуазных свобод и пересмотра положения о земствах в пользу расширения полномочий¹. Например, 4 февраля 1905 г. председатель управы П. Ф. Коропачинский выступил с инициативой: возбудить ходатайство о пересмотре земского положения на принципах всеобщности, расширения полномочий, предоставления самостоятельности, причем реформой должны были заниматься сами представители земств. Желая иметь более тесную связь с населением, и правильно информировать его о деятельности, в противовес «Уфимским губернским ведомостям», которые дискредитировали органы общественного самоуправления и называли земцев «либералами и сеятелями смуты», губернское земское собрание решило ходатайствовать об издании еженедельной земской газеты.

В 1905 г. происходит заметная активизация и леворадикальных настроений в общественном движении. Существовавшие еще с конца XIX в. марксистские и народнические кружки оформляются в нелегальные объединения, заручаются поддержкой центральных органов и получают новый, более высокий статус. Социал-демократы и эсеры ведут активную пропаганду среди населения. Они печатают различные прокламации, организуют сбор средств в пользу политических заключенных и т.д.² Под их влиянием в Уфе происходит ряд забастовок и демонстраций. Появляются боевые организации эсеров, «прославившиеся» убийством в 1903 г. Уфимского губернатора Н. М. Богдановича. В мае 1905 г. эсерами было совершено покушение на уфимского губернатора генерал-майора И. Н. Соколовского³.

Губернская администрация никогда прежде не сталкивалась с такими масштабными выступлениями народных масс и революционным движением – забастовками, митингами, революционной пропагандой, покушением на высших должностных лиц края, нарастающей оппозиционностью общественных объединений и т.д. Для стабилизации обстановки новым Уфимским губернатором именованным высочайшим указом от 27 июня 1905 г. был назначен Смоленский вице-губернатор действительный статский советник Б. П. Цехановецкий, который 16 июля приехал в Уфу⁴. Прибытие нового губернатора, отличавшегося довольно либеральными взглядами, ситуацию не спасает. Забастовочное движение на предприятиях города только нарастает. Осенью 1905 г. уфимский комитет РСДРП, наконец, налаживает свою нелегальную типографию и начинает массово тиражировать прокламации и листовки. В штаб пропаганды превратился клуб Общества вспоможения частному труду. Ранее революционные листовки приготавливались посредством гектографирования в Уфе и Златоусте. В октябре – ноябре издаются прокламации «Что делать дальше», «Ко всем», «К темным людям», «Граждане», «Чёрная сотня», «От матроса к солдату» и многие другие. По губернии распространялись во множестве, как печатные, так и гектографированные на русском и татарском языках прокламации, воспроизводимые и в других местах – Уральского (Екатеринбург), Самарского, Одесского, Казанского комитетов и многие другие⁵.

Всеобщая октябрьская политическая забастовка, манифест 17 октября и постоянное ухудшение экономического положения вызывает крайнее раздражение у консервативной части общества Уфы, которое вступает на путь борьбы не только с революционерами, но и с новым губернатором. Оформляются правомонархические организации. Долго время бездействовавший консервативный Союз русских людей призвал к созданию приходских комитетов порядка. Все верноподданные жители должны были собраться в церквях, образовать комитеты и предложить священникам превратить храмы в опорные пункты монархистов⁶. В Уфе такими центрами стали Вокзальная (Никольская) и Симеоновская церкви, священник которой – Афанасьев, активно поддерживал монархистов. 17 октября на площади перед храмом

¹ Куреева О. А. Земский либерализм в провинции на рубеже XIX – XX веков (по материалам среднего Поволжья и Приуралья). Уфа-Стерлитамак, 2003. С. 68, 82.

² Сборник документов и материалов о революционном движении 1905-1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956. С. 5-7.

³ Центральный государственный архив Республики Башкортостан (далее ЦГИА РБ). И-187. Оп. 1. Д.135. Л. 747-757.

⁴ Уфимские губернские ведомости. 1905. 8 июля, 19 июля.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

⁶ Степанов С. А. Чёрная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992. С. 42.

недалеко от железнодорожных мастерских проходила проповедь, во время молебна появились пятеро революционеров, которые стали смеяться над молившимися. В результате произошла крупная драка, полиции с трудом удалось вырвать рабочих из рук ожесточённой толпы. Похожие случаи прошли и в других частях города. Критика царя и церкви воспринимались частью общества как прямое оскорбление их патриотических и религиозных чувств, усугубляя и так ущемленное национальное самолюбие в связи с поражением в русско-японской войне 1904-1905 гг. Внутренняя смута виделась такими людьми как одна из причин поражения и ухудшения экономического положения в стране. Многие зажиточные горожане были крайне расстроены бездействием губернатора¹.

Недовольные либеральными взглядами Б. П. Цехановецкого, чиновники администрации губернатора, поддерживаемые правителем губернской канцелярии А. П. Лобунченко, посылали в департамент полиции многочисленные жалобы. Ситуация в городе в этих письмах была представлена в катастрофическом для центральных властей свете. К концу 1905 г. консервативно настроенной части населения удаётся отстранить губернатора Б. П. Цехановецкого от власти. После опубликования манифеста 17 октября наряду с революционными демонстрациями проходят и патриотические манифестации. Например, 23 октября 1905 г., крупнейшее патриотическое шествие (до 10 тыс. чел.) с портретами царя, с хоругвями, иконами и военной музыкой закончилось трагедией. Один из манифестантов, заподозренный в принадлежности к революционерам был растерзан толпой. Несколько случайных прохожих также были забиты на смерть так, что полиции с трудом удалось отогнать толпу от трупов².

9 декабря 1905 г. происходит единственное в Уфе вооруженное столкновение между войсками и рабочими уфимских железнодорожных мастерских, организовавшихся в Совет рабочих депутатов во главе с уфимским социал-демократом И. С. Якутовым. В результате совет прекращает своё существование, мастерские закрываются, а лидеры подполья скрываются из города. Как реакция на поражение революционных сил 20 декабря 1905 г. происходит покушение на вице-губернатора А. И. Келеповского, причём полученные ранения были очень серьёзными. Задержанный рабочий заявил, что принадлежит к боевой организации Уральской социал-революционной партии³. Учитывая все происшедшие события, министр внутренних дел И. Н. Дурново вводит 22 декабря 1905 г. чрезвычайное положение на Самаро-Златоустовской железной дороге⁴. Однако, революционные организации приступают к созданию боевых подразделений, которые первоначально должны были заняться охраной митингов и демонстраций, ими также создаётся мастерская по производству бомб⁵.

Бурный процесс модернизации, переживавшийся Россией, быстрое развитие экономики, формирование рыночной системы и т.д. способствовали слому так называемый имперского локализма. Традиционные ценности культурной самобытности, местных обычаев, религии, родного языка и т.п., веками и тысячелетиями верой и правдой служившие даже малочисленным этносам и обеспечивавшие их выживание, вступали в конкурентную борьбу с новыми ценностями универсализма и всеобщей подвижности границ – и вынуждены были отступать. Распространение системы образования, появление массовой прессы, распространение знаний в широких слоях населения, а также развитие городов, рыночных отношений способствовали укреплению и заметной активизации, прежде всего, этнических элит и постепенному подъему этнических движений.

Среди башкир и татар Поволжья и Приуралья широкое распространение получает так называемый джадидизм, первоначально внациональное движения за модерни-

¹ Максимов К. В. Патриотическое общество мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских (1905 – 1917 гг.). Уфа, 2003. С. 13.

² Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее ЦГАОО РБ.). Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 36-38.

³ Капцегович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975, С. 53-55; Уфимские губерские ведомости. 1905. 22 декабря.

⁴ Кантимирова Р. И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Стерлитамак, 2000. С. 100.

⁵ Государственный архив Самарской области (далее ГА СО.). Ф. 470. Оп. 1. Д.750.

зацию старой мусульманской системы образования. В свою очередь, в джадидизме, как культурно-просветительском и общественном явлении, доминировала идея приобщения тюрко-мусульманских народов к русской (а через нее к европейской) культуре, возрождение мусульманского Востока и включения его в русло развития современной цивилизации. Другими словами, русские и мусульманские либералы стремились привить на российской почве западные идеалы и ценности, образ жизни и менталитет. Постепенно джадидизм приобрел политический характер, превратившись в буржуазно-либеральное национальное течение. Национальные лидеры Уфимской губернии приняли участие в создании и первом съезде общероссийского движения мусульман «Иттифак» («Союз мусульман») в августе 1905 г.¹

В 1906 г. впервые в истории России проходят выборы в Государственную думу. Из десяти выбранных депутатов от Уфимской губернии, шесть оказываются представителями национальной элиты. Сплочённость и сила мусульманского электората заставляет местных кадетов вступить в союз с партией «Иттифак», которые были недовольны сложившимся положением, но ничего не могли с этим сделать².

В 1906 г. происходит укрепление властных структур, накопивших опыт борьбы с революцией. Волна забастовок постепенно идёт на спад, однако в Уфе происходит ряд крупных митингов посвященных годовщине «Кровавого воскресенья», первомайские митинги и бойкоты рекрутчины. В 1907 г. происходит ряд арестов членов революционных организаций. Это приводит к тому, что последние прекращают или реорганизуют свою деятельность. Уфимские организации эсеров и социал-демократов, во избежание провала, закрывают свои типографии. Пропагандистская работа уходит на второй план, а начало 1907 года открывает череду громких экспроприаций. Многочисленные вооруженные отряды нападают на представителей власти, а также проводят многочисленные экспроприации как государственных, так и частных средств³. Удачные боевые вылазки и обилие добытых денежных средств, приводят к тому, что боевые подразделения разлагаются и постепенно трансформируются в полу уголовные банды⁴. В Уфе ухудшается криминогенная обстановка.

Революция 1905–1907 гг. в Башкортостане в основном носила городской характер, деревня была затронута очень слабо, началось пробуждение мусульманской интеллигенции. Массы и власть получили огромный исторический опыт, увлечение «среднего класса» оппозиционной борьбой с самодержавием, финансирование революционеров быстро сменились отрезвлением из-за террора и хаоса в экономике. Среди рабочих-железнодорожников, одного из самых высокооплачиваемых отрядов пролетариата, наступил раскол. Местный административный аппарат, даже в условиях длительного кризиса в верхнем эшелоне власти в 1905 г., оказался достаточно силён, чтобы справиться с революционным натиском. Социальной опорой леворадикальных сил оставался узкий слой интеллигенции, учащейся молодёжи и части рабочих. Но важным наследием потрясений 1905–1907 гг. стал сформировавшийся революционный социум «профессиональных подпольщиков», готовых к любым жертвам ради захвата политической власти.

© Валеев А. М., 2008.

¹ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 104, 119, 484, 487.

² Нарский И. В. Кадеты на Урале в революции 1905-1907 гг. Свердловск, 1991. С. 92.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 116. Д. 81. Ч. 3. Л. 12-14.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 10233. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-18.

Удмуртская культура в деятельности Малоपुरгинской библиотеки

Во все времена все народы хотели знать, откуда происходят их корни, как жили, чем занимались, с кем дружили их предки. И это понятно: не зная своего прошлого, обычаев, традиций прошедших поколений, трудно понять настоящее, еще сложнее прогнозировать будущее. Любовь к родному краю, знание его истории – основа духовной культуры всего общества.

В статье ставится задача осветить деятельность Малоपुरгинской библиотеки как центра национальной удмуртской культуры Малоपुरгинского района Удмуртской Республики. Выбор центра НКО (национально-культурного образования) совсем не случаен: основную часть жителей с. Малая Пурга составляют удмурты (около 80%), да и в целом наш район считается «удмуртским», что видно по переписи 2001 года.

Удмуртский народ имеет очень богатую историю. Её изучение, воспитание чувства гордости и уважения к самобытной культуре, обычаям, традициям предков, а главное – приобщение читателей к познанию прошлого родного края, находится в центре работы районной библиотеки.

Малоपुरгинская районная библиотека сегодня является не только центром информации и досуга населения, но и центром культурной жизни района. Статус центра национальной культуры библиотеке присвоен в 1994 году.

Основное направление деятельности центра – пропаганда краеведческой литературы, национальных традиций и обрядов удмуртского народа. Кроме того центр координирует работу с различными организациями, осуществляющими пропаганду национальной литературы (национальным музеем УР им. Кузубая Герда, Республиканским музеем изобразительных искусств, различными творческими союзами: Союзом писателей, Союзом композиторов, Союзом художников, а также с различными средствами массовой информации). Например, проводятся встречи, конференции, заседания работников библиотеки с представителями выше перечисленных организаций, для решения вопросов совместной работы с читателями.

Также центр формирует книжный фонд всеми печатными материалами краеведческой тематики на русском и удмуртском языках, в том числе кино-, видео-, фото-, фонодокументами, электронными изданиями. Он предоставляет возможность осуществлять общение с читателями на удмуртском языке, предлагает печатные материалы о жизни соотечественников в других регионах страны и за рубежом.

Центр ведёт наряду с традиционными библиотечными формами работы поисковую, исследовательскую, экскурсионно-пропагандистскую деятельность. Пропаганду изданий дополняет кружковой работой, обзором архивных материалов, местного фольклора, выставками: декоративно-прикладного искусства, из фондов музеев, из коллекций населения.

Работа, проводимая коллективом библиотеки по сохранению, развитию и пропаганде национальной удмуртской и краеведческой литературы, заставляет уделять большое внимание формированию фондов краеведческих документов. Фонд краеведческой и национальной удмуртской литературы составляет по ЦБС – 34 426 экземпляров или 18,4% от общего количества книжного фонда. Выписываются газеты «Маяк» (районный издательский дом «Маяк»), «Удмуртская правда», «Известия Удмуртской республики», «Удмурт дунне» («Удмуртский край»), «Зечбур» («Здравствуйте»), «Герд»; журналы «Вордскем кыл» («Родное слово»), «Луч», «Герд», «Инвожо» («Июнь»), «Кизили» («Звезда»), «Кенеш» («Совет»), «Ашальчи». Особенностью современного комплектования краеведческой и национальной литературы, в отличие от других лет является получение в дар коллекций, книг, картин наших удмуртских авторов и авторов из соседних республик, также материалами местного издательского дома «Маяк». В настоящее время фонд библиотеки пополняется новыми книгами авторов-земляков В. Голубева, С. Самсонова, Никвлад Самсонова, К. Ломагина, В. Вознякова, С. Карпова, Л. Тихоновой, А. Перевозчикова, В. Ивашкина.

Библиотека проводит большую поисковую работу по изучению прошлого сёл и деревень района, по описанию жизни и деятельности знаменитых земляков. Так,

при районной библиотеке создан литературный музей Семёна Александровича Самсонова, имя которого носит районная библиотека с 17 февраля 2005 года. Решение это было обусловлено высокой оценкой вклада С. А. Самсонова в развитие удмуртской национальной литературы, а также в связи с тем, что писатель был уроженцем Малопургинского района и поддерживал самую тесную творческую связь с Малопургинской библиотекой. С полным основанием можно сказать, что сам Семён Самсонов в прозе воспел свой край родниковый так же, как Николай Байтеряков в поэзии, Корепанов-Камский в музыке. Стоит лишь назвать его документально-публицистические произведения «Край родниковый» (1975), «Человек из легенды» (1987) высоко оцененные читателем и критикой. Многих героев его произведений можно назвать подлинными именами, ибо его рассказы и очерки о людях, которых знал писатель с детства.

В музее С. А. Самсонова хранятся рукописи, переписка, письменные принадлежности, сувениры, фотографии писателя. Большая часть научно-практической деятельности библиотеки осуществляется именно на базе этого музея.

Значительным событием в жизни библиотеки является проведение в районе ежегодных Самсоновских чтений. Они начинаются 1 сентября, в день рождения Семёна Александровича, возложением цветов на могилу и проведением митинга у памятника писателя. На открытии Чтений присутствуют писатели и поэты, журналисты республиканских газет и радиотелевидения, родственники и земляки писателя, живые герои его произведений.

На базе музея проводятся и другие научно-практические конференции, например посвящённые жизни и творчеству основоположников удмуртской литературы, среди которых Г. Верещагин, Кузубай Герд, Ашальчи Оки, а также презентации книг современных удмуртских писателей и поэтов.

Нередко посещают районную библиотеку зарубежные гости. Среди них Петер Домокош – венгерский учёный, Марья Картано (Финляндия), делегации из Карелии, Голландии, Коми Республики и Марий-Эл, студенты из Германии, американцы. Целью их посещений является изучение удмуртской культуры и обмен опытом. С центром активно сотрудничают краеведы-энтузиасты: В. С. Зорина, Е. Лебедева, В. Стерлядев и другие. Они осуществляют обмен мнениями, делятся на встречах с читателями библиотеки. Все материалы краеведов публикуются на страницах районной газеты «Маяк». По их исследованиям библиотекари оформили альбомы «Из истории села Малая Пурга», «О родном крае», «Из истории района», «Человек и его дело», «Во имя мира и жизни на земле», «В учреждениях культуры района».

Для того чтобы развить в детях чувство патриотизма и гордости за свою малую родину в детской библиотеке функционирует краеведческий уголок с отдельными элементами деревенской утвари и национальной одежды. Очень популярными являются встречи с ветеранами войны и тыла. Жители Малой Пурги помнят и чтят боевой подвиг своих земляков, поэтому такого рода мероприятия не остаются без внимания.

Не только выставки, встречи, конференции способствуют формированию национальной культуры малопургинцев, но и все внешнее оформление библиотеки направлено на решение этой задачи. Фойе районной библиотеки не случайно называют выставочным залом – картинной галерей. Жители Малой Пурги имеют возможность соприкоснуться с прекрасными картинами самодеятельных художников района В. Баталова и А. Викулина – заслуженных работников культуры Удмуртской Республики. Регулярно демонстрируют свои работы О. Петров, Г. Соколов, Е. Волкова, М. Пономарёва, Г. Русаева, Ю. Тебеньков, А. Фомин и А. Наумов. Сильный нравственно-эстетический импульс дает посещение зрителями выставок профессиональных художников: С. Виноградова, П. Елкина В. Белых, Е. Скобелева, Р. Батыршина – ныне председателя Союза художников Удмуртской Республики, П. Семёнова, В. Михайлова.

Однако работа Малопургинского центра национальной культуры направлена не только на освещение удмуртской этнической культуры, но и на то, чтобы воспитать у населения бережное отношение к неиссякаемому роднику культуры, применительно к любой народности, проживающей на территории нашего края и района. Коллектив центра стремится не допустить, чтобы многоголосое богатство нацио-

нальной культуры было бы забыто. При осуществлении своей деятельности работники центра сталкиваются и с рядом трудностей такими, как отсутствие отдельного выставочного зала, недостаточное финансирование и другое. Но, разнообразная деятельность, проводимая центром, свидетельствует о том, что коллектив справляется с трудностями, а его работа находит высокую востребованность у населения.

© Васильева А. Г., 2008.

З. А. Вафина

Этнический состав северо-западного региона Республики Башкортостан

Современная демографическая ситуация имеет очевидные социальные, экономические и геополитические последствия для будущего страны, создавая угрозу ее национальной безопасности. В этих условиях необходимо принятие неотложных мер по преодолению негативных тенденций в демографическом развитии, выдвижение на приоритетные позиции улучшение демографической ситуации. Вместе с тем, прежде чем принимать соответствующие меры, необходимо точно знать «демографическую картину» России. Инструмент для составления такого образа общества уже давно найден – всеобщая перепись населения.

Один из очень острых вопросов переписи населения – вопрос об идентификации своей национальности, народности или этнической группы. Он особенно актуален в настоящее время, когда повысилось национальное самосознание многих народов и тяга к этнической автономии. Во всех наших первых переписях, кроме переписи 1897 года, национальность (этническая принадлежность) определяется на основе этнического самосознания опрашиваемых, независимо от «объективных» на то оснований (национальности родителей, места рождения и т.п.)¹. Статья 26 ныне действующей Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности»².

Всероссийская перепись населения 2002 года наглядно продемонстрировала, что это не просто учет населения, а основная база для последующих расчетов национальной и демографической политики. Главное же – перепись «рисует» портрет нации и имеет огромное политическое, социально-экономическое, а также культурно-историческое значение для будущих поколений. Вместе с тем перепись является важнейшим фактором консолидации нации. Это единственное мероприятие, участие в котором не разделяет, а объединяет людей различных национальностей.

Северо-западный историко-этнографический регион Башкортостана объединяет Аскинский, Балтачевский, Бураевский, Калтасинский, Караидельский, Краснокамский, Татышлинский и Янаульский районы. По своей территории (16,4 тыс. кв. км) регион занимает 11,4 % площади республики. По данным переписи в северо-западном регионе насчитывается 387 704 человек (9,45% населения республики), в т. ч 183 844 мужчин (9,56 % мужчин республики) и 203 860 женщин (9,35 % женщин республики). Удельный вес в общей численности населения составляет 47,4 % мужчин и 52,6 % женщин, по сравнению с республикой в целом, где мужчин и женщин соответственно 46,9 % и 53,1 %. В районах проживает 101 321 мужского населения, в городах – 82 523, соответственно женского населения проживает в районах – 110 013, в городах – 93 847. Давно наметившаяся диспропорция возрастно-половой структуры населения сохраняется устойчиво.

Национальный состав населения региона довольно пестрый. Кроме коренного населения – башкир – в нем проживают русские, татары, марийцы, удмурты и

¹ Борисов В. А. Демография М.: Издательский дом NOTA BENE, 1999. С. 58.

² Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1993. С. 12.

другие народы¹. Перепись 2002 года подытожила подробные сведения о численности, составе населения по полу, возрасту, национальности, семейно-брачном состоянии и т.д. Перепись населения 2002 года показала, что на территории Республики Башкортостан проживают представители 118 национальностей и 12 входящих в них этнических групп.

В северо-западном регионе проживает 65 национальностей. По количеству национальностей лидируют башкиры – 168 810 чел. (13,8 % башкир республики), татары – 87 836 чел. (8,87 % татар республики), русские – 64 870 чел. (4,35 % русских республики), марийцы – 42 093 чел. (39,77 % марийцев республики), удмурты – 19 212 чел. (84,9 % удмуртов республики). Башкирское население в межпереписные годы увеличилось на 4,0 тыс. человек, половина из них приходилась на два смежных района: Балтачевский и Бураевский, в которых башкир больше стало, соответственно, на 11,8 тыс. и 11,3 тыс. человек. В других районах региона, за исключением Краснокамского и Татышлинского, давших рост в 3,9 тыс. и 4,8 тыс. человек, рост численности коренного народа края был незначительным: от 1,7 тыс. (Янаульский) до 2,3 тыс. (Калтасинский)². По переписи были зафиксированы также представители более шестидесяти народов³. Перепись населения является основным источником определения совокупности людей одной национальной принадлежности, т. е. этноса. При наличии общих закономерностей развития всех народов Башкортостана, именно в этническом плане формируются особенности, определяющиеся характеристиками традиционного демографического поведения.

Данные Всероссийской переписи 2002 года дали исчерпывающую информацию о сохранении пестроты национального состава населения северо-западного региона, показали увеличение численности населения, что можно проследить по *таблице 1* (так, сравнивая численность населения районов и городов 1989 и 2002 годов, можно заметить, что за 13 лет население районов, в частности деревень, уменьшилось на 17 605 человек, а городское население возросло на 29 439 человек), ярко отразили внутреннюю национальную динамику в приведенной *таблице 2* этнического состава ведущих национальностей в городах северо-западного региона по переписи 2002 года.

Табл. 1

Наименование районов, городов, поселков и сел	Численность населения, человек			2002 год в % к	
	1979	1989	2002	1979	1989
Агидель		16757	18721	х	111,7
Нефтекамск	75805	114768	12940	171,1	113,0
Янаул	21188	24406	27909	131,7	114,4
Аскинский	28452	23458	23928	84,1	102,0
Балтачевский	32272	24895	24695	76,5	99,2
Бураевский	39204	29728	28320	72,2	95,3
Калтасинский	32743	27705	28881	88,2	104,2
Караидельский	38337	30276	28294	73,8	93,5
Краснокамский	34406	42669	27552	80,1	64,6
Татышлинский	30148	26042	26803	88,9	102,9
Янаульский	32534	24166	22861	70,3	94,6
ИТОГО	365089	384870	387704		

¹ Мурзабулатов М. Северо-западный регион Башкортостана // Ватандаш. 1999. № 3. С. 166.

² Мурзабулатов М. Динамика развития демографических процессов в современном Башкортостане // Ватандаш. 2007. № 10. С. 198.

³ При подсчете была использована публикация Янгузина Р. З. Этнический состав населения Башкортостана (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.). Уфа: Китап, 2007.

Наименование городов и национальностей, человек	Агидель	Нефтекамск	Янаул
башкиры	7806 (41,7 %)	36033 (27,77%)	11990 (42,96 %)
русские	2771 (14,8 %)	37773 (29,11 %)	4627 (16,58%)
татары	6681 (35,69 %)	39606 (30,53%)	7760 (27,8 %)
удмурты	263 (1,4 %)	1493 (1,15 %)	2067 (7,4 %)
марийцы	771 (4,1 %)	12173 (9,38 %)	1059 (3,8 %)

© Вафина З. А., 2008.

Л. И. Галина

Развитие зернового хозяйства Урала в 60-ые годы XX в. (на примере Республики Башкортостан)

Производство зерна было и остается основной отраслью сельского хозяйства нашей страны. Наметившиеся тенденции в развитии сельского хозяйства, в частности повышение удельного веса продуктов животноводства в валовой продукции сельского хозяйства, вызванное развитием животноводческой отрасли, расширение производства кормов, не могут уменьшить экономического значения зернового производства как исходной базы получения продовольствия, включая мясо, молоко, яйца и птицу. На сегодняшний день вопрос о качественном производстве зерна также остается актуальным, и современное правительство продолжает уделять должное внимание данному вопросу. А для успешного решения этого вопроса всегда можно обратиться к прошлому опыту.

Достаток высококачественного зерна позволяет, прежде всего, удовлетворять потребности народа в хлебе. Но обеспечение им человека еще не решает задачи создания благоприятных материальных условий для всестороннего развития личности. Дальнейшее увеличение валовых сборов зерна должно послужить удовлетворению потребности людей в высококачественных продуктах питания животного происхождения.

Башкирский обком КПСС придавал большое значение развитию передовых, прогрессивных приемов ведения хозяйства. Это в свою очередь способствовало быстрому подъему сельскохозяйственного производства. Так, сравнивая итоги 1958 года с тем, что было сделано в 1961 г. в сельском хозяйстве Чекмагушевского района, можно увидеть, что урожайность зерновых выросла в 2 раза и составила 14,4 Ц. с га, картофеля – в 4 раза, а кукурузы на силос – в 10 раз.

В 1964 г. колхозами и совхозами Башкирии было вывезено на поля около 4,5 млн. т. органических удобрений, произвестковано кислых почв на площади 3,6 тыс. га; прогипсовано 665 га солончаков¹. Крупным резервом повышения урожайности сельскохозяйственных культур и увеличения производства продукции является улучшение семеноводства. За годы семилетки в Башкирии проводилась значительная работа по улучшению состояния семеноводческого хозяйства. Увеличился удельный вес сортовых посевов, расширились посевные площади сильных и твердых пшениц «Саратовская-29», «Лютесценс-758», «Народная» и др. Большую роль в этом сыграло восстановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 апреля 1960 года «Об улучшении семеноводства зерновых, масленичных культур и трав»². Руководствуясь этим постановлением, в сельских районах в каждом колхозе были организованы семеноводческие бригады. За 740 семеноводческими бригадами колхозов было закреплено 343,7 тыс. га пашни³. Увеличился удельный вес сортовых семян яровых семян, улучшились их посевные качества.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 164, Оп. 8, Д. 2246, Л. 21, 51; Ф. 472, Оп. 9, Д. 5971, Л. 7.

² Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.), М., 1968, Т. 4, С. 656-662.

³ ЦГИА РБ. Ф. 164, Оп. 8, Д. 2254, Л. 37, 171.

Вместе с тем, в некоторых колхозах к организациям семеноводческих бригад подошли формально. Семеноводческие посевы в ряде случаев размещались по нескольким бригадам, семена для высева на семенных участках имели не высокие сортовые и посевные качества. Эти хозяйства оставались слабо оснащенными необходимой техникой. Руководители колхозов не сумели подобрать бригадиров за счет квалифицированных агрономов, хорошо знающих семеноводство.

Валовая продукция сельского хозяйства за 1959-65 гг. выросла не на 70%, как намечалось семилетним планом, а всего на 15%. В Башкирии в 1964 году из 569 колхозов и 85 совхозов севообороты были полностью освоены только в 78 колхозов и 7 совхозах, удельный вес сортовых посевов зерновых культур составил только 87%, гороха – 64%, а гречихи – 48,3%. За 1958-65 гг. среднегодовой темп роста производства валовой продукции сельского хозяйства республики составил 9,2%, но в 1964 году урожаи зерновых хватило только на выполнение плана хлебозаготовок, засыпку семян и на частичную оплату труда колхозникам, а на нужды животноводства зерна почти не осталось. В связи с этим для БАССР был уменьшен план хлебозаготовок на 1965 г. до 85 млн. пудов против 90 млн. в 1964 г.

Объем государственных заготовок свеклы увеличился с 37,5 тыс. тонн в 1957 г. до 564 тыс. тонн в 1962 г., площади посева фабричной сахарной свеклы возросли за это время с 9 тыс. га до 54 тыс. га. Однако задания семилетнего плана по производству, заготовкам сахарной свеклы и выработке сахара из года в год не выполнялись. Во многих колхозах промышленного свеклосеяния в результате низкой урожайности корней сахарной свеклы ежегодно не выполняются планы государственных закупок этой культуры. Особенно низкие урожаи получали колхозы Белебеевского, Мелеузовского и Уфимского производственных управлений. Средний урожай корней фабричной сахарной свеклы в хозяйствах этих управлений за 1959-1963 гг. составил 64-89 ц с га. Во многих колхозах допускалось нарушение агротехники возделывания этой важной технической культуры. В недостаточных размерах производился отвод под посев сахарной свеклы лучших земель по плодородию, несвоевременно и некачественно проводилась глубокая пахота и подсевная подготовка почвы, слабо проводилась борьба с сорняками и сельскохозяйственными вредителями. Не обеспечивается достаточная густота растений сахарной свеклы. В 1963 г. в целом по 12 производственным управлениям в среднем на одном га посева было – 44,5 тыс. растений свеклы, а в передовых хозяйствах было по 70-75 тыс. растений на га. Допускались также большие потери свеклы при уборке, транспортировке и хранении¹.

Реформы в стране второй половины 60-х годов несколько стимулировали развитие сельского хозяйства. По итогам 1967 г. наибольший вклад в хлебные ресурсы страны внесли труженики полей колхозов им. Мичурина, им. Ленина, «Усень», «Кызыл маяк», им. Тельмана, им. XXI партсъезда Туймазинского района. Колхоз им. XXI партсъезда по итогам года получил на вечное хранение Красное знамя горкома КПСС и исполкома райсовета. Труженики колхоза «Усень» показали хорошие показатели. Механизатор Равис Гареев на своем ДТ-75 обработал 1204 га земли и вышел на первое место в социалистическом соревновании среди других трактористов колхоза. Ударник коммунистического труда Р. Гареев получил Почетную грамоту и денежную премию. Более 30 лет работала комбайнером Закия Ганиева, комбайнер Ильчимбетовского совхоза и в 1965 г. была награждена орденом Ленина.

Сельское хозяйство – одна из важнейших, жизненно необходимых сфер материального производства. Правительство добилось такого роста сельскохозяйственного производства, который позволил лучше удовлетворить растущие потребности населения в продуктах питания, а промышленность – в сельскохозяйственном сырье.

© Галина Л. И., 2008.

---

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 122, Оп. 73, Д. 20, Л. 63-73.

**Языковая политика глазами общественности
(по материалам социологического исследования)***

За последнее десятилетие в Республике Башкортостан сделано многое для сохранения и развития языков народов, компактно проживающих на территории региона. Языковая политика, проводимая в республике, вполне соответствует нормам международного права в данной области. Однако возникает вопрос, как само население реагирует на мероприятия, направленные на регулирование языковой жизни? Каково его отношение к языку этнической принадлежности? Целью нашего исследования являлось изучение влияния языковой политики на формирование общественного сознания (всего было опрошено 238 человек в городах Уфа, Сибай, Нефтекамск и Октябрьский, большинство из которых были представителями трех наиболее крупных этносов, проживающих в РБ – башкиры, татары и русские).

В 2009 г. исполнится 10 лет принятию Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан». Между тем, лишь 7,6% респондентов, отвечая на вопрос «Знакомы ли Вы с Законом Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан», выбрали ответ «я знаком с текстом этого закона» (это 4-ая, последняя позиция). На 1-ую и 2-ую позицию они поставили ответы «я что-то слышал об этом законе» и «я только сейчас узнал о существовании этого закона». Ответы по городам и национальностям особо не отличаются. Можно лишь отметить то, что знакомых с текстом закона о языках оказалось больше всего в г. Нефтекамске. В 90-е гг. XX в. во всех российских республиках были приняты законы о языках, и языки титульных народов на соответствующей территории были объявлены государственными. Все это ни к коей мере не противоречило Закону РСФСР «О языках народов РСФСР», принятому в октябре 1991 г.¹ Республика Башкортостан одна из последних приняла подобный закон. Одной из основных причин задержки стало отсутствие единого мнения по вопросу выбора государственного языка. Существовали две позиции по данному вопросу: одни высказывались за два государственных языка, другие – за три. Несмотря на это, словесная борьба сторонников двух мнений не привела к серьезным конфликтам, и удалось найти единственно верное решение указанной проблемы.

В связи с этим респондентам было предложено ответить на вопрос «Согласны ли вы с тем, что нерусские языки должны наравне с русским быть государственным (на соответствующей территории), употребляться в государственных учреждениях, быть языком обучения в школе (в вузе), употребляться во всех сферах общественной жизни?». Можно было выбрать несколько вариантов ответа. На первом месте оказался ответ «*быть государственным (на соответствующей территории)*», на втором – «*быть языком обучения в школе (в вузе)*». Судя по ответам на данный вопрос можно предположить, что большинство опрошенных респондентов, скорее всего, хотят видеть нерусские языки в качестве символа государства, не допуская при этом практического его использования. Но в то же время оставив желаящим возможность их изучать.

После «беззаконного» советского периода², принятые законы о языках должны были стать гарантом сохранения всех языков независимо от их статуса и положения. Несмотря на наличие языковых проблем, нельзя не заметить положительные сдвиги в их решении³. Тем не менее, чуть больше половины опрошенных затруднились ответить на вопрос «Изменилось ли положение нерусских языков с

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Влияние языковой политики на формирование общественной мысли». Проект № 08-04-84403 а/у.

¹ Статья 3. Правовое положение языков <...> 3. Республики в составе РСФСР в соответствии с настоящим Законом самостоятельно принимают решение о правовом положении языков народов, проживающих на их территориях. Республики в составе РСФСР могут устанавливать статус государственного языка республики в составе РСФСР (Закон РСФСР «О языках народов РСФСР», 25 октября 1991 г.)

² Т. е. когда не было законов о языках.

³ Например, см.: Гарипова Ф. Х. Опыт языкового строительства в Республике Башкортостан. Уфа: Гилем, 2006. С. 176.

принятием Закона «О языках народов Республики Башкортостан»?». В то же время более 60% респондентов считают, что в Башкортостане уделяется достаточно внимания сохранению и развитию языков народов, компактно проживающих в республике (кроме башкирского и русского языков). Подобные ответы, на наш взгляд, могут свидетельствовать либо о том, что опрошенные не знакомы с реальным положением дел в этой области, либо о том, что принятые меры не дают ожидаемого населением результата.

По определению государственный язык должен использоваться во всех государственных учреждениях, в официальном делопроизводстве и т.д. Значит в условиях Башкортостана госслужащие, должностные лица, служащие, работающие с населением, должны владеть *двумя языками: башкирским и русским*. С этим согласна половина опрошенных. 22,7% считают, что *достаточно владения и русским языком*, 18,9% – *«тримя языками: башкирским, русским и Вашим родным языком»*. А что касается самого населения, то мнению 55% респондентов, людям, живущим в Башкортостане, необходимо владеть обоими государственными языками: башкирским и русским. 36,1% полагают, что можно обойтись и русским языком. Оценивая свой уровень владения русским языком, 92,9% опрошенных ответили, что они свободно говорят, читают и пишут на нем. Этот же ответ относительно башкирского языка выбрали 34% респондентов. Еще около 41% опрошенных в той или иной степени владеют башкирским языком, 24,8% вообще не знают его.

Начиная с 2006/07 учебного года в школах Башкортостана введено обязательное изучение башкирского языка как государственного. Вполне естественно то, что данное начинание было встречено населением неоднозначно. Между тем, судя по ответам, 74% респондентов положительно относятся к преподаванию башкирского и русского языков во всех школах Республики Башкортостан. Число отрицательно ответивших на этот вопрос составляют 15,1% всех опрошенных.

Несмотря на предпринимаемые меры, престиж башкирского языка не соответствует его статусу. По мнению большинства респондентов, для повышения престижа данного языка необходимо улучшить качество его преподавания в школе. Исходя из результатов социологического опроса и личных наблюдений, можно предположить, что большинство опрошенного населения мало интересуется языковой жизнью республики и политикой государства в области языкового регулирования. Люди проявляет активность лишь в том случае, если это касается лично их.

© Гарипова Ф. Х., 2008.

Г. Г. Гниятуллина-Лукманова

Многоженство в Башкирии в 1920-1930-ые годы

В последние годы по поводу многожёнства (полигамии) развернулась бурная дискуссия среди широкой общественности. Некоторые депутаты Государственной Думы, региональных законодательных органов предлагают законопроекты, легализующие многоженство. И в нашей республике есть сторонники этих взглядов. Доводом к этому они приводят исторический опыт региона. Бросим взгляд в прошлое нашей республики, особенно в период становления Советской власти в 20-30 гг. XX в., когда проблема многоженства считалась одним из тормозов в деле раскрепощения советской женщины. Являясь запрещенным, многоженство являла себя в различных скрытых формах: то в форме сожительства, то в форме, так называемой «серийной полигамии», когда очередной брак чередовался очередным разводом.

Традиции многоженства были присущи еще с древности многим народам. По Корану многоженство – явление приемлемое. Но при этом ставило условие: относиться справедливо и на равных ко всем женам, число которых не должно было превышать четырех. Пророк Мухаммед женился в первый раз в 25 лет, а его невеста была старше его на 15 лет. Он оставался ей верен до самой ее смерти, и тяжело переживал смерть жены. Второй раз Мухаммед, по настоянию друзей женился на девочке 5-7 лет. Этот брак можно назвать с европейской точки зрения лишь по-

молвкой, пока она не достигла должного возраста. Позднее Мухаммед взял за себя еще многих жен, некоторые из них были из числа вдов, и брак этот являлся для них своего рода лишь социальной защитой¹. Многие склонны обвинять пророка Мухаммеда в половой распущенности, однако биография пророка Мухаммеда четко показывает, зачем ему нужно было жениться на стольких женщинах. Браки заключались по политическому расчету, с целью получения поддержки лидеров различных кланов. И главное с целью распространения ислама среди разных племен.

В то время как христианство принимает целибат за идеал, ислам относит брачные отношения как величайшее благо, дарованное самим Всевышним. Еще в своих работах русские исследователи Башкирского края конца XIX в., в описаниях местности, приводят факты многоженства, присущие мусульманским народам региона². В частности, В. И. Даль, писал по этому поводу, что «...в крае было много семей татар, башкир и тептярей, в которых благоразумные деды и прадеды, испытав горе это на себе, священным закланием на смертном одре своем постановили, чтобы потомки их всегда довольствовались одною только супругою, и завещание это обыкновенно соблюдается строго. Все почти мусульмане соглашались в том, что это лучше; но соблазн велик... многоженство мусульман всегда бывает поводом к раздорам семейным, которые может переносить равнодушно только закоснелая в исламе душа»³. Чтобы предотвратить семейные раздоры и конфликтные ситуации, которые обременяли время от времени своими тяжбами Духовное Собрание, муфтий Габдул-Вахит Сулейманов давал всем муллам строгие предписания: не позволять бедным мусульманам иметь вторую жену без общественного одобрения, в котом указывалось бы, что желающий взять еще другую жену, имеет достаточное состояние содержать обеих жен, и что от такого брака несогласий и ссор не предвидится⁴. Но, не смотря на это, многоженство существовало, в большинстве случаев, среди богатых людей.

В начале XX в. появляется новая волна мусульманских интеллектуалов, которые призывали пересмотреть заново многие исламские нормы, веками трактованные невежественным духовенством, в свою угодку. Выступая на заседании I Государственной Думы депутат Ш. Ш. Сыртланов по женскому вопросу в 1906 г. в оправдании многоженства говорит: «То, что многоженство дозволено, дает во многих случаях даже большую пользу. Как известно, у немусульман, у которых нет многоженства, то и дело заводятся другие жены – гражданские, секретные и от этого получается другая семья. Это несравненно хуже. Там, по крайней мере, действуют открыто и обе жены являются одинаково правоспособными во всех отношениях, как материальных, так и духовных»⁵.

Революция 1917 г. принесла социально-политические и экономические изменения, затронувшие все стороны жизни общества. С установлением новой власти, в корне менялась социальная картина страны. Большевицкая идеология была направлена на устранение «старого мещанского быта». С отделением религии от государства, духовенство потеряло свои легитимные права в деле регистрации браков по религиозным канонам. Признавался только брак, зарегистрированный в советских органах ЗАГС. Это был смутный период внедрения новых взглядов и подходов в решении нравственно-бытовых вопросов. Пересматривались многие ценности, моральные установки с позиций коммунистических принципов. В стороне от этих веяний не остались и вопросы, касающиеся брачно-семейной сферы. Шло активное раскрепощение женщины от уз семьи. Развивались различные теории «свободной любви», «общности жен». Начавшееся еще до революции, брожение среди мусульманок России продолжалось и после революции. В 1917 г. в Москве проходил Всероссийский мусульманский съезд, на котором членом ЦДУМ России выбрали

¹ Русов О. Н. Многоженство. История и практика. М. – СПб., 2005. С. 46.

² Казанцев Н. Описание Башкирцев. СПб., С 27; Назаров П. К этнографии башкир // Этнографический сборник 1890. № 1. С. 191; Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 141; Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 160.

³ Даль В. И. Бикей и Мауляна // Башкирия в русской литературе. Т. I. Уфа, 1989. С. 170.

⁴ Казанцев Н. Р. Указ. соч. С. 27.

⁵ Женское движение в Башкортостане. 1900 – 1941. Сб. док. и мат. Уфа, 2008. С. 16.

женщину Мухлису Буби. Она возглавила своеобразный «женотдел» духовного управления и развернула активную деятельность среди женщин¹. Возглавляя Отдел семейств в ЦДУМ, Мухлиса Буби старалась улучшить положение женщины в семье. В Резолюции духовного съезда по женскому вопросу, М. Буби отмечает: «...все правила и предписания шариата имеют своим объектом, не одного мужчину, но в одинаковой степени относятся и к женщине, сама синтаксическая форма их, не употребления женского рода указывает на их общность». Этим она опровергала рабское положение женщины в семье². Постановление московского съезда о женском равноправии, в частности запрещающее многоженство, вызвало в мусульманском мире неоднозначную реакцию. В итоге II Всероссийский съезд отменил этот пункт. В ответ Мухлиса Буби распространила обращение к девушкам и женщинам не становиться второй женой. Затем Духовное Управление во главе с М. Буби выработало особое постановление о многоженстве с перечислением всех условий, при строгом выполнении которых оно возможно³. Подобная мусульманская реформация в вопросах роли женщины в исламе, подвергалась критике. Нетерпимость прослеживалась ко всему, что связано было с религией. К примеру, Г. Ибрагимов пишет: «с уменьшением религиозности в массах трудящихся, вместе с укреплением Советской власти, уменьшается влияние духовенства. Связи с этим оно *изыскивает* новые формы *приспособления* своей деятельности к современным условиям жизни. Если до революции, женщина в исламе была получеловеком, «низкой тварью», рожденная только для рабского труда, покорности и смирения, то после революции мусульманское духовенство заявляет, что женщина по Корану и шариату равный с мужчиной человек». Далее он делает следующий вывод: «Этим самым мусульманское духовенство поворачивает Коран «лицом к женщине» и старается доказать, что раскрепощение ее идет не от Соввласти, а от мулл и Корана»⁴. Вся советская общественность придерживалась такого же мнения.

Характеризуя основные причины, вызывающие многоженство среди татаро-башкирского населения вообще и в частности среди членов ВКП(б), полученные в процессе повседневной работы Партколлекгии, специальных троек по проверке деревенских ячеек и по материалам судебных органов Башкирии, можно сказать, что многоженство встречалось чаще среди мусульманских народов Востока, куда необходимо отнести и башкир. Обуславливающееся с одной стороны, историческим ходом экономического развития башкир (кочевой образ жизни, где труд женщины занимал первостепенное место); а с другой, – распространением среди них ислама, узаконивающего это явление. На территории АБССР многоженство развито было гораздо больше среди башкирского населения, нежели татарского или чувашского населения. Это же обстоятельство подтверждается тем, что многоженство и дача калыма развиты были в таких кантонах, как Зилаирский, Тамьяно-Катайский, Месгутовский и Аргаяшский, населенных коренными башкирами⁵.

Кроме чисто исторических предпосылок, многоженство среди башкир объяснялось материальной заинтересованностью, связанной со стремлением сохранить целостность хозяйства. Так, еще до сих пор среди башкирского населения существовал обычай левирата, по которому вдову умершего брата брал в жены другой брат, очень часто при наличии первой жены. В данном случае при наличии материальной заинтересованности, имело значение еще и родственное чувство, когда умерший, его жена, дети считались как бы членами одной семьи. Иногда случалось, что женихом вдовы умершего брата уже немолодой женщины, оказывался холостой юноша, что не редко, в свою очередь, вело к двоеженству, так как супруги, в таких случаях, не могли чувствовать себе равной парой. Более распространенной формой многоженства, из-за материальной заинтересованности являлся брак бедного башкира на богатой вдове. Стремление к сохранению «рода», отсутствие де-

¹ Нафиков З. З. Социалистическая семья. Вопросы становления и развития. (На примере Башкирской АССР). Уфа, 1974. С. 52.

² ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 201. Л. 15.

³ Сулейманова Р. Н. Благотворительницы // Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Сб. науч. ст. Вып. II. Уфа, 2007. С. 98.

⁴ Женское движение в Башкортостане... С. 154, 155.

⁵ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 5. Д. 201. Л. 32.

тей вообще и мужского пола в частности, от первой жены, очень часто является также причинами многоженства. Нередко случалось, что мотивом двоеженства являлось отсутствие рабочих рук в хозяйстве: старость или болезнь первой жены, причем в таких случаях принятие в дом второй жены происходило с согласия и даже по настоянию первой жены.

Особыми циркулярами правительства многоженство было запрещено на основании ст. 68 и ст. 79 брачного права РСФСР (Собр. Указ. 1918 г. № 76 – 77 ст. 818), ст. 4. Гражданского кодекса и ст. 9. Постановления ВЦИК от 11 ноября 1922 года (Известия ВЦИК от 12 ноября 1922 г. № 256) о введении в действие Гражданского Кодекса¹. Тесно связана с этим явлением была другая проблема, которая также противоречила советскому брачному законодательству – это дача «калыма», выкуп невесты у родителей за имущественную ценность (скот и прочее имущество). Порой условия, предъявляемые родителями невесты, зачастую являлись для жениха непосильными, вследствие чего «калым» являлся искусственным препятствием к вступлению в брачные отношения, в особенности, когда жених принадлежал семье бедных родителей. Калым выполнял роль брачного махра², не принадлежавший самой невесте, а расценивавшийся как выкуп.

В 1924 г. в БАССР проект нового семейного Кодекса проходит через обсуждение ряда женских делегатских собраний и собраний коммунисток. Были внесены некоторые примечания, которые в целом утверждены были БашЦИКом. Одно из примечаний относилось к ст. 5. 1) «Многоженство среди восточных народностей не допускается»; 2) «требование отделом ЗАГС при регистрации брака, справки о здоровье брачующихся»³. Особым постановлением президиума, БашЦИК запретил многоженство и прочие «уродливости» быта⁴. 18 января 1924 г. Президиум БашЦИКа по вопросу добавлений к Кодексу законов о браке и семье, принимая во внимание культурную отсталость коренного населения Башкирии, в особенности башкирской женщины, наличие еще неизжитых обычаев многоженства, а также умыкания и калыма, ходатайствовал перед ВЦИКом и перед Центральным Исполнительным Комитетом СССР о внесении изменений в кодекс. Таким образом, с изданием 16 октября 1924 г. декрета ВЦИК, установленное шариатом право превратилось в вид особого преступления, преследуемого законом в уголовно-судебном порядке. По ст. 232 Уголовного Кодекса (многоженство) – суд выносил приговор в виде принудительных работ до 1 года⁵.

В этом же году на I Всебашкирской беспартийной женской конференции по семейно-брачному и опекуному праву, было принято решение создать женские профессиональные артели для предоставления экономической свободы женщине. Женсовет Башобкома должен был контролировать недопущение выхода замуж в качестве второй жены, «что позорит женщин и поощряет мужчин к эксплуатации и закрепощению женщин». Башнаркомфин обязывался повысить налоговое обложение мужчин, имеющих несколько жен. Многоженцев относили к разряду кулаков. Конференция была убеждена, что налоги ударят по карману многоженцев, в результате чего мужчины откажутся от многоженства⁶. Однако, отчетные доклады кантонных женсоветов все еще пестрили фактами об «отсталости» деревенских женщин, закрывающихся от мужчин, о коммунистах, имеющих несколько жен, позволяющих себе исполнять различные религиозные обряды»⁷.

Большой урон половозрастной структуре страны был нанесен войнами, голодными годами. Если посмотреть статистические данные только по Уфимской губернии за 1921-1922 гг. то можно увидеть, что было зарегистрировано актов смертности среди мужчин – 95414 и 70712 среди женщин. Шла интенсивная внутренняя миграция, городское население увеличилось на 6,3%, а сельское же уменьшилось на 10,5%. В деревнях оставалось меньше мужчин, по сравнению с женщинами, по-

¹ Женское движение в Башкортостане... С. 81-82.

² Асфандияров А. З. Семья и брак у башкир в XVIII- первой половине XIX в. Уфа, 1989. – С. 54.

³ Поправки к кодексу законов о семье и браке / Власть труда. 1924. 8 марта.

⁴ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 3. Д. 151. Л. 18-18 об. Подлинник.

⁵ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 8. Д. 135. Л. 119.

⁶ Женское движение в Башкортостане... С. 108.

⁷ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 3. Д. 154. Л. 33.

этому женщины были вынуждены быть и второй, и третьей ... женой. В годы НЭПа многоженство приобрело вид «серийной полигамии». Браки приобрели вид недолговечной формы супружества. Многие даже не утруждали себя в регистрации брака, отношения складывались в форме простого сожительства, или «любовных связей на стороне». На практике мужчина никакой ответственности за судьбу женщины и рожденных детей от этих отношений не нес. Именно в эти годы сильно росло число аборт, сирот, и беспризорных детей.

Как выше отмечалось, многоженство встречалось и среди коммунистов. Двоеженство наблюдалось, главным образом, среди башкирских коммунистов в отдаленных кантонах республики. Точных сведений о количестве двоеженцев среди членов партии не имеется. В Партколлегии в 1925/1926 гг. привлекалось всего 6 человек и последней, за эти года партийной проверкой было отмечено 4 случая. Случаев дачи калыма членами партии не отмечалось. В архивных документах приводятся факты, когда даже секретари ячеек имели двух жен. Существовала также другая форма многоженства, переходящая в обычную половую распущенность – это частая смена жен. Случалось, что мужчина не разойдясь с первой, уже сходилась со второй. Так секретарь Идельбаевской сельячейки Зилаирского кантона во время проверки заявил, что живет с шестой женой, а по сообщению его товарищей, жен у него было гораздо больше¹. Отталкиваясь от таких примеров, работники женотделов с негодованием замечали, что: «если наши партийцы будут менять своих жен, как перчатки, то трудно будет изжить многоженство»². По отношению коммунистов, привлекаемых за двоеженство, совершенное до революции, или до вступления в партию, партия подходила весьма осторожно, ограничивалась иногда только мерами воспитательного характера. Тех коммунистов, которые обвинялись в многоженстве уже в момент своей партийности, независимо от того, по каким мотивам оно совершено Партколлегия исключала из партии³. Связи с 10-летием октябрьской революции была проведена амнистия, по которой из 154 прекращенных дел 128 прекращено в порядке применения акта амнистии⁴.

По ряду указаний Правительства БАССР, в частности, постановления президиума БЦИКА от 27 февраля 1928 г. о мероприятиях по усилению борьбы с бытовыми преступлениями, Башглавсудом были даны всем народным судам распоряжения об усилении карательной политики судов по делам о бытовых преступлениях доводя меру социальной защиты до максимальных пределов санкции соответствующей статьи Уголовного Кодекса. Если в 1927 г. было 60% оправданных, то в первую половину 1928 г. оправданных – 19%. В деле борьбы с бытовыми преступлениями не менее важное значение имело устройство показательных судов. За 1928 г. всего по нарсудам Башреспублики было проведено 57 показательных судов⁵. Женщин активно привлекали в различные кружки, где вели с ними антирелигиозную политраблиту. Несмотря на то, что многоженство характерно было этническим мусульманам региона, но следует заметить, что в отчете работников Женотдела в 1928 г., отмечалось, что многоженство наблюдалось не только среди башкир, но имело место даже среди русского населения, в частности в Месягутовском кантоне⁶.

Несмотря на то, что советская власть отменила многоженство, полигамия все еще имела место в сельской местности и носила скрытые формы. Так мужчины, формально женатые на одной женщине, фактически проживали с несколькими. Велась самая решительная борьба с бытовыми преступлениями: женитьбой на малолетних, проявлениями всякого рода «хамского нетоварищеского отношения» к девушкам и женщинам⁷. Если в 1930 г. Башкирской республике число преступлений по понуждению к браку и получения калыма было зафиксировано – 23 случая, мно-

¹ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 5. Д. 201. Л. 32.

² ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 8. Д. 134. Л. 4.

³ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 5. Д. 201. Л. 33, 34.

⁴ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 8. Д. 135. Л. 120.

⁵ Там же.

⁶ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 7. Д. 126. Л. 2.

⁷ Резолюции I Всебашкирского съезда женской молодежи // Постановление I Всебашкирского съезда женской молодежи. Уфа, 1936. С. 16.

гоженства – 70, то к 1933 г. число этих преступлений шло на значительную убыль, зафиксировалось всего лишь 3 случая по понуждению к браку и получения калыма, и 6 случаев многоженства¹. Вопреки советскому законодательству, в Макаровском районе зафиксировали за 1937-1938 гг. 14 случаев женитьбы на несовершеннолетних. Материальная необеспеченность вынуждала женщин заявлять на собраниях, чтобы правительство за двоеженство мужей их не преследовало. В одной из волостей Аргаяшского кантона насчитывалось 500 вдовствующих женщин. Многие из них испытывали большие трудности и выход – идти во вторые жены для них был неизбежен². Член женсовета Сахаутдинова приводила примеры многоженства в Кунашакской волости, где 4 человека партийных имели по несколько жен³. Женщины на отчетных собраниях выступали лозунгами: «Долой многоженство, Долой дача замуж несовершеннолетних дочерей!»⁴

Прошедший в 1935 г. I Всебашкирский съезд женской молодежи постановил повести «самую решительную борьбу с многоженством, каждый подобный поступок клеймить позором, подвергать решительному осуждению среди комсомольцев и беспартийной молодежи, позорящий звание советского гражданина...» Перед правительством Союза был поставлен вопрос о дополнении законодательства суровыми мерами наказания за частые разводы, как скрытую форму многоженства⁵. Однако, несмотря на это, подобная практика просуществовала до 40 – 50-х годов XX в.

Полигамия – разрешенная в исламе четко регламентирована. Исходя из прав и обязанностей, установленных законами шариата, каждый мужчина желающий жениться второй раз должен был соответствовать ряду жестких требований. Религиозная необразованность населения и искаженное понимание многих норм, приводило к трагическими последствиями. Поэтому, политика советского государства, усердно реализуемая женсоветами республики, введившего новые нормы в область семейного права, получило среди мусульманского населения в особенности женщин огромную поддержку, что в свою очередь было одним из решающих доводов в плане общей дискредитации религии.

© Гниятуллина-Лукманова Г. Г., 2008.

Ф. В. Даминдарова, Г. Ш. Исмагилова

Место и роль устного народного творчества в духовной культуре этноса

Устное народное творчество, как проявление духовной культуры зародилось в глубокой древности. Оно олицетворяет собой историю народа, отражает его идеалы, философские воззрения, представления о человеке, семье, детях и предлагает свои пути и средства воспитания подрастающего поколения.

Народная мудрость воспитания, передаваемая из поколения в поколение преимущественно в устной форме, заключена в своеобразных миниатюрах, какими являются пословицы, поговорки, сказки, легенды, песни, кубаиры и другие жанры фольклора. Отражая одну из важнейших сторон бытия, аккумулируя ее нравственные ценности, устное народное творчество развивается как одно из граней общественного сознания и тесно связано с самыми различными сторонами духовной жизни этноса. По своей сущности оно представляет собой диалектическое единство общего и особенного. Общим в ней являются общечеловеческие ценности, а особенное отражает этнические особенности личности и социальной группы, социально-экономических условий их жизни, тех многообразных влияний, которые они ис-

¹ Саковский Н. А., Козлов Н. Я., Габбасов А. А. 15 лет советской юстиции на фронте социалистического строительства // 15 лет советской Башкирии. Сб.ст. Уфа, 1934. С. 244.

² Силен еще старый быт... // Красная Башкирия. 1929. 8 марта.

³ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 5. Д. 201. Л. 28.

⁴ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 8. Д. 135. Л.154.

⁵ Резолюции I Всебашкирского съезда женской молодежи... С. 16.

пытали на своем пути развития. Культура каждого народа уникальна и неповторима. Тысячелетиями формировались мировоззрение, уклад жизни, традиционные занятия, нормы этики и морали, народная культура, философия, психология, экология, медицина, национальная кухня. Время отсеивало то, что противоречило природным условиям, смыслу жизни и складу национального характера.

Золотые крупницы устного народного творчества, дошедшие до нас из глубины веков, нашли свое отражение в семье, быту, труде, досуге, обрядах, праздниках. Они являются одним из древнейших видов общечеловеческой культуры. В процессе исторического развития у каждого народа складывались его разнообразные и оригинальные формы и жанры, в которых нашли отражение мировоззрение, глубина мысли, поэтическая фантазия, богатство языка многих поколений людей. Однако у каждого народа они имеют свои характерные черты, особенности, отличающиеся спецификой жанров и манерой исполнения. Также имеются общие черты, применительно к устному народному творчеству народов Урало-Поволжья, которые проявляются в национальном колорите, своеобразии и глубине мысли.

Развитие устного народного творчества, особенно эпоса, идейно-художественное совершенствование и расширение его тематики приводит к возникновению института сказителей, оберегающих и развивающих фольклорные традиции. В регионе Урало-Поволжья, населенных башкирами, эту функцию выполняли сэсэн, занимающие в истории культуры башкирского народа важное место. Имена прославленных сээнов олегендарились и свято хранятся в памяти народа.

По легендарным и крылатым словам, пережившим века, как подтверждает А. Н. Киреев¹, нам известно о том, что среди башкир усерганцев в древние времена прославился своим творчеством сэсэн Кубагыш, а в племени тиляу был знаменитый сэсэн Карас. Сэсэн – любимый образ народных легенд. Трудно найти человека, не слышавшего имени сээна Ерэнсэ.

Национальный герой башкирского народа Салават Юлаев также являлся сээном и среди своих земляков был известен как исполнитель эпического репертуара. Он обращался к народу с пламенными призывами и увлекал за собой людей не только личной храбростью, но и силой поэтического слова. Уровень и значение творчества сказителей мы определяем по тому вкладу, который они внесли в развитие народного эпоса, обогащая и совершенствуя эпические сюжеты, наследуемые из поколения в поколение. Формирование и развитие русских былин тоже трудно представить без участия народных сказителей, которые одновременно являлись и творцами, и исполнителями, и хранителями эпических произведений. Эпические сюжеты, отражающие многовековую борьбу народов за высокие идеалы, в устах сээнов приобретали новую художественную окраску и звучали с новой силой и неповторимым нравственным смыслом.

Таковы, например, известные эпические сказания об Урал-батыре, «Акбузат», «Зая-Туляк и Хыу-Хылу», «Алпамыша и Барсын-Хылу», «Кузы-Курпес и Маян-Хылу», «Кара-юрга», «Кунгыр буга», «Кусяк-бий», «Ёк-Мэрген», «Идукай и Мурадым», «Акхак кола», «Таргын и Кужак», «Карас и Акша», «Последний из Сартаева рода», «Алдар и Зухра», «Карахакал», «Юлай и Салават», «Айдар-баик» и др. В вышеперечисленных эпических сказаниях башкирского народа выражается духовная культура периода становления его истории, рождается идеальный образ героя – представителя лучших и желаемых черт своего народа, отражаются начальные этапы общественного развития.

На наш взгляд, здесь очень уместны слова, сказанные Гегелем о том, что «...эпическое творение есть сказание, то есть Книга или Библия народа, и у каждой великой и значительной нации есть такие абсолютно первые Книги, где высказано то, что составляет изначальный дух народа. В таком смысле эти памятники представляют собой не что иное, как подлинные основы сознания народа...²». Следует отметить то, что эпические произведения, бытующие в такой форме у разных народов, получили различные названия. Здесь, на наш взгляд, отразилась сила тех культурных традиций, которые сложились и оформились на конкретной национальной

¹ Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970. С. 48.

² Гегель Г. В. Эстетика. Т. 3. М., 1971. С. 426.

почве. У башкир, например, она получила название «иртэк». На более высокой стадии развития эпос принимает целиком стихотворную форму, оформляется новое качество в эпическом жанре – форма героической поэмы – «кубаир». Кубаиры посвящались обычно наиболее важным вопросам общественной жизни. Особенно ярко и самобытно выражено это в кубаире «Ай, Урал мой, Урал». В каждом кубаире заложен какой-нибудь поучительный нравственный смысл. Кубаиры «Смерть высокой горы», о Сура-батыре, о Кубяк-батыре, Сюкем-батыре, об Акшам-батыре, о Тульген-батыре, о Мурадым-батыре воспитывают в человеке патриотические и эстетические чувства.

Исторические песни «Урал», «Ямаликай-гора», «Шарлы урман», «Тавкелев», «Салават», «Кулуй кантон», «Кахым-туря», «Караван-сарай», «Буранбай», «Сырдарья» и др. основываются на событиях и фактах действительности. В исторических песнях представлена история башкирского народа в XVI-XIX вв., и они сыграли огромную роль в формировании национального сознания народа, пробуждении патриотических чувств.

Татарское устное народное творчество имеет многовековую историю. Его корни уходят в глубь веков, о чем свидетельствуют дошедшие до нас образцы обрядовой поэзии, волшебных сказок, происхождение которых связано с ранними формами развития человеческого общества. По своим жанровым особенностям сказочная проза татарского народа включает в свой состав сказки о животных, волшебные и бытовые. В центре внимания волшебной сказки стоит образ героя, в основном богатыря, которому помогают различные животные, птицы, волшебные предметы, но чаще – встреченный на дороге старик, воплощающий коллективный трудовой опыт народа, его мудрость.

Баиты относятся к самобытному жанру татарского народного творчества, и некоторые исследователи считали их творчеством исключительно шакирдов. Во введении к своему сборнику С.Г. Рыбаков писал: «В мэдресе сосредотачивается вся татарская грамотность и письменность, из них выходят произведения книжного сочинительства, стоящие особняком от произведений народного творчества и известные под названием мнажат и баит... От татар эти продукты искусственного сочинительства распространяются среди других инородцев». Баиты возникали в разных условиях и различными путями, о чем есть указание и в самих баитах: «Баит о войне с французами», «Баит о русско-японской войне», «Баит Казани», «Пугачев», «Салават Юлаев», «Баиты солдат» и др.¹

В чувашском устном народном творчестве, как и в устном народном творчестве любого народа, запечатлен житейский и духовно-нравственный опыт, коллективный разум и чувства народа. Чаяния и переживания этого большинства, главного творца материальной и духовной культуры, созидателя непреходящих по ценности произведений искусства слова, у всех народов были примерно одинаковыми.

Поиск счастья и обретение свободы отмечен своеобразием исторической судьбы и конкретных условий жизни народа. Это своеобразие накладывало печать на его духовную культуру, в частности на устное народное творчество. Чуваша в течение многих веков жили по соседству с русскими, мордвой, мари, удмуртами, татарами, башкирами, занимались земледелием, скотоводством, лесными промыслами, охотой и рыболовством. И ранние, и поздние памятники устного народного творчества рисуют чувашский народ земледельческим. В мифах, легендах и сказках неизменным является мотив тесной связи персонажей этих произведений с трудом по обработке земли и использованию лесных и водных богатств.

В чувашских устных эпических и лирических произведениях исторического характера запечатлены события разных эпох. Из сохранившихся в народной памяти образцов подобных произведений следует назвать предания и песни, связанные с пребыванием чуваш под гнетом Золотой Орды и Казанского ханства, с событиями добровольного присоединения «горных людей» (чуваш и мари) к России, с участием «горной стороны» в походах русских на Казань, с народными

¹ Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. 1897. С. 14.

² Татарское народное творчество. Казань: Татарское книжное издательство, 1983. С. 24-38.

переживаниями, вызванными крестьянскими восстаниями XVII-XVIII вв. о более поздних временах. К ним относятся сказания «О последнем чувашском турхане» и «О взятии Казани», предания об Уразмете и Сарпи-батыре, песни о Разине и Пугачеве¹.

Устное народное творчество чувашского народа богато лирическими песнями. Все разнообразие внешнего и внутреннего мира человека, его чувств и переживаний чувашское устное народное творчество отражало преимущественно в лирических песнях. В чувашском сказочном фольклоре, наряду с оригинальными произведениями, немало сказок, имеющих общую сюжетную основу с русскими, марийскими, мордовскими, татарскими, башкирскими, удмуртскими сказками и сказками многих других народов. Однако от этого они не перестают быть чувашскими сказками и не утрачивают национального своеобразия. Оно проявляется в образной ткани языка сказок, в особенностях изображения природного и бытового окружения, в духовном облике, характере, нравах и поведении, действиях и поступках сказочных героев и персонажей. Широкую известность приобрели, например, сказки «Эсебе» Н. Шелеби, «Дурень и журавли» С. Эльгера, «Репка» и «Голубка» П. Хузангая, «Путь к счастью» И. Ивнина, «Сказка о счастье» Я. Ухсая и др.

Языковые и культурно-бытовые особенности народов мари складывались под непосредственным влиянием соседей: татар, башкир, удмуртов. На основе соприкосновения с культурой соседних народов веками складывалась своеобразная неповторимая культура, в том числе и устное народное творчество мари. Произведения марийского устного народного творчества отражали исторический путь предков марийского народа. Предки марийцев, как и предки других народов, стремились проникнуть в тайны законов жизни и природы, познать причины происхождения жизни на земле. К таким уникальным фольклорным произведениям относится миф «Юмо и Керемет»². В книге «Марийский фольклор даны мифы, легенды, предания («О происхождении мира», «О богах и небожителях», «Демонологические легенды», «О происхождении топонимических названий», «Исторические легенды и предания»), отражающие космогонию, мифологические представления, рассказы-важущие о происхождении жизни, о таинственных явлениях природы, крупных исторических событиях.

Нами исследованы песни восточных мари, вошедшие в том свода марийского фольклора. Песни, как фольклорный жанр, по мнению Г. Н. Волкова, – наиболее сложная форма народного творчества, они «ценны музыкально-поэтическим оформлением идей – этической, эстетической, педагогической»³. В марийских песнях наблюдается высокая степень психологической обобщенности, выражающейся в глубоком раздумье – размышлении и связанная с особенностями поэтических образов и музыкального выражения и оформления; в песнях грустного характера – жалоба на тяжелую долю, тоска по родным местам, в которых наблюдается безропотное подчинение судьбе⁴. В семейно-бытовых песнях восточных мари особый жанр составляют песни марийского этикета, застольные, праздничные⁵. В праздничных, семейно-бытовых песнях выражаются «почтительность гостей к хозяину дома, благодарность за гостеприимство и, в свою очередь, – благодарность хозяев, радость по поводу приезда гостей, сожаление в связи с их отъездом и приглашением приезжать снова»⁶.

Столетиями устное народное творчество было почти единственной формой отражения исторического развития мордвы, основным средством воплощения народных ожиданий, народного мировосприятия, национальных традиций и обычаев, мировоззренческих, эстетических представлений об окружающей действительности. Мордва является самым крупным народом финно-угорской языковой семьи народов Урало-Поволжья. Расселение мордвы во многом обусловило ее сложную эт-

¹ Сироткин М. Я. Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965. С. 88.

² Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания / Сост. Акцорин. Йошкар-Ола, 1991. С. 6.

³ Волков Г. Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974. С. 314.

⁴ Герасимов О. Марийские песни из Татарии и Удмуртии. М., 1978. С. 3.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Песни восточных мари: Свод марийского фольклора / Сост. Г. Гадиятов. Йошкар-Ола, 1994. С. 12.

ническую историю. Богатая и своеобразная материальная и духовная культура мордовского народа формировалась в процессе сложных и разносторонних взаимоотношений с кочевниками юга и народами лесной полосы Восточной Европы. При этом определяющее значение имели контакты с восточно-славянскими племенами, а затем – со сформировавшимся на их основе русским народом.

Природные условия, взаимоотношения живущих в этом крае племен, их контакты с соседями отразились в духовной культуре мордвы, значительную часть которой составляет устное народное творчество. Являясь образным отражением общественного и бытового уклада, трудовой деятельности, знаний о жизни и природе, эстетических, нравственных представлений народных масс, фольклор воспринимается как художественное творчество, как вид искусства. Впитавшее в себя многовековой опыт поколений мордовское народное творчество отличается глубиной художественного освоения действительности, правдивостью образов и большой силой художественного обобщения.

Сказка в мордовском устном народном творчестве – один из самых распространенных жанров¹. Наиболее полно представлены сказки в 3-х томах «Устно-поэтического творчества мордовского народа» (Мокшанские сказки. Саранск, 1966; Эрзянские сказки. Саранск, 1967), подготовленные А. И. Маскаевым и «Мордовские народные сказки» (Саранск, 1985), подготовленные К. Т. Самородовым². Волшебные-фантастические сказки являются наиболее распространенными и составляют более половины всего их количества. Наиболее характерным для мордовского фольклора можно считать волшебные сказки типа «Дуболго Пигай», «Звериное молоко», «Мальчик с пальчик», «Три царства», «Смерть Кощея», «Об оклеветанной жене», «Вирява», «Ведява», «Варда» и др.

Образы, характерные для мордовской сказки и наделенные национальными особенностями, представляют особый интерес при изучении мордовского фольклора. Вирява, Ведява и Пурьгине пас мало известны устному народному творчеству других народов. Тем не менее, они занимают видное место в мордовском фольклоре, оказывая большое влияние на оформление мордовской сказки в целом³. Пафос сказок, созданных мордовским народом, связан с его представлениями о счастливой и свободной жизни. Эти произведения всегда полны оптимизма, свидетельствующего о духовном богатстве мордвы, о вере человека в свои силы.

Мордовские песни исторической тематики «Саманька», песни о Пугачеве и др. определяют совокупность народных устно-поэтических произведений, повествующих о действительных событиях и исторических лицах. В мордовских народных песнях образно представлена вся жизнь народа, отражены его мечты, нравы и обычаи, поэтично прославляется труд – основа жизни человека.

Пословицы и поговорки народов Урало-Поволжья являются созданием миллионов творцов, плодом их многовекового коллективного труда в области паремического речетворчества, словесно-художественными произведениями, отражающими жизнь и творческий гений народа. В меткой пословице выражена непреложная истина, которая основана на вековом наблюдении жизни, проверена временем и применима в речи как общеизвестное правило, мудрая мысль.

Русский народ называет пословицы и поговорки крылатыми словами, народы Востока – жемчужиной, нанизанной на ниточку. Много, однако, в определении этого понятия национального, самобытного. «Пословицу сказал – дорогу указал, поговорку сказал – думу утешил», – говорят башкиры.

Народ высоко ценит пословицы и поговорки потому, что «в полной воде нет рыбы, в пословице нет лжи». Исходя из этого, в народе говорят, что пословицы – украшение речи, соль речи, краса. В понимании народов Урало-Поволжья они выступают как источник разума, как пример для подражания, как добрый советчик и первый наставник, как поучительное наследие прежних поколений.

Устное народное творчество народов Урало-Поволжья, как и других народов России, занимало и занимает значительное место в духовной культуре народов, и пе-

¹ Мордовское устное народное творчество. Саранск, 1987. С. 101.

² Там же. С. 107.

³ Мордовское устное народное творчество... С. 109.

редавалось из уст в уста, от поколения к поколению как священное культурное наследие предков. Через них народ знакомился со своей историей, усваивал жизненный опыт и нравственные нормы прошлых поколений, развивал свое эстетическое восприятие мира.

Именно устное народное творчество народов подготовило ту духовную почву, на которой позже у древних людей формировались правила поведения. Изучение фольклорных сокровищ со всем присущим им богатством эпосов, песен, баитов, легенд, былин, пословиц и поговорок дает возможность углубиться в духовный мир народов Урало-Поволжья многонациональной России, восстановить то, что невозможно сделать любыми другими путями, тем самым восстановить все ценное, положительное, чтобы использовать их в нравственном воспитании. Народы Урало-Поволжья накопили богатый опыт воспитания, который учит подрастающее поколение любви к отчужденному дому, к Отечеству, формирует культуру межнационального общения.

© Даминдарова Ф. В., Исмагилова Г. Ш., 2008.

И. С. Игдавлетов

К вопросу о возникновении тюрко-башкирских путевых записей в Урало-Поволжье

Путевые записки-саяхатнаме – произведения, в основе которых лежат описание наблюдений, впечатлений, размышлений путешественника, а также широкий познавательный материал. Источники такого рода неоценимы для широкого ознакомления с различными областями социально-политической, экономической жизни страны или народа, ее науки и техники, культуры и искусства, поэтому они являются ценным материалом, как для историков, так и для литературоведов, языковедов, этнографов, фольклористов, социологов и других исследователей.

Возникновение первых путевых записей тесно связано с религиозной практикой хождений в святые места и с миссионерской деятельностью. В последующее время на это повлияло и установление торговых и дипломатических отношений между странами. К самым известным описаниям наблюдений средневековья относятся записи Марко Поло, Плано Карпини, Вильгельма Рубрука, Ахмед ибн Фадлана, Абу Хамид аль Гарнати, Афанасия Никитина и других. Сегодня многие исследователи древней истории ссылаются на данные источники.

Путевые записки были широко распространены и среди тюркских народов Урало-Поволжья. Самые ранние записи, известные на сегодняшний день, относятся к концу XVII и XVIII веков. Как отмечает исследователь тюрко-башкирских саяхатнаме, М. Х. Надергулов, первые образцы указанных сочинений по своему содержанию носят религиозный характер, то есть, связаны с паломничеством их авторов, а также с их торговой и дипломатической деятельностью¹. Первые хождения в святые места ислама происходили, на наш взгляд в X – XI веках, после начала распространения ислама в Поволжье и на Урале. По этому поводу, известный башкирский просветитель М. Уметбаев в своем очерке «Башкиры» писал, что «с введением ислама башкиры приняли общий мусульманский характер. Женщины от мужчин отделились и постепенно начали слушаться книгу «Коран». Между тем бедные муллы начали ходить в Мекку, возвратившись рассказывали о путешествиях и религиозных обрядах»².

Исследовавшая татарские записки путешествий как литературные сочинения А. Х. Алеева, также отмечает, что «Татары, получившие мусульманское образование, ездили в Аравию – в города Мекку и Медину – с целью паломничества, отсюда и исходит

¹ *Надергулов М. Х.* Стилевые особенности тюрко-башкирских саяхатнаме-путешествий. // Башкироведение. Уфа, 2004. С. 192.

² *Уметбаев М.* Ядкар. Стихи, публицистика, переводы, фольклорные и историко-этнографические записи. Уфа, 1984. С. 193.

составление путевых записок»¹. В начале своего появления и развития подобные сочинения были известны как «хажнаме», то есть «книга о хадже». Термин «наме», который заимствован из персидского языка, в переводе на русский язык означает также «запись» и «сочинение». Постепенно, наряду с термином хажнаме начинает употребляться термин «рихлэтнаме» – «путевые записки». Впоследствии в оборот входят еще более широкие по смыслу термины «сафарнаме», «саяхатнаме» – «книга путешествий», тем самым как бы закрепляя тот факт, что не только паломничество, но и любое путешествие может быть предметом описания.

По своей структуре путевые записки в основном состоят из трех частей: вступительной, основной и заключительной. Во вступительной части автор дает короткие сведения о себе, указывает время и место, откуда начинается путь, и с какой целью совершает путешествие. Основу составляет маршрут следования к пункту назначения с местами остановок, наблюдения, увиденные впечатления автора. В заключительной части излагается обратный путь и время пребывания дома, об этом пишут в основном более коротко. Не всегда путевые записки писались по желанию самого путешественника. Часто бывало, что об этом их просили родственники, друзья или кто-то другой, кого заинтересовал рассказ автора. Это понятно, так как не каждый мог позволить себе столь дальнее путешествие. А подобное сочинение могло познакомить любого желающего с разными городами, народами, странами и другими не маловажными наблюдениями, которые для средневекового человека казались полумифическими. Например, известный башкирский просветитель Гали Сокрыя, отмечает, что: «По просьбе некоторых людей, я решил написать о своем путешествии, так как не все имеют такой возможности, поэтому в отдельных местах излагаю наиболее полно»².

Если рассмотреть путевые записки в хронологической последовательности, то в числе первых сохранившихся записей, весьма интересного и содержательного характера, можно назвать такие саяхатнаме, как «Путешествие Исмагила Бикмухамета углы», «Путешествие Мухамета Амина», а также дневниковые записки Миндияра Бикчурина. Все перечисленные источники относятся к XVIII в. Первая книга, автором которой является И. Бикмухамет углы, житель д. Каргалы Оренбургской губернии, была написана после многолетних странствий. В 1751 г. он выехал со своими 4 спутниками в Бухару по торговым делам. Но во время пребывания в городе, получив приказ царя, должен был следовать в Индию в качестве посла. Совершая свой путь, ему пришлось пройти через земли многих народов и стран, о которых он оставил ценные сведения. Путевые записки И. Бикмухамет углы являются вторым по времени отечественным сочинением об Индии после «Хождения» А. Никитина. Автором второй книги является Мухаммед-Амин Гумер углы, житель д. Яна (Новый) Кишет Алатской дороги Арского округа Казанского уезда. Целью его путешествия было совершение хаджа. Свой путь он начинает в 1783 г. из г. Казани и через Астрахань, Кизляр, Яхсай, Истамбул, Рудус прибывает в Мекку и Медину.

Дневниковая запись Миндияра Бикчурина также является интересным описанием увиденного во время поездки в Бухару. Миндияр Бикчурин, выходец из солдатской семьи, служил переводчиком при Оренбургском губернаторе, начиная с 1760 г. В 1777 г. он был удостоен звания коллежского регистратора, а после 1780 г. он получил чин коллежского асессора. Как знаток восточных языков Бикчурин был использован Оренбургским губернатором в качестве переводчика в дипломатических сношениях России с Казахстаном и Средней Азией. В 1780 г. М. Бикчурин был рекомендован Оренбургским губернатором Рейнсдорпом для выполнения задания Екатерины II. Он должен был нанести визит Бухарскому хану от имени императрицы и передать ему ее письмо³. М. Бикчурин выехал из Оренбурга 30 октября 1780 г. и доехал до Бухары 26 декабря. Автор в своем путевом дневнике, составленном после возвращения в Оренбург, излагает общественно-политическое, экономическое состояние в ханстве, хозяйство, быт местных жителей и другие разные сведения, имеющие ценность для исследования истории Бухары конца XVIII в.

¹ Алеева А. Х. Списки «Мухаммед-Амин саяхатнамасе» и живая народная речь в ее языковой структуре. // Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань, 1976. С. 34.

² Сокорой Г. Свет лампы. Стихи. Исторические записки. Письма. Уфа, 1995. С. 45-46.

³ Валеев Д. Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. Уфа, 2001. С. 95.

Если сочинение Мухаммед Амина было написано в результате паломничества, то записки И. Бикмухамет углы и М. Бикчурина связаны с торгово-дипломатическими отношениями России с юго-восточными соседними странами. Как видим, Россия активно привлекала и использовала купцов и специалистов-знатоков арабского и персидского языков, переводчиков из тюркских народов Урало-Поволжья во внешней юго-восточной политике.

В XIX в. Саяхатнаме получает широкое распространение. Описание паломничества или поездки в чужие края можно встретить и в творчестве таких известных башкирских просветителей, как Таджетдин Ялсыгул, Гали Сокрый, Мухаметсалим Уметбаев, Мирсалих Бикчурин и других. Если в первых саяхатнаме описывались религиозно-легендарные чудеса, где доминирует религиозное мировоззрение, то в записях как паломнической литературы так и светских хождениях дается оценка и описание фактов и явлений малознакомой заграничной жизни. Таким образом, можно сказать, что первая причина появления путевых записок – общественно-социальная (паломничество). Вторая причина – общественно-политическая: установление торговых и дипломатических отношений с разными странами и народами.

© Игдавлетов И. С., 2008

Л. Ш. Идрисова

Ценностные ориентации молодежи в этническом аспекте

Перед тем как приступить к изложению основной сути доклада, хотелось бы раскрыть само понятие «ценность». Каждый человек определяет его по-своему. Для одного на первый план по значимости выходят этические, нравственные ценности, для другого – религиозные и т.д. Очень сложно определить грань ценностей и особенно сложно произвести их классификацию, так как некоторые из них взаимосвязаны, исходят одна из другой.

С понятием ценностей неразрывно связано понятие «установки». Так, целью статьи является показать жизненные установки, ценности и ценностные ориентации молодежи г. Уфы. С 2006 года Центр социальных и политических исследований АН РБ начал проводить исследование по изучению социально-политического портрета молодежи. В статье будут рассмотрены результаты исследования «Социально-политический портрет молодежи г. Уфы», проведенного в марте-апреле 2008 г. Объектом исследования выступили три социальные группы молодежи г. Уфы: студенты дневных отделений вузов, постоянно работающая молодежь, а также временно неработающие и безработные молодые люди. Объем выборки составил 800 человек, возраст респондентов составлял от 18 до 30 лет.

В рамках цели были поставлены следующие задачи:

1. Охарактеризовать социально-экономическое положение молодежи: занятость, профессиональная мобильность, степень удовлетворенности своей работой; материальное положение: основные и дополнительные источники дохода, степень удовлетворенности;

2. Определить проблемы и противоречия в сфере образования: уровень образования; образовательный потенциал; образовательные стратегии;

3. Выявить особенности общественно-политических процессов в молодежной среде: социально-политические ценности; общественно-политическая активность (степень участия и отношение к общественно-политическим организациям, неформальным объединениям молодежи); отношение к органам власти и управления России и Башкортостана;

4. Проанализировать систему жизненных установок и ценностей: социальные установки и ценности; оценка своего социального положения; инновационный потенциал; жизненные стратегии.

Кроме этого в исследовании были рассмотрены вопросы о потребительских предпочтениях молодежи в сфере мобильных услуг¹.

Обширное исследование городской молодежи позволило получить комплексный социально-политический портрет данной социально-демографической группы и показать наиболее острые ее проблемы. В данном докладе будут рассмотрены результаты по таким показателям, как отношение к вере (религиозные ценности) и теоретические ценности. Итак, на вопрос «Что, на Ваш взгляд, необходимо для достижения успеха в жизни в первую очередь?» более или менее близкие и самые высокие результаты имеются в варианте ответа «иметь необходимые знакомства, связи»: 36,4% русских выбрали этот ответ, башкиры, другие национальности и татары, соответственно, составили 33,3, 31,3, 30,5%. Другие национальности показали наивысший процент тех, кто дал вариант ответа «много работать» – 12,5%. Вторым по большому количеству ответов оказался вариант «обладать сильной волей, настойчивостью»: большее число по этому ответу дали татары – 27,4%, далее башкиры – 21,6%, другие национальности – 18,8% и русские – 17,1. Как видим, на свои внутренние качества, на свои силы (волю, настойчивость) полагаются в большей степени татары и башкиры. Третий ответ с наибольшим показателем оказался «получить хорошее образование»: 25% представителей других национальностей отметили этот вариант, у башкир, русских и татар этот ответ выбрали лишь, соответственно, 9,4%, 13,0% и 5,8 % (после других национальностей вторым этот вариант ответа выбрали русские, хотя разница между ними большая). Но даже 25 и 13% – это небольшой и пугающий показатель. Следует вывод, что в нынешнее время иметь образование для молодежи – не столь важно, и что можно найти работу и без него. Приоритет молодежи – высокий заработок, то есть материальные ценности. Это можно объяснить современными условиями жизни общества.

Вариант ответа «деньги» выбрали 12,3% русских, 9,9% башкир, 9,3% татар, 6,3% других. Наименьший показатель имеют ответы «иметь обеспеченных и/или влиятельных родителей» (процент колеблется от 2,9% до 3,5%, причем данный вариант ответа не зафиксирован у представителей других национальностей) и «удачное стечение обстоятельств» (процент – от 1,9 до 6,6%). Респонденты также зафиксировали свои варианты ответов, но они имеют незначительный процент. Это варианты ответов «быть хорошим человеком» (его дали 0,5% башкир) и «желание» (его дали лишь татары – 0,4%). В данном вопросе предполагался один вариант ответа.

Ответы на вопрос, что необходимо для достижения успеха в жизни во вторую очередь (предполагается один вариант ответа) представлены в таблице.

Табл. 1.

	Башкиры	Русские	Татары	Другие
Иметь необходимые знакомства, связи	17,5%	20,2%	24,0	25,0
Обладать сильной волей, настойчивостью	15,5%	13,4%	12,0%	6,3%
Много работать	13,6%	14,5%	10,8%	6,3%
Иметь талант	8,3%	6,9%	8,0%	,0%
Получить хорошее образование	10,7%	11,8%	10,4%	18,8%
Деньги	13,1%	12,6%	15,6%	37,5%
Удачное стечение обстоятельств	12,1%	11,8%	12,4%	,0%
Иметь обеспеченных и/или влиятельных родителей	4,4%	7,3%	4,8%	,0%

¹ Социально-политический портрет молодежи г. Уфы. Аналитический отчет по итогам социологического исследования. Уфа, 2008. С. 4-5.

В данном вопросе также имелись другие варианты ответа: «все второстепенно» (его отметили 0,4% татар), «красота, ум» (отметили 0,4% татар), «быть мобильным» (отметили 0,5% башкир).

Как видим из ответов на один и тот же вопрос, варианты совершенно разнообразны по количеству ответов. Например, представители других национальностей считают, что в первую очередь для достижения успеха в жизни нужны связи (31,3% – самый большой процент из числа других вариантов ответа), а во вторую – деньги (37,5%). Варианты ответов, вторые по количеству собравших наивысшие показатели (речь идет также о других национальностях), – это «иметь хорошее образование» (в первую очередь) и «деньги». У башкирской молодежи ценности следующие: самый высокий процент показали ответы «иметь необходимые связи и знакомства» (в первую очередь) и «обладать сильной волей и настойчивостью» (во вторую). На втором месте по наиболее высоким показателям мы видим ответ «обладать сильной волей и настойчивостью». Также можно проследить за иерархией ценностей татар, русских и других по тому, что «вторично» в достижении успеха.

В целом, если в первых вариантах ответа мы четко видим, что ответ «иметь необходимые связи и знакомства» собрал относительно близкие по количеству ответы (от 30,5% до 36,4%), то есть башкиры, татары, русские и другие сошлись во мнении, что необходимо в первую очередь для достижения успеха в жизни, то в вариантах ответов, что необходимо во вторую очередь для достижения успеха в жизни, мы наблюдаем, что данный вариант ответа также совпадает (от 17,5% до 25%), а вариант «обладать сильной волей и настойчивостью» уступает варианту «деньги». Таким образом, теоретические ценности молодежи города, когда успех в жизни определяют связи, деньги (а не образование), продиктованы условиями современной жизни.

На вопрос «Относите ли Вы себя к верующим?» больший процент дал вариант ответа «отношу себя к верующим, но не соблюдаю религиозные обряды»: башкиры – 72,3%, русские – 61,9%, татары – 66,2%, другие – 68,8%. Как видим, башкиры имеют наибольший показатель религиозности, а наименьший процент религиозности оказался у русских. Соответственно, среди башкир самый низкий процент тех, кто не относит себя к верующим – 20,7%, далее идут татары – 26,9, другие – 25%, русские – 31%. Интересен факт, что, несмотря на то, что башкиры оказались наиболее верующими, у них довольно высокий процент тех, кто не относит себя к верующим. Так, не относят себя к верующим 20,7% башкир, 26,9% татар, 31,1 русских, 25% других. Относят себя к верующим и соблюдают религиозные обряды лишь 4,2% башкир, 5,6% русских, 5,8% татар, 6,3% других.

Итак, по религиозным ценностям можно сделать следующие выводы: башкиры являются наиболее верующими (72,3%), затем идут другие национальности (68,8%), далее татары (66,2%) и русские (61,9%). Среди тех, кто относит себя к верующим и соблюдает религиозные обряды, наибольший процент имеют другие национальности – 6,3%, далее следуют татары – (5,8%), русские (5,6) башкиры (4,2). Среди тех, кто не относит себя к верующим, наименьший процент имеют башкиры (20,7%), наибольший – русские (31,1%). Как видно, религиозные обряды соблюдает лишь незначительное число молодежи из представителей основных наций республики.

© Идрисова Л. Ш., 2008.

Ю. А. Иликеева

Изменения в хозяйственном укладе башкир в период кантонного управления (первая половина XIX в.)

К первой половине XIX в. в размещении хозяйства у башкир сложились три хозяйственных района: земледельческий, земледельческо-скотоводческий и скотоводческий со слабым развитием земледелия. К земледельческому району относились Осинский, Пермский уезды Пермской губернии, Бирский, Мензелинский, Бугульминский уезды Оренбургской губернии, Сарапульский уезд Вятской губернии. Здесь важным подспорьем в хозяйстве было стойловое скотоводство. К земледельческо-скотоводческому относились – территории, непосредственно граничащие с земледельческим районом, это–

Екатеринбургский и Красноуфимский уезды Пермской губернии, основная часть Троицкого и Белебеевского, Уфимский, Бугурусланский, Бузулукский, Бугульминский уезды Оренбургской губернии. В скотоводческий район со слабым развитием земледелия входят Шадинский уезд Пермской губернии, Челябинский, Верхнеуральский, Оренбургский, Стерлитамакский, часть Белебеевского, Троицкого (4-й Загорный кантон) и Уфимского уезды Оренбургской губернии¹.

Башкирское население вследствие этого подразделялось на оседлое и полукочеевое. Башкиры Бирского, Мензелинского, Осинского, Пермского и Сарапульского уездов жили оседло. В Уфимском, Троицком (западная часть), Белебеевском, Бугурусланском уездах полукочевой образ жизни вели лишь 17-22 % башкир, в Екатеринбургском, Красноуфимском уездах – 46 %, в Оренбургском, Стерлитамакском, Челябинском уездах – от 78 до 84 %, в Троицком (зауральская часть), Верхнеуральском уездах 93-94 % вели полукочеевое скотоводческое хозяйство. Остальные – земледельцы. В целом, в 1864 г. примерно из 439584 башкир, оседлых было 203859 (52,6 %), а полукочевых – 208725 (47,4 %) ². Несмотря на то, что в первой половине XIX в. земледелие среди башкир достигло значительного уровня, скотоводство продолжало занимать существенное место в хозяйстве.

На протяжении первой половины XIX в. летние кочевки у башкир претерпели изменения. Если «в хозяйстве кочевников-башкир» XVII– первой половины XVIII в. «лошади летом паслись косяками (в каждом косяке около 40 голов), а зимой косяки объединялись в табун, в котором было до 400 и более лошадей» ³, то в конце же XVIII– первой половине XIX в. лишь богатые семьи имели собственные косяки или табуны. Основная масса башкир кочевала летом своими семейно-родственными группами или объединялась в пастбищно-кочевые группы; и в том и в другом случае лошади сгонялись в несколько общих косяков. В зимнее время табуны составлялись из лошадей жителей одной деревни или сельской общины, которая выделяла и пастухов для присмотра на тебеневке. В смешанных земледельческо-скотоводческих хозяйствах иногда даже для выхода на кочевку еле собирали несколько косяков или даже один косяк лошадей ⁴, в этих случаях, естественно, родственные связи семей теряли значение и кочевые группы образовывались по соседскому принципу ⁵.

К середине XIX в. в ряде районов на кочевки стали выезжать позднее, с 15-го мая по старому стилю, после завершения сева. Дальние же кочевки и вовсе прекратились. Расстояние от деревень варьировалось от 5-ти до 35-ти верст. И связано это было и с отсутствием пастбищ (земельные вотчины были фактически, а в западной Башкирии в большинстве случаев и юридически, были поделены между общинами), и тем, что к периоду жатвы башкиры должны были вернуться к своим посевам. «Тогда держат при себе весь свой скот и с ними с места на место перекочевывают, оставляя ближайšie поля к своим зимовьям невредимы для осеннего сенокоса ...» – писал академик И. И. Лепехин в конце XVIII в. ⁶.

В земледельческо-скотоводческом и скотоводческом районе со слабым развитием земледелия в меньшей или большей части, несмотря на повышение удельного веса земледелия, еще практиковались летние выходы на кочевку, но в земледельческом районе башкиры их почти не знали. «У башкир, как и у русских крестьян, было «умеренное количество всякого скота», они скот держали зимой «при сво-

¹ Асфандияров А. З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 36; Он же. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 211-212; Янгузин Р. З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII-XIX вв. Уфа, 1998. С. 46, 49 – 51, 62.

² Асфандияров А. З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа, 1997. С. 10; Он же. Хозяйство башкир ... С. 34; Он же. Башкирия после вхождения ... С. 211-212.

³ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X – XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С. 305.

⁴ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 305.

⁵ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 305.

⁶ Лепехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 37.

их домах» и имели «главное пропитание от земледелия»¹. По описаниям Н.С. Попова, башкиры Пермского и Осинского уездов уже в начале XIX в. «постоянные имеют жилища», скот «кормят... всю зиму при своих домах», а сами «главное пропитание имеют от земледелия»².

В силу своего географического положения и исключительно удобных природно-почвенных условий, необходимых для хлебопашества, западная Башкирия была объектом широкой колонизации. Число переселенцев постепенно начинает превышать число коренных жителей края. Рост численности населения и дальнейшее развитие припуска вызвали перераспределение земельных площадей. Так, по указу 1832 г. душевой надел башкира определяется в 40 дес. Естественно, на таком участке и тем более при отсутствии общинной формы владения земельными вотчинами скотоводческое хозяйство с зимней тебеневкой вести было невозможно³. То есть, связано, это было, с одной стороны, сокращением пастбищных угодий, направляемой правительственной политикой, а, с другой стороны, влиянием пришло-го земледельческого населения.

Но даже здесь, где земледельческое хозяйство окончательно утвердилось, оно еще долго сочеталось с традиционными занятиями. Предки северных и северо-западных башкир хотя и были вынуждены отказаться от привычных форм ведения скотоводческого хозяйства, но не от образа жизни. С упадком экономического значения скотоводства, охоты и бортничества и повышением удельного веса земледелия «вежи» все более и более приближались к зимним жилищам, пока, наконец, в середине XIX в. северные башкиры не стали «кочевать» просто на своей усадьбе, перебираясь на лето в своеобразную бревенчатую имитацию древней юрты⁴. Одновременно, земледелие определило и качественные изменения в материальной культуре земледельческого района. Здесь башкирские деревни к середине XIX в. ничем не отличались от русских деревень. Они имели прямые улицы, дома были похожи на избы русских крестьян, отапливались голландскими и русскими печами, в каждом дворе имелись хозяйственные постройки⁵.

В скотоводческом же районе зимние жилища полукочевников, по свидетельству многих исследователей представляют собой деревянные полуразрушенные, незавершенные постройки⁶. В первой половине XIX в. происходит сокращение скотоводства у башкир, начавшиеся еще в XVII в. С 1827 – 1855 гг. обеспеченность башкир лошадьми уменьшилась с 1,37 до 0,98 головы, крупным рогатым скотом – с 0,72 до 0,59 головы на душу обоего пола. Лишь количество мелкого скота у них увеличилось с 0,99 до 1,14 головы на душу⁷. Между тем ученые и путешественники XIX в. отмечали, что башкирское скотоводческое хозяйство, имевшее от 10 до 20 лошадей, относилось к категории бедных⁸. Как уже было отмечено, зимой скот находился на тебеневке. Естественно, в таких условиях, нередко, холодной зимой от бескормицы, глубокого снега, буранов и морозов скот погибал в огромном количестве⁹. Конечно, и раньше бывали холодные и снежные зимы, но как точно отмечает Р.Г. Кузеев, тогда у башкир было все же больше возможностей использовать особенности географического ландшафта на большой территории и на зиму перегонять стада в малоснежные места¹⁰. С другой стороны, сказывалась также недостаточная заготовка кормов на зиму.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2598. Л. 1; Д. 5440. Л. 2; Д. 6959. Л. 10; Д. 5623. Л. 28, Д. 5406. Л. 15 об. – 16; Ф. 6. Оп. 1. Д. 158. Л. 57 об. – 58, 82 об. – 83; РГАДА. Ф. 1355. Д. 1874. Л. 91, 191, 201, 295; Д. 1879. Л. 16, 71, 242.

² Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 3. СПб., 1813. С. 3, 12.

³ Янгузин Р. З. Традиционный хозяйственный уклад прошлого столетия (до 60-х годов). Уфа, 1979. С. 34 – 35.

⁴ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 297.

⁵ Янгузин Р. З. Хозяйство и социальная ... С. 61–62.

⁶ Флоринский В. Башкирия и башкиры. Путевые заметки // Вестник Европы. Т. VI. СПб., 1874. С. 747; Арнольдов В. А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // Общество врачей при Казанском университете. Казань, 1894. Дневник. Вып. 4. С. 235; Зефиоров В. Взгляд на семейный быт башкирца // Оренбургские губернские ведомости (далее ОГВ). 1851. № 3, 4.

⁷ Асфандияров А. З. Хозяйство башкир ... С. 36; Он же. Башкирия после вхождения... С. 213–214.

⁸ Попов Н. С. Указ. соч. С. 17.

⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14017/1. Л. 7.

¹⁰ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 306.

Большой урон скотоводству, по мнению А. З. Асфандиярова, Р. З. Янгузина, Х. Ф. Усманова нанесли принудительные меры властей по переводу полукочевых башкир к оседлости, особенно в связи с переводом башкир в военно-казачье сословие. Еще в 1798 г. царь Павел I строго наказывал Оренбургскому губернатору О. И. Игельstromу: «... повелевается ... входить в состояние каждого башкирца и смотреть накрепко, чтобы всякий старался о приведении в хорошее состояние домо-строительства, земледелия и прочей своей экономики», а «ленивых и беспечных побуждать к тому легким наказанием и, отобрав на время все угоды коими они пользуются, отдавать в работники хорошим хозяевам, назнача плату, какую хозяева должны им в год заплатить, под каковым присмотром и содержать их до того времени, пока исправят свое поведение и найдутся в состоянии сами хозяйствовать»¹. Особенно крутые меры по насильственному переводу полукочевников к оседлости и земледелию предпринимались при генерал-губернаторе В. А. Обручеве в 1842 – 1851 гг. В это время запрещалось башкирам выходить на летовку. Все это ухудшало обеспеченность скотом полукочевых башкир. К середине XIX в. около 10 % их хозяйств не имело скота².

Заметно уменьшилось количество скота и у богатой части населения. Если в конце XVIII в. отдельные башкирские феодалы имели по 1000 и более голов лошадей, то в середине XIX в. встречались хозяева, содержавшие лишь 50-200 голов лошадей. Естественно, что в таких условиях, южные и юго-восточные башкиры не могли существовать лишь за счет скотоводства. Они занимались и хлебопашеством, но, в меньшей мере, чем жители земледельческих уездов. В число тех башкир, которые бросали кочевку и на лето оставались в деревне, в первую очередь входила богатая верхушка башкирского общества и бедняки. Кочевье обычно оставляли те, кто имел материальные средства организовать более производительное земледельческое хозяйство, или, те, кто, совершенно разорившись, вынужден был засеять хоть клочок земли, чтобы не умереть с голоду. Но были и те, кто, оставив кочевье, не мог заниматься и земледелием: не владея ни скотом, ни сельскохозяйственными орудиями, они не имели такой возможности. Жили они тем, что сдавали в аренду свои вотчинные наделы, и, в конце концов, шли к своему же арендатору в наемные работники³. Таким образом, на лицо все более усиливавшееся расслоение башкирского общества.

С 40-х гг. губернские власти стали прибегать к более действенным мерам и по переводу полукочевников к оседлости и земледелию. С этой целью, например, создавались семенные магазины с беспроцентной ссудой семян, закупленных на средства башкирского населения. Применялись и поощрительные меры. Власти выдавали башкирам, расширяющим свои посевы, «похвальные листы» и кафтаны. Но часто практиковались и принудительные меры⁴.

В совокупности, хотя все эти и другие меры по расширению хлебопашества среди башкир дали определенные результаты, тем не менее, к середине XIX в. господствующей формой хозяйства у башкир Оренбургского, Стерлитамакского, Верхнеуральского, Челябинского уездов оставалось полукочевое скотоводство⁵.

В целом, резкий рост численности населения, развитие припуска, углубление социальной дифференциации в башкирском обществе, начавшийся процесс расширения общинных земель вызвали постепенное перераспределение земельных площадей, относительное обезземеливание рядовых башкир-общинников не могли не подорвать существенно экономическую основу господствовавшего здесь полукочевого скотоводства⁶. П. Небольсин, побывавший в середине XIX в. в Оренбургской губернии, приводит со слов самих башкир любопытные расчеты размеров пастбищных площадей, необходимых для нормального ведения скотоводческого хозяйства с зимней тебеневкой.

¹ Янгузин Р. З. Хозяйство и социальная ... С. 80–81.

² Асфандияров А. З. Хозяйство башкир ... С. 36; Он же. Башкирия после вхождения ... С. 214.

³ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 307.

⁴ Асфандияров А. З. Хозяйство башкир ... С. 37–38.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 83. Л. 25 об.; Д. 83/а. Л. 276 об., 331, 343.

⁶ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 302

Чтобы «прокормить во всю зиму 4000 лошадей» около р. Илек, где трава всегда хорошая, «потребно некошенной степи» 20 верст в длину и 20 – в ширину¹, т.е. на каждые 10 лошадей необходима одна квадратная верста, или около 100 га (если считать кв. версту примерно равной кв. км.). В середине XIX в. башкирам принадлежало 12 976 093 десятины земли (в т.ч. 6 192 181 – под лесами, 482 250 – неудобной). Число башкир-вотчинников по VIII ревизии (1834 г.) было 149293 мужских души, следовательно, на каждого вотчинника приходилось около 87 десятин разных угодий. Надо учесть при этом, замечает Р.Г. Кузеев, что башкиры на своих вотчинах имели припущенников, казенных и удельных крестьян, общая численность которых составляла (по VII ревизии 1816 г.) около 130 тыс. мужских душ. Кроме того, из тех же земель по указу 1832 г. мишари и тептяри наделялись 30 десятинами земли. Таким образом, на одного вотчинника приходилось значительно меньше десятин «разных угодий»².

Учитывая все выше перечисленные факторы, вполне закономерно, что к 1850 г. по сравнению с к. XVIII в. посевные площади в Оренбургской губернии выросли почти в 13 раз – с 255 130 до 3 201 277 десятин³. Пашня обычно находилась в 3 – 5 км. от деревни. Переложная форма земледелия у башкир являлась господствующей на протяжении всего указанного периода. При этой системе запахивался участок, и посев на нем велся в течение нескольких лет безо всякого удобрения и без определенного порядка. После истощенный участок забрасывался и выбирался другой. В 1846 г. среди башкир принудительным путем начала вводится трехпольная система. В.М. Черемшанский же отмечает в середине XIX в. повсеместное распространение трехполья и называет его «общественной системой земледелия в Оренбургской губернии»⁴. Однако, Н.В. Бикбулатов, подробно изучив данный вопрос, пришел к выводу, что «тенденция к трехполью», наблюдавшаяся уже в XVII – XVIII вв. не реализовала себя в полной мере, а, наоборот, в значительной части Южного Урала и Западной Сибири в XIX в. преобладающей стала система земледелия, сочетающая в себе особенности паровой и переложной (залежной) систем⁵.

Сеяли в основном рожь, овес, ячмень, пшеницу, коноплю, просо, иногда, лен, горох⁶. На одну десятину засевалось примерно 16 пудов зерна. Башкиры пахали землю деревянным сабаном в 6 лошадей при 2 – 3 работниках; в широком распространении были бороны. Бороновали новую землю примерно 15 раз, старую – 8 раз. Уборка хлеба производилась серпом. Сжатый хлеб перевязывали в снопы и перевозили для сушки в «шиши». «Возделывание полей в кантонах оседлых башкир в немногo уступает соседним государственным и помещичьим крестьянам, а в количестве засевов даже в некоторых местах превосходит», говорится в отчете о Башкирско-мещерякском войске за 1850 г.⁸.

В период кантонной системы управления царская администрация пыталась распространить среди башкир огородные культуры. Однако, кроме картофеля, они, исключая оседлых башкир, почти не внедрились⁹. Например, в отчете о состоянии Башкиро-мещерякского войска за 1850 г. говорится, «что кроме хлеба оседлые башкиры засевают огородные культуры: капусту, репу, свеклу, огурцы, картофель и прочее, а кочевые башкиры 5,6, 7,8, 10 и частью 13 кантонов имеют пособием для своего продовольствия в летнее время кумыс, а в зимнее время корот, масло и мясо, при изобилии у многих скотоводства»¹⁰. Значительное распространение в башкирских кантонах получили мелкие промыслы. В горно-лесных районах все более возрастающее значение приобретают лесные

¹ Небольсин П. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский края. СПб., 1852. С. 28; Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 302.

² Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 302–303.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 11.

⁴ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 285–286.

⁵ Бикбулатов Н. В. Системы земледелия башкир в XIX – начале XX в. //Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 30–31.

⁶ Янгузин Р. З. Традиционный хозяйственный ... С. 74–79.

⁷ РГАДА. Ф. 1355. Д. 1874. Л. 191, 201; Д. 1879. Л. 242; Д. 929. Л. 134.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6959. Л. 9 об.

⁹ Бикбулатов Н. В. Системы земледелия ... С. 23; Материалы по истории Башкирии. Т. IV. Ч. 1. М., 1956. С. 314–315.

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6959. Л. 3 об.

промыслы, которые получили развитие в Челябинском, Верхнеуральском, Стерлитамакском, Уфимском, Оренбургском, Бирском, Мензелинском уездах, Сарапульском уезде Вятской губернии, Пермском и Осинском уездах Пермской губернии. Зимой рубили лес, заготавливали бревна; дрова для продажи близлежащим заводам, степным башкирам и жителям г.Оренбурга; занимались выгонкой дегтя, сидкой смолы, выделкой кулей, изготовлением мочала и т.п. Своеобразным подспорьем в хозяйстве, особенно в лесных районах, были пчеловодство и охота.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в принудительный перевод полукочевых башкир к земледелию и оседлости имел и положительные и отрицательные стороны. С одной стороны основное традиционное занятие башкир–скотоводство, продолжая играть существенную роль в хозяйстве, одновременно, все более и более уступает свои позиции земледелию и хлебопашеству. В связи с этим в башкирском обществе продолжается дальнейшее обеднение населения и более резкое его расслоение. Наряду с упадком скотоводческого хозяйства башкир происходит крестьянское и промышленное освоение края, рост численности пришлого земледельческого населения (что вызвало резкое сокращение пастбищных угодий) и, дальнейшее развитие товарно-денежных отношений (которые оказывали непосредственное влияние на структурные изменения собственности в самой башкирской общине).

© Иликеева Ю. А., 2008.

Н. К. Илишева

Концепция демографического развития Российской Федерации в период до 2015 года: шаг в поисках решения общегосударственных проблем

События в Грузии отчетливо показали стремление Российской Федерации вести самостоятельную линию во внешней и внутренней политике. Естественно, настроения, взрастившие идею «суверенной демократии», созрели не сразу, равно как и благоприятные условия. Для проведения этой идеи необходимо обеспечить развитие благоприятных тенденций в демографических процессах, т. к. одним из существенных факторов осуществления государственной власти во имя укрепления государственного суверенитета являются кадровые или демографические ресурсы. В данном случае сделана попытка определить общую направленность и причины появления

Концепции демографического развития до 2015 г.¹ В условиях существенной полярности мнений относительно демографической ситуации актуальным будет выделение в ней аспектов, которые больше всего интересуют государство. В 2001 г. у Российской Федерации впервые появилась Концепция демографического развития. Правовые основы документа были заложены в утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. Концепцией национальной безопасности Российской Федерации. Принятие этого важного документа В. В. Путиным уже на десятый день исполнения обязанностей Президента РФ свидетельствует о том, что первостепенное значение им придавалось решению приоритетных проблем общегосударственного масштаба, в качестве каковой стала демографическая проблема. Этот документ явился редакцией одноименного указа от 1997 г., тогда, видимо, не сложились условия для его реализации (экономический кризис 1998 г., кризис системы государственной власти). При сравнении проекта прежней Концепции с окончательным вариантом можно проследить, что проект эволюционировал в сторону «ослабления», обусловленного рядом причин.

Среди недостатков новой редакции Концепции можно назвать то, что не были названы ее ответственные исполнители. В ней также отсутствует план ее реализации: условия, благоприятные для реализации полномасштабного проекта по регулированию

---

¹ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. // Российская газета. 2001. 16 октября. С. 6.

демографической ситуации, видимо, в то время еще не сложились. В пользу такого вывода говорит то, что при разработке бюджета на 2002 г. значительные дополнительные средства предлагалось направить на погашение внешнего долга России. Для реализации принятой в 2000 г.у после вступления В. В. Путина в должность Президента России Концепции внешней политики Российской Федерации необходимы были значительные средства¹.

В последующем потребовались финансовые средства на проведение административной реформы, реформирование системы исполнительной власти, прежде всего министерств, оставшихся в наследство от ельцинского периода. Все это преследовало цель обеспечения более эффективной их деятельности и осуществления контроля над ними. Прежние министерства и ведомства не могли осуществить эффективное управление в сфере собственной компетенции. В этих условиях не могло быть речи о формировании эффективной государственной политики в сфере создания необходимых условий в сфере здравоохранения, образования, спорта и туризма, чтобы обеспечить проявление благоприятных демографических тенденций. В последующем последовало формирование на основе Министерства труда и социальной защиты и Министерства здравоохранения Министерства социальной защиты и здравоохранения, а также преобразование Министерства по делам Федерации, национальной и миграционной политики, которые и выступят в Концепции демографической политики, принятой в 2007 г., одними из ответственных исполнителей.

Возвращаясь к обсуждению проекта Концепции, укажем, что он первоначально содержал десять пунктов вместо семи и носил название «Концепция демографической политики на период до 2015 г.». Среди исчезнувших – пункт «Угрозы национальной и экономической безопасности, связанные с демографической ситуацией», логически продолжающий и конкретизирующий обозначенные проблемы в Концепции национальной безопасности. Неблагоприятные демографические тенденции связывались напрямую с проблемами обеспечения благополучия и жизнеспособности государства:

- уменьшение численности молодежи – слабость армии;
- сокращение численности детей и подростков – проблема формирования трудовых ресурсов, кадров;
- «старение» населения – нагрузка на трудоспособное население, обострение проблемы с выплатой пенсий;
- повышение уровня миграции – геополитические проблемы².

Во избежание обозначенных «угроз» далее в проекте были поставлены цели и задачи, которые вошли в окончательный вариант. Существенному сокращению подвергся пункт, посвященный реализации Концепции, а также исчезло приложение – план мероприятий, предложение о «концентрации финансовых и материальных ресурсов на реализацию приоритетных положений с учетом использования средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, привлечения дополнительных поступлений»³. То есть демографическая проблема стала поводом для беспокойства в сфере обеспечения существования и повышения эффективности государства. В проекте были особо выделены проблемы формирования трудовых ресурсов, увеличения демографической нагрузки на трудоспособное население, выплат пенсий и социальных пособий. По сути, решение демографических вопросов напрямую связывалось с экономической состоятельностью государства, так как увеличивающаяся нагрузка на трудоспособное население чревата острыми финансовыми трудностями.

В этой связи совершенно оправданным выглядит уделение большего внимания в рассматриваемом документе к сохранению здоровья (соответствующий пункт самый объемный среди других). В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, послужившей правовой основой для появления Концепции

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Российская газета. 2000. 11 июля. С. 5.

² Концепция демографической политики // Экономика и жизнь. Электронное издание. Режим доступа: <http://www.akdi.ru/econom/program/demogr.HTM>

³ Концепция демографической политики // Экономика и жизнь. Электронное издание. Режим доступа: <http://www.akdi.ru/econom/program/demogr.HTM>.

демографического развития, среди угроз национальной безопасности значится «угроза физическому здоровью нации... подрыв трудовых ресурсов как основы развития производства»¹.

Хотя это в некоторых случаях повлекло за собой критику со стороны ряда авторов, стремившихся увидеть в Концепции в качестве приоритетных увеличение рождаемости, с понятным креном в сторону государствообразующего русского народа². Однако, по оценкам специалистов, исключительно за счет внутренних резервов проблему спада рождаемости, в том числе и русскоязычного населения, не решить. На наш взгляд, проблема многогранна, тут сыграли роль и общая тенденция спада естественного роста с 60-х годов, снижение численности молодежи, то есть людей репродуктивного возраста, изменение системы общественных ценностей и традиций, неблагоприятное социально-экономическое положение и другие факторы, которые требуют отдельного исследования.

Среди приоритетов в Концепции обозначена миграция как средство восполнения трудовых ресурсов. Однако проблема остается пока нерешенной. Стремление государства обеспечить рабочей силой производство встречается с устойчивым неприятием «чужих» в определенных слоях российского общества, ростом шовинистических настроений. Известно стремление приезжих представителей других этносов объединиться в целях взаимопомощи, что нередко выражается в образовании анклавов этнических общин с собственными порядками. К примеру, достаточно напомнить о китайской общине в Нью-Йорке, живущей по своим правилам, о проблеме интеграции мигрантов в Европе. Функционирование «непрозрачных» структур внутри государства может иметь опасные и непредсказуемые для него последствия.

В связи с этим чрезвычайно важными становятся подходы к адаптации переселенцев. Поэтому неудивительно, что в Концепции приветствуется приток населения из стран СНГ и Прибалтики, то есть бывших сограждан россиян, которых легче интегрировать. Конечно, это только робкий шаг в решении проблемы интеграции мигрантов, которая, на наш взгляд, требует очень большого внимания и комплексного анализа, исследования этнического как адаптивного механизма. Для государства, чтобы обеспечить свое функционирование особую важность приобретает разработка методов обеспечения наиболее благоприятного климата межнациональных отношений.

Концепция демографического развития не является единственной в своем роде стратегией. Мы уже говорили о Концепции внешней политики, уместно будет упомянуть и Концепции модернизации вооружения, информационного общества, здравоохранения, а также концепции, принятые на основе Концепции демографического развития: «Дети России», в Республике Башкортостан – региональный вариант Концепции демографического развития, который детализирует поставленные цели и задачи в федеральном документе и отличается более проработанной аналитической частью.

Структура этих документов примерно одинаковая – преамбула, аналитическая часть, приоритеты, механизм реализации, то есть мы имеем определенную группу источников, появившихся в новейшее время. По мнению В. М. Баранова: «Идея и концепция законопроекта – разные стадии формирования права. Идея – начальная стадия, концепция – более поздняя стадия законотворческой деятельности, когда идея уже оценена и принято решение готовить ее развитие в законопроект»³. То есть мы можем воспринимать Концепцию как определенное руководство к применению: она «должна служить ориентиром для органов государственной власти, а также для органов местного самоуправления при решении вопросов, касающихся рождаемости, оказания поддержки семье, здоровья, продолжительности жизни, миграции и иных аспектов демографического развития»⁴.

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. Официальное издание. 2000. № 2. С. 695.

² Гундаров И. А. Демографическая катастрофа в России: причины и пути преодоления // Почему вымирают русские. Последний шанс. М.: ЭКСМО, 2004. Электронное издание. Режим доступа к статье: <http://www.etnocid.netda.ru/books/pvr/pvr1.htm>

³ Баранов В. М. Концепция законопроекта и ее роль в повышении эффективности принятия закона. Электронная статья. Режим доступа: http://www.duma.gov.ru/index.jsp?t=pravupr/ocenka_zak/6.html

⁴ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. // Российская газета. 2001. 16 октября. С. 6.

Действительно, вспомним о том, что данная концепция послужила для федеральных органов и регионов неким опорным документом в сфере демографической политики. Можно уже составить определенное представление об идее, положенной в основу Концепции. Интересно, что концепции имеют определенное сходство с советскими планами развития народного хозяйства, а именно, по части структуры: обзор состояния отрасли; изложение политики, положенной в основу плана; количественные и качественные перспективы развития; план мероприятий государства по их осуществлению¹. При этом необходимо учесть то, что план представляет собой «особый вид источника, возникший в советском делопроизводстве»².

Хотя, как известно, СССР имел экономику, регулируемую государством именно на основе планирования, что позволило осуществить прорыв в решении крупных проблем проведения модернизации страны, крупные недостатки в планировании стали основой отказа от него как средства постановки и решения крупных задач стратегического развития общества и государства. В то же время расчет на саморегулирующую силу рынка обернулся обнищанием населения, развалом системы социального обеспечения, в конечном счете – ухудшением демографической ситуации, что является несравнимо большим злом в общественном и государственном развитии России. Поэтому предпринятые кардинальные шаги, направленные на регулирование демографических процессов, улучшению демографической ситуации, являются далеко не случайными. Принятие в числе других подобных документов Концепции демографического развития видится нами как стремление государства к обеспечению безопасности своего функционирования, попытка определить долгосрочные цели и перспективы общественного развития. Очерченный в Концепции круг вопросов и расставленные приоритеты, естественно, не исчерпывают проблемы. Некоторые исследователи вообще склонны скептически оценивать возможность государства повлиять на демографическую ситуацию. Тем не менее, при всех своих достоинствах и недостатках Концепция стала неким символом, условным сигналом, основой и базой осуществления дальнейших поисков, форм, методов и путей решения демографических проблем.

© Илишева Н. К., 2008.

Г. Ш. Исмаилова

История народного образования и культурно-просветительской работы Зауралья Башкирской АССР в 1960–1970 гг.

Пути развития народного образования, перехода ко всеобщему среднему образованию были определены постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 г. «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы». Постановление наметило перспективы перехода школ на новое содержание обучения, подчеркнуло необходимость осуществления в стране в основном к 1970 г. всеобщего среднего образования.

В Башкирской АССР, как и по всей стране, развернулась напряженная работа по выполнению этих исторических директив. В феврале 1967 г. состоялся республиканский актив работников народного образования с участием партийных, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных руководителей, были проведены республиканские педагогические чтения, где лучшие учителя делились опытом своей работы. В декабре 1967 г. был проведен V съезд учителей Башкирии, в октябре 1969 г. состоялся VI съезд учителей республики, где были рассмотрены задачи учителей и органов народного образования в связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и состояние и меры по улучшению работы сельских школ республики.

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский и др. М., 1998. С. 607.

² Там же. С. 606.

В Зауралье Башкирской АССР была проведена большая работа по осуществлению восьмилетнего всеобщего обучения детей и подготовке условий для внедрения всеобщего среднего образования. В результате принятых мер в Зауралье Башкирской АССР количество средних школ увеличилось в 1966/67 учебном году по сравнению с 1956/57 учебным годом почти в два раза, что видно из следующей таблицы¹:

Табл. № 1

Наименование района	1956/56 уч. год				1966/67 уч. год			
	Всего	в том числе:			Всего	в том числе:		
		нач.	семилет.	средн.		нач.	восем.	средн.
Абзелиловский	90	66	19	5	86	63	14	9
Баймакский	109	75	28	6	97	57	28	12
Учалинский	80	44	29	7	76	48	18	10
Хайбуллинский	74	52	16	6	64	40	15	9
Итого:	353	237	92	24	323	208	75	40

В осуществлении всеобщего среднего образования большую роль играли вечерние (сменные) и заочные школы. Они играли важную роль в получении среднего образования работающей молодежи. В республике, в том числе в районах Зауралья Башкирской АССР была проведена значительная работа по претворению в жизнь постановлений партии и правительства о развитии вечернего и заочного образования работающей молодежи. В 1961/62 учебном году решением Совета Министров Башкирской АССР были открыты первые в республике заочные отделения в девяти районах, в том числе в Абзелиловском, Баймакском и Хайбуллинском². Основным контингентом этих школ являлись колхозники, рабочие совхозов, бригады полеводческих и тракторных бригад, животноводы. Практика показала, что заочное обучение было одной из форм получения среднего образования работающей молодежи. В школах Зауралья в те годы распространялся опыт работы Ахуновского учебного комбината колхоза «Красный партизан» Учалинского района. За 5 лет на комбинате получили среднее образование более 200 колхозников³.

Обком КПСС и Совет Министров республики в 1960–1970 гг. принял ряд постановлений по развитию обучения работающей молодежи. Так был утвержден перспективный план развития обучения работающей молодежи, приняты конкретные меры по улучшению вечернего и заочного образования работающей молодежи и укреплению учебно-материальной базы школ работающей молодежи в республике. Следует отметить, что вопросы организации обучения взрослого населения систематически обсуждались на пленумах райкомов партии и комсомола, профсоюзных активах и совещаниях исследуемых нами районов⁴.

В июле 1967 г. было принято совместное постановление бюро Башкирского обкома ВЛКСМ, коллегий Министерства просвещения и Министерства сельского хозяйства Башкирской АССР о включении во Всесоюзный смотр работы комсомольских организаций и органов народного образования по развертыванию массового движения молодежи под девизом «Каждому молодому труженику – среднее образование!».

В районах Зауралья Башкирской АССР сложились разнообразные и достаточно гибкие формы организации учебно-воспитательной работы. Ежегодно выполнялись планы комплектования вечерних и заочных школ учащимися, сократился отсев учащихся из школ работающей молодежи, повышался уровень успеваемости. Вопросы обучения молодежи на предприятиях Учалинского и Баймакского районов вошли в планы социального развития производственных коллективов.

Эти меры способствовали улучшению организации вечернего и заочного образования, росту сети школ и контингента учащихся. По сравнению с 1956/57 учебным годом на начало 1966/67 учебного года в Баймакском и Учалинском районах

¹ Мустафина Ф. Х. Развитие всеобщего среднего образования в Башкирской АССР (1917-1978 гг.). Уфа, 1979. С. 132.

² Мустафина Ф. Х. Указ. соч. С. 133-134.

³ Там же. С. 122.

⁴ Там же. С. 221, 222.

увеличилось количество школ рабочей и сельской молодежи и обучающихся, также рос контингент учащихся в Абзелиловском и Хайбуллинских районах¹.

В 1960–1970 гг. постепенно улучшается материально-техническая база школ республики. Государственный план строительства школ в 1966–1970 гг. за счет госкапвложений был перевыполнен: построено 139 школ на 73 тыс. мест. Кроме того, инициативным путем построено 124 школы на 24 тыс. мест и пристроек, дошкольных учреждений². В 1960-е гг. в Абзелиловском районе были построены типовые школы в Михайловке, Янгельском, Халилово – по 320 мест каждая, Халилово – на 240 мест, пристройки к школам в Давлетово – на 160 мест, начальные школы в Альмухаметово, Еникее, Теляше, Аумьше и других деревнях, всего на 2960 мест. Начато строительство новых типовых школ зданий Аскардовской, Краснобашкирской, Баимовской, Кускаровской школ³. Достижения Абзелиловского района в области народного образования были достаточно высокие и в 1970-е гг. За четыре года (1973–1977 гг.) в районе построены типовые здания 3 средних, 4 восьмилетних, 14 начальных школ на 2678 мест, 2 пристройки – на 350 мест, интернаты на 320 мест, учебные мастерские – на 220 мест, два спортзала и 21 квартира для учителей, строились еще три школы и 10 квартир для учителей⁴. В 1960-е гг. в Хайбуллинском районе были построены типовые здания в Макане, Целинном, Илячево, Абишево, Подольском, Татыр-Узяке и десятки зданий начальных школ. Впервые в истории народного образования района современная типовая средняя школа на 250 мест была построена в 1962 г. в с. Акъяр⁵. В 1960–1970 гг. за высокие показатели в социалистическом соревновании за лучшую подготовку школ к новому учебному году Башкирия 5 раз была награждена Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР и Республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, а Баймакский и Учалинские районы – переходящими Красными знаменами⁶.

Учитывая эти положительные результаты и в целях дальнейшего совершенствования новых программ и учебников, в 1971 г. в школах Учалинского, Абзелиловского, Баймакского районов были проведены педагогические эксперименты научными сотрудниками Башкирского филиала НИИ национальных школ Минпроса РСФСР. Результаты исследований и обобщения передового опыта учителей нашли свое отражение в учебных программах, учебниках и учебно-методических пособиях⁷.

В эти годы значительно активизировали свою работу и пионерские организации зауральских школ. Педагогические коллективы таких школ, как Мулдакаевская Учалинского района, Бурибаевская средняя школа Хайбуллинского района, школа № 1 Баймака и др. всегда рассчитывали на инициативу пионерских отрядов, дружин и на внеурочную воспитательную работу. В школах работали профильные звенья и отряды «Красных следопытов», «Юных дзержинцев», «Юных друзей милиции», «Юных друзей Советской Армии», интернациональной дружбы, туристов, а также спортивные клубы «Олимпия», «Кожаный мяч», «Золотая шайба»⁸. Улучшение воспитательной работы в школах повлияло на развитие художественной самодеятельности. В 1967 г. интересно и содержательно прошел в республике смотр художественной самодеятельности учащихся, посвященный 50-летию Октября.

Одной из форм воспитательной работы летом стали комсомольско-молодежные лагеря труда и отдыха учащихся. Хорошо зарекомендовали себя комсомольско-молодежные лагеря школ Баймакского, Хайбуллинского районов. Учащиеся трудились в поле, заготавливали корм для скота, ремонтировали животноводческие помещения⁹.

Несмотря на достигнутые успехи, следует отметить, что решение задачи завершения перехода ко всеобщему среднему образованию силами одной только общеобразовательной средней школы было невозможно. В целях реализации решений XXIV съезда КПСС в 1970-е гг. в республике, в том числе и в Зауралье Башкирской АССР,

¹ Мустафина Ф. Х. Указ. соч. С. 95.

² Хисматуллин Ф. Ш. Воспоминания о родном Абзелиле. Уфа, 2000. С. 8-9.

³ Бикметов М.А. Край родимый – Абзелил (краткие исторические очерки). Магнитогорск, 2006. С. 18.

⁴ ЦГАОО. РБ. Ф. 122. Оп. 81. Д. 248. Л. 72.

⁵ Мустафина Ф. Х. Указ. соч. С. 96.

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Там же. С. 127.

⁸ Там же. С. 157.

⁹ Там же. С. 213.

наряду со средними общеобразовательными школами большое развитие получили средние профессионально-технические училища и расширение вечернего и заочного обучения, что помогло в успешном решении задачи всеобщего среднего образования молодежи. Расширение среднего образования основывалось на успешном осуществлении всеобщего восьмилетнего образования. В 1967 г. по республике 88% учащихся продолжали учебу в общеобразовательных средних школах, средних специальных учебных заведениях и профтехучилищах. По отдельным районам эта цифра еще больше: например, в Абзелиловском, Хайбуллинском, Учалинском – 85–90% выпускников были приняты в IX классы¹.

Средняя общеобразовательная трудовая политехническая дневная школа являлась основной формой получения общего среднего образования молодежи. В Башкирской АССР в 1978/79 учебном году школьная сеть характеризовалась следующим образом: всего было 3 327 школ, в том числе 1 437 начальных, 892 восьмилетние и 998 средних. В них обучалось 861,3 тыс. учащихся. На всех этапах развития среднего специального образования большое внимание уделялось педагогическим кадрам.

В 1970-е гг. деятельность сельской школы была тесно связана с колхозным и совхозным производством, что являлось одним из определяющих показателей учебно-воспитательного процесса. В числе задач, поставленных июльским (1978г.) Пленумом ЦК КПСС, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР о сельской школе, важное место принадлежало подготовке сельских учащихся к труду в сельскохозяйственном производстве. В школах зауральских районов республики велась значительная работа по реализации этой задачи, был накоплен положительный опыт трудового воспитания и профессиональной ориентации учащихся в сельскохозяйственных специальностях. В 1978 г. бюро Башкирского обкома КПСС одобрило инициативу коллектива колхоза «Сакмар» и Юмашевской средней школы Баймакского района по совместной работе². В целях подготовки учащихся школ к труду в сфере материального производства и обслуживания населения горкомам и райкомам КПСС было предложено провести необходимую организационную работу по широкому распространению этой инициативы во всех коллективах предприятий промышленности, строительства, транспорта, связи, сферы обслуживания населения, в колхозах и совхозах, в общеобразовательных школах и учебно-производственных кабинетах³.

Совместная работа по трудовой подготовке учащихся Уфимской средней школы и Матраевского совхоза Хайбуллинского района, Темясовской средней школы и Суваньякского совхоза Баймакского района Зауралья Башкирской АССР была организована так же хорошо. Работа по трудовому обучению и воспитанию школьников Зауралья получили высокую оценку в республике.

В июне 1978 г. состоялся Всесоюзный съезд учителей – значительное событие в целом по стране. Съезд обобщил итоги развития всеобщего среднего образования в стране и в республике. Завершение в девятой пятилетке перехода ко всеобщему среднему образованию, укрепление учебно-материальной базы школ, обеспечение последних квалифицированными педагогическими кадрами заложили основу для поднятия качества обучения и воспитания в последующие годы.

В 1970-е годы были ознаменованы большим подъемом образования и культуры. В Хайбуллинском районе была проделана большая работа по социальному развитию района. Укрепилась материально-техническая база школ. Было построено 16 типовых современных школ и 11 дошкольных детских учреждений⁴. Большую роль в культурной жизни Зауралья Башкортостана и подготовке национальных кадров сыграли действовавшие в районе почти двадцать лет Темясовское педучилище и Баймакский горнометаллургический техникум. Они дали народному хозяйству республики сотни специалистов, многие из которых впоследствии стали крупными руководителями в различных отраслях народного хозяйства.

1960–1970-е гг. были поворотной вехой в развитии культурно-просветительных учреждений зауральских районов Башкирской АССР. В Абзели-

¹ Мустафина Ф. Х. Указ. соч. С. 161.

² Советская Башкирия. 1978. 2 июля.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 85. Д. 237. Л. 18; Оп. 185. Д. 238. Л. 36, 40, 43.

⁴ Хисматуллин Ф. Ш. Указ. соч. С. 8-9.

ловском районе построены и капитально отремонтировано 15 колхозных клубов и РДК, радиофицировано и электрифицировано свыше 20 населенных пунктов. Развернулось дорожное строительство, строительство школ, фельдшерских пунктов и других учреждений. Тем не менее следует отметить, что учреждения культуры в 1960-е гг. были помещены в основном в маленьких приспособленных зданиях. В районе всего было 12 сельских, 25 колхозных клубов, 7 изб-читален, 10 сельских библиотек (книг 100 тыс. экземпляров), 9 стационарных киноустановок, 6 передвижных, 4 профсоюзных киноустановки¹.

К началу 1968 г. в Абзелиловском районе было 75 библиотек. Книжный фонд составил 1221,1 тыс. экземпляров. В 1967 г. были сданы 2 типовых дома культуры (в совхозах «Красная Башкирия» и «Янгельский»), 2 сельских клуба. Работало 35 киноустановок, в том числе 5 передвижных. Из 95 населенных пунктов в 77 регулярно велась работа в клубах. 9 клубных работников имели специальное образование. В Хайбуллинском районе в 1960 г. насчитывалось 19 государственных массовых библиотек и 22 библиотекаря. Книжные фонды составляли 99 990 тыс. экземпляров, читателей было более 11 тыс. человек. В 1966 г. в районе работали 19 массовых библиотек, 19 передвижек, 10 пунктов выдачи, 16 филиалов, 6 книгонош. В 5 сельских библиотеках библиотечную работу совмещали с клубной: в Акъюловской, Мамбетовской, Бакаловской, Мурзинской, Бузавлыкской. В результате улучшились показатели библиотек, так, в 1965 г. число читателей возросло до 13 600 человек, количество книжного фонда – 157 900 экземпляров, книговыдача составила 284 900 экз.

В 1970-х гг. в районном центре было возведено типовое здание Дома культуры, быта и связи, школа с интернатом, детские сады, больница с поликлиникой, библиотеки. Кроме того, почти в каждом колхозе и совхозе были построены Дома культуры и клубы. В 1967–1968 гг. построены здания 4 СДК Уфимского, Ивановского, Татыр-Узякского, Целинного и 10 клубов. Оживилась в эти годы деятельность культурно-просветительных учреждений и в Хайбуллинском районе. Хайбуллинская районная библиотека совместно с отделом культуры постоянно и целенаправленно занимались проблемами развития библиотечной сети и культурного обслуживания населения в районе, внедрением передового опыта работы, оказанием методической и практической помощи сельским библиотекам. Центральная библиотечная система (ЦБС) в районе была внедрена в 1978 г.

Добиваясь успеха в экономике, руководство Абзелиловского района во главе с депутатом Верховного Совета БАССР, членом Президиума Верховного Совета БАССР, первым секретарем райкома КПСС Ф. Ш. Хисматуллиным никогда не оставляло без внимания строительство объектов культуры, народного образования. Заметные успехи в районе были достигнуты в художественной самодеятельности. В 1973 г. танцевальный коллектив района выступил в Кремлевском Дворце съездов как победитель Всесоюзного смотра. Концерт транслировался по центральному телевидению. Триумф самодеятельных коллективов продолжался с 1975 г. В 1977 г. районный ансамбль «Иэшлек» («Молодость») впервые выехал за границу. До этого неоднократно выступал в правительственных концертах в Москве².

Как видно из этих материалов, 1960–1970 гг. были годами укрепления материально-технической базы учреждений культуры. Почти в каждом центре колхоза и совхоза были построены добротные дома культуры и клубы, в которых широко развивалась художественная самодеятельность. Эти годы стали и расцветом творческой деятельности народных танцевальных коллективов зауральских районов Башкирской АССР.

За активное участие в укреплении материальной базы учреждений культуры переходящее Красное знамя Обкома КПСС и Совета Министров БАССР и Министерства культуры БАССР было вручено Учалинскому району³.

¹ Совет Башкортостаны. 1973. 10 янв. 1975. 31 дек.

² ЦГАОО. РБ. Ф. 122. Оп. 81. Д. 248. Л. 72.

Башкирское Зауралье прошло трудный, но славный путь культурного развития. В Зауралье Башкирской АССР в 1960–1970 гг. была проведена большая работа по осуществлению восьмилетнего всеобщего обучения детей и подготовке условий для осуществления всеобщего среднего образования.

Таким образом, период 1960–1970 гг. для Зауралья Башкирской АССР стал поворотной вехой – временем расцвета культуры и образования. Увеличилось количество школ, обучающихся в них, выросло число клубов, библиотек, значительно пополнился книжный фонд библиотек. Отстающий в недавнем прошлом Зауральский Башкортостан выходит на новый, значительно качественный путь развития.

© Исмагилова Г. Ш., 2008.

Э. В. Камалеев

Проблемы сохранения и изменения традиционной свадебной обрядности татар Республики Башкортостан в современных условиях

Свадебный обряд, как для молодой пары, так и для людей, проживших в брачных отношениях долгие годы, является наиболее ярким событием в их жизни. Хорошо проведенная свадьба надолго запомнится каждому ее участнику и приглашенным. Вместе с тем на современном этапе свадебный обряд татар в Республике Башкортостан претерпел большие изменения. Как показало наше исследование, начиная с конца XX в. некоторые мелкие элементы обрядового действия стали упрощаться, либо отмирать. Исключительную роль **яучы** (свата) нельзя недооценивать, но почему в последнее время у него одна штанина не завернута, как раньше, и нет знаковой палки в руке? Редко сейчас встретишь испытание молодой жены коромыслом (**су юлы**), где по количеству пролитой воды судили, насколько девушка хозяйственна и аккуратна; это давало для гостей и родителей жениха повод для уважения невесты или же наоборот.

Такие, казалось бы, формальные детали для людей старшего поколения являлись неотъемлемой и важной частью свадебного ритуала. Это происходит из-за стремительных темпов индустриализации и урбанизации общества, что ведет к размыванию традиционности.

В современных городских условиях отдельный обряд, который раньше считался почетным как для новобрачных, так и для родителей жениха, попросту отвергается. Речь идет о свадебной бане (**туй мунчасы**). Ясно, что в городе проведение такого обряда практически невозможно из социально-экономических соображений и нехватки времени. Еще одним фактором, сильно влияющим на ход традиционного свадебного ритуала, является известный многим **тамада**. Этот человек играет роль «массовика затейника». Его основная задача – как можно красочнее и интереснее для всех присутствующих провести свадебное застолье, что он и делает, зачастую используя на татарской свадьбе исключительно русские народные песни и современные эстрадные. Пользуется опять-таки русскими пословицами, поговорками, шутками, не обременяя себя поисками татарского фольклора и песен, что в конечном итоге приведет к утере богатого свадебного фольклора татар Башкортостана.

Наблюдения автора, которые были приведены выше, повлияли на ход свадебной обрядности татар Республики Башкортостан. Важным фактором, изменившим традиционный ход свадебной обрядности татар в сторону упрощения, стала Великая Отечественная Война. Беседа с информаторами дер. Калтай, дер. Ахмерово и дер. Шарипово Кушнаренковского района дала важные сведения, открыв трагичные картины жизни как отдельного человека, так и всего военного поколения в целом. Хамадуллина Х. М. сообщила, что была похищена своим будущим мужем из клуба. Из всей свадебной обрядности был проведен только никах, причем тайно¹. Похожую информацию сообщил и Салимгареев А. М., он похитил

¹ ПМА. Сообщение Хамадуллиной Х.М. 1924 г.р., д. Калтаево, Кушнаренковский район, РБ.

свою жену из клуба. Снова был проведен только никах в присутствии родителей и муллы. Переезд в дом жениха произошел ночью¹. Умыкание стало основной формой женитьбы в их деревне.

Ясно, что умыкание было единственным способом для молодых людей жениться, избавляя их от уплаты неподъемного Калыма и от затрат, вызванных проведением всего свадебного ритуала. Да и как возможно было проведение красивой, пышной свадьбы? Насырова Н. А. сообщила, что на свадебный стол даже поставить было нечего, только пирожки с черемухой, салат из капусты, запивали кислушкой². Таким образом, целое поколение под влиянием военного периода было вынуждено проводить свадебный ритуал скромно, менее затратно и быстро. И это поколение было лишено возможности соблюдения практически всех ритуалов и традиций, характерных для национальной татарской свадьбы. Такая же картина наблюдается и в 1960-е годы. Жители только более зажиточных деревень позволяли себе проводить свадьбы, которые длились в течение даже восьми дней (сообщила Шарипова М. М. жительница дер. Шарипово Кушнаренковского района).

Необходимо выявить различия в свадебном обряде, проводимые в начале XX в., в довоенный, и в послевоенный периоды, так как на современном этапе произошли значительные изменения, которые хотелось бы рассмотреть на примере обряда Сватовства. Основными формами заключения брака татар Башкортостана были браки через сватовство и умыкание. В монографии «Татары Западной Сибири: история и культура» в качестве самостоятельной формы брака рассматривается добровольный уход³. Эта форма брака была исключительной в Башкортостане по нескольким причинам. Добровольно покинув родителей, девушка лишалась возможности не только вернуться в семью после возможного развода, но и получить официальное согласие на брак.

Исключительной же формой брака в Башкортостане стало умыкание, т.е. «обычай заключения брака путем похищения невесты». Различают настоящее (насильственное) умыкание (по преобладающему мнению всегда было редкой формой, так как вело к столкновению между коллективами) и фиктивное – по предварительному договору с семьей жениха и невесты⁴. Умыкание не осуждалось мусульманской моралью, так как брак оформлялся по шариату и осуществлялся как с согласия девушки, так и без него. Причина умыкания невесты, как у башкир, так и у татар была связана «с большими материальными затратами с обеих сторон. Поэтому бедняки зачастую женились путем похищения девушек. Среди богатых такое встречалось редко»⁵. Информаторы дер. Калтаево Хамадулина Х.М. и Салимгареев А.М. сообщили, что в военные и послевоенные годы браки путем умыкания в их деревне были наиболее распространенными. Причиной тому стали свобода передвижения для молодых девушек, которая ранее осуждалась в обществе, а также повсеместное появление сельских клубов, где молодежь имела возможность присмотреться друг к другу и свободно пообщаться. Эти выводы подтвердил Салимгареев А. М. Он сообщил, что раньше девушке считалось позорным пройти мимо дома, где живет парень, а уж тем более просто посмотреть в его сторону. Именно из клуба Айрат Мансурович и умыкнул свою жену. Для родственного татарам народу по языку – узбекам – умыкание не было свойственно. Этот акт всенародно осуждался. Информатор по имени Рахматулла, который приехал в Башкортостан из Узбекистана, и на родине был очень почитаемым муллой, вспомнил единственный случай похищения, в результате которого влюбленный юноша был убит родственниками и братьями невесты.

Традиционная же свадьба казанских татар и татар Башкортостана начинается со сватовства. В роли свата (яучы) могли выступать родители, либо кто-то из старших родственников, «невесту для сына подыскивали сами родители из круга семей, равных им по экономическому положению»⁶. Интересно, что в книге «Семейный

¹ ПМА. Сообщение Салимгареева А. М. 1936 г.р., д. Калтаево, Кушнаренковский район, РБ.

² ПМА. Сообщение Насыровой Н. А. 1939 г.р., д. Калтаево Кушнаренковский район, РБ.

³ Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Татары западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 107.

⁴ Народы Мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 596.

⁵ Асфандияров А. З. Семья и брак у башкир в XVIII – первой половине XIX вв. Уфа, 1989. С. 68.

⁶ Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Указ. соч. С. 107.

быт башкир XIX–XX вв.» в понятия димсе и яусы вкладываются разные значения: «Переговоры велись через посредника – димсе... Заручившись согласием и поддержкой родни, отец жениха посылал к родителям девушки свата (яусы)...»¹, тогда как в литературе по свадебной обрядности татар эти понятия относятся к одному и тому же человеку – свату. В сборнике статей «Сибирские татары» Ф.Л.Шарифуллина пишет: «Выбор невесты проводили сваты и родственники жениха. Они высматривали девушек, заглядывая в окно, поскольку те не пользовались большой свободой передвижения»².

Шарипова М. М. дер. Шарипово Кушнаренковского района сообщила, что приходил сват (димчэ) с выпущенной штаниной. В знак согласия на брак родители невесты давали свату полотенце. В дер. Ахметово Кушнаренковского района свататься шел жених и его родители (сообщила Шаймухаметова Р.Ф.). В дер. Калтаево, где было распространено похищение девушек, свататься шли родители жениха. Какие-либо отличительные знаки у сватов отсутствовали, так как пытались скрыть от односельчан факт похищения. Отсюда и скромный характер проведения никаха, а также тайный переезд в дом жениха.

В сравнительном плане очень важной была информация Рахматуллы. На его родине, в Узбекистане, свататься шли родители жениха, которые несли специально приготовленные для этого случая лепешки, завернутые в полотенце. Если родители невесты были согласны, то они принимали принесенные подарки. Но согласие родителей было лишь предварительным, потому что без согласия детей свадьбы не проводили. Следующим моментом было знакомство парня и девушки. Если же молодые люди не понравились друг другу, то возвращение полотенца и лепешек родителями невесты парню означало официальный отказ.

Получив согласие на брак, сват обговаривал с родителями невесты дату никаха, количество приглашенных гостей (информатор Шарипова М. М.). В начале XX в. уточняли также размер калыма, который в послевоенный период был упрощен и заменен приобретением подарков на определенную сумму. Таким образом, сговор, который в начале XX в. выделялся как отдельный этап и на проведение которого отводили один день, стал частью сватовства. «Родители девушки приглашали к себе на сговор кинэш близких родственников парня. Они обговаривали выкуп алым-салым, в состав которого входили деньги, продукты (масло, мука, мясо), а также одежда для невесты»³. Вот что говорит Георги об одежде: «У всех народов, которые покупают себе жен, ходят бабы наряднее, нежели девки, потому что бабий наряд приносит мужьям честь и славу, а девичий при продаже в замужество идет ни на что»⁴. На наш взгляд, очень интересное замечание, которое является показательным не только для конца XVIII – начала XIX вв., но и в описываемый период, указывающий на место незамужней девушки и ее роль в обществе. С отменой калыма необходимость проведения такого мероприятия как сговор отпадает.

Следует отметить, что наиболее благоприятным временем для проведения свадьбы была осень. Это подтверждают и информаторы дер. Шарипово, дер. Калтаево и дер. Ахметово. Шарипова М. М. отметила, что только по завершении всех уборочных, полевых работ обычно проводили свадьбы, и что свадебный стол можно было очень выгодно разнообразить овощами и фруктами. Браки и в другое время года были также не редкостью.

Таким образом, к 1990-м гг. в традиционной свадебной обрядности татар РБ происходят значительные изменения, вызванные такими процессами как индустриализация и урбанизация общества, упростившие некоторые ритуалы. При анализе полевых материалов автора по современному состоянию свадебной обрядности татар установлено, что наметились тенденции, согласно которым свадебный обряд стал пониматься общественностью не как духовно–семантический ритуал, а как светское, общественное мероприятие.

© Камалеев Э. В., 2008.

¹ Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. М., 1991. С. 23.

² Сибирские татары. Сборник статей. Казань, 2002. С. 145.

³ Сибирские татары... С. 151.

⁴ Иоганн – Готтлиб Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. - Перепечатано с изд. 1799 г. с испр. и доп. СПб., 2005. С. 130.

**Мусульманское движение за реформы в области просвещения
в кон. XIX – нач. XX вв.**

В XX в. Российская империя вступила с грузом острейших проблем, которые затрагивали практически все сферы общественной жизни. Объективная потребность безотлагательного решения многих экономических, политических и социальных вопросов вызвала кризис самодержавной власти и пробудила к активной деятельности все социальные группы и классы российского общества. Вопрос о народном образовании, об общедоступности школы принадлежал к числу самых насболевших и животрепещущих вопросов начала XX в. Главным вопросом для передовых деятелей просвещения являлся вопрос о введении в России всеобщего начального обучения, впервые поднятый общественно-педагогическим движением еще в середине 60-х гг. XIX в., но так и не решенный¹.

Школьная политика самодержавия на рубеже XIX-XX вв. сохраняла приверженность консервативной традиции, была направлена не на удовлетворение растущих общественных потребностей в образовании, а на укрепление монархических основ российской государственности. Правительство препятствовало также развитию народного образования в национальных районах. Низшие учебные заведения открывались, как правило, с целью русификации местного населения. Сущность такой политики заключалась в игнорировании национальных интересов народов, их языка и культуры, преследовании преподавания в школах на родном языке, в покровительстве церковным школам².

В таких условиях у башкирского и татарского народов сложилась своя система народного образования (мектебы и медресе), которая отличалась от европейской, в том числе и русской. Данная система включала не только национально-специфические, но и общетюркские общемусульманские компоненты, которые способствовали сохранению национальной самобытности народа – его языка, веры, культуры, обычаев и традиций. Мектебы и медресе пользовались большой популярностью среди мусульманского населения. Мектебе, как начальная школа с четырехгодичным курсом обучения, давало низшее и в основном религиозное образование. Медресе – среднее или высшее конфессиональное учебное заведение. «Цель мектебе есть обучение грамоте, письму, духовно-нравственному воспитанию, внушение уважения к родителям, элементарным знаниям по истории, географии и арифметике. Цель медресе: способствовать развитию духовно-нравственного воспитания, подготовить для российских мусульман мугаллимов, муэдзинов, имамов, мударрисов и казыев»³, – так ответило Оренбургское Магометанское Духовное собрание на соответствующий запрос Департамента иностранных исповеданий.

Современники отмечали существование мусульманских школ почти в каждой башкирской и татарской деревне. Так, краевед М. В. Лоссиевский писал, что «эти медресе и мектебы рассеяны повсюду, где есть башкирское и татарское население; редкая деревня не имеет своей мечети, а где мечеть, – значит, там есть мулла, там и мектебе и медресе»⁴. Этнограф Д.Н. Никольский отмечал в своем труде, что «как и все магометане, башкиры считают обязательным обучить своих детей. Поэтому неудивительно, что начальная грамотность между башкирами развита сильнее, чем между русскими»⁵. Относительно высокий уровень грамотности мусульманского населения подтверждался данными переписи 1897 г.: по Оренбургской губернии он составил 20,23%, а по Уфимской – 19,28%; уровень грамотности всего населения Оренбургской губернии составил 20,3%, а Уфимской – 16,6%⁶.

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX вв. / Под ред. Э. Д. Днепра. М., 1991. С. 28.

² Там же. С. 14.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 1-а. Д. 20. Л. 28.

⁴ Лоссиевский М. В. Кое-что о Башкирии и башкирах в их прошлом и настоящем. Уфа, 1903. С. 16.

⁵ Никольский Д. Н. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. 1904; Т. XLV. Уфимская губерния. 1904. Тетрадь 2.

В конце XIX в. мектебы и медресе Башкортостана вступили в новый этап своего развития. В результате углубления социально-экономического развития и развернувшегося национального движения данные учебные заведения стали превращаться в национальные школы светского направления. Движение за преобразование конфессиональных школ, известное как джадидизм, возникло во второй половине XIX в. среди тюркских народов России, его начало связано с введением в мектебах и медресе звукового метода обучения грамоте взамен буквослагательного (от арабского «усул-и джадид», то есть новый метод). Этот метод заметно облегчал обучение детей грамоте. Для того, чтобы ребенок мог свободно разбирать буквы и читать по старому способу нужно было несколько лет, тогда как по новому способу ребенок выучивался читать в один год¹.

К концу XIX в. движение охватило все сферы общественной жизни, культуры и быта российских мусульман. Джадидисты критиковали религиозный фанатизм, требовали замены устаревших религиозных школ национальными светскими, ратовали за развитие науки и культуры, выступали за издание газет на родном языке, за открытие культурно-просветительских учреждений, что способствовало бы возрождению и развитию народов, исповедующих ислам. В Уфимской губернии новый метод обучения впервые был введен в медресе «Гусмания», в Оренбургской губернии – в медресе «Расулия», «Хусаиния». По данным земской статистики 1913-1914 гг. в более чем половине мектебов (53,2%) Уфимской губернии утвердились новые методы обучения². Таким образом, начале XX в. звуковой метод обучения прочно утвердился в ведущих мектебах и медресе Башкортостана.

Основными участниками и идеологами движения за преобразование конфессиональных школ были учителя, писатели, видные общественные деятели и прогрессивные представители мусульманского духовенства. Среди них И. Гаспринский, М. Акмулла, М. Уметбаев, Р. Фахретдинов, Ф. Карими, З. Расулев и др.

Особенность реформирования конфессиональной школы в крае состояла в том, что большинство новометодных мектебов и медресе финансировалось за счет частных субсидий. Так, широкую известность в Оренбуржье в конце XIX – начале XX получила меценатская, благотворительная деятельность купцов-миллионеров братьев Хусаиновых. В частности, на их средства в 1889 г. в Оренбурге было открыто первое новометодное медресе «Хусаиния», программа которого во многом соответствовала программам светских средних учебных заведений³. Особую энергию на ниве народного образования Гани бай Хусаинов (1836-1902), который по существу возглавил дело перестройки конфессиональных школ в крае.

Он положил начало подготовке педагогических кадров для реформирования школ, обеспечивал их материально, снабжал учебниками, устраивал встречи светских учителей с целью обмена опытом, переписывался со многими из них, давал им практические советы и рекомендации, в частности, требовал обучения на родном языке⁴. Интересен тот факт, что мусульманская буржуазия финансировала строительство новых или реформирование старых конфессиональных школ с условием введения в них звукового метода обучения и обязательного преподавания светских дисциплин⁵.

Демократические свободы, завоеванные революцией 1905-1907 гг., вывели Российское государство и его народы на качественно новый, цивилизованный путь развития. Важнейшим политическим итогом 1905 г. стало создание в России первого представительного законодательного органа – Государственной Думы. Мусульманские депутаты создали в Думе собственную фракцию, на протяжении десяти лет (1905-1917 гг.) она была оплотом прогрессивных сил мусульманского общества. Чаяния и нужды почти 20-миллионного тюрко-мусульманского населения стра-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 412. Л. 392.

² Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской губернской земской управы 1912-1913 гг. / Сост. М.И. Обухов. Уфа, 1915. С. 30-31.

³ Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. Уфа, 2002. С. 106.

⁴ Фархитов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60-90-е годы XIX в. М., 1994. С. 78-79.

⁵ Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм... С. 108.

ны находили в депутатской деятельности его представителей в Думе.¹ Мусульманские депутаты часто отзывались на письма и телеграммы своего народа, в которых частные лица и мусульманские общества просили о помощи и защите от произвола местных властей. Одним из таких писем было «Письмо башкир семи Усерганских волостей Орского уезда оренбургской губернии мусульманским депутатам Государственной думы». Здесь собраны воедино и изложены основные культурно-национальные требования мусульманского населения Башкирии. В этом документе башкирское население требует «искоренить раз и навсегда всякое влияние и участие в школьном деле членов миссионерского общества», открытия народных школ с преподаванием на родном языке².

Мусульманские депутаты уделяли большое внимание вопросам народного просвещения, они активно участвовали в обсуждении законопроектов «О начальных училищах», «О высших начальных училищах». Мусульманские депутаты ратовали за обучение на родном языке в школах, за бесплатное всеобщее начальное образование, культура и просвещение каждого народа должны были финансироваться государством и местным самоуправлением, русский язык в инородческих школах должен преподаваться как один из предметов, за религиозно-нравственное воспитание учеников светских школ, за сохранение традиционных конфессиональных школ – мектебов и медресе.

Мусульманская общественность ясно понимала необходимость реформ в области национального образования, в связи с этим оно ходатайствовало в правительственные учреждения, а с началом работы Государственной думы и в адрес соответствующих комиссий. Так, в своем обращении господину Фон-Анригу, председателю комиссии Государственной Думы по народному образованию мусульмане г. Саратова писали: «Мы, мусульмане сознаем пользу и необходимость изучения и знания русского языка. Мы твердо уверены, что сохранение наших национальных особенностей, религии и языка вполне совместимо с русской гражданственностью, чему доказательством служит наше многовековое мирное сожительство с русским народом в пределах Российской империи». Мусульмане г. Саратова желали, чтобы во всех училищах, где учатся дети мусульман, обязательно преподавались родной язык и религия; преподавание всех предметов, кроме русского языка, должно проводиться на родном языке учащихся; назначение учителей мусульманского вероучения и родного языка, приглашение членов мусульман в училищные советы, выборы и одобрение мусульманских учебников должны разрешаться по согласию с мусульманским духовным правлением³. Мусульмане г. Оренбурга, обсудив законопроект о всеобщем обучении, приняли такие же пожелания⁴.

В целом мусульманское движение добилось определенных успехов. Стремление к реформированию системы народного образования привело к возникновению тысяч новометодных мектебов и медресе, внедрению нового поколения учебников на родном языке, включению в учебные программы светских дисциплин, в том числе и русского языка. Также у мусульманской общественности было свое представление о том, как следует выстраивать систему народного образования, на каких принципах должно строиться национальное образование и какова должна быть роль государства и самих мусульман в этом процессе.

© Камалиева Г. Ф., 2008.

---

¹ Мусульманские депутаты государственной думы России. 1906-1917 гг.: Сб. док. и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1998. С. 3.

² Мусульманские депутаты государственной... С. 26.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 914. Л. 217.

⁴ Там же. Л. 60.

Жизненный путь семьи Кушаевых

В этом году исполняется ровно 110 лет со дня рождения одного из видных башкирских деятелей – уроженцев современной Челябинской области, игравшего важную роль в общественно-политической жизни Южного Урала в 1920-1930 гг. – Хафиза Кушаевича Кушаева. Его жизненный путь, насыщенный многими, разного рода событиями начался 15 октября 1888 г., когда Хафиз Кушаевич родился в современной д. Кузяшево Аргаяшского района Челябинской области.

С 11 лет Х. Кушаевич начал свое обучение в мектебе д. Мидак, закончив которое, по рекомендации учителей как ученик, подающий большие надежды он был принят в Казанский медресе. В то время там действовал культурно-просветительный кружок, целью которого являлось распространение социалистических идей – гражданства, равноправия и т.д. Хотя официально в партии он и не состоял, но за сочувствие социал-демократам в числе 88 учеников был выгнан из медресе, после чего некоторое время Х.К. Кушаев работал учителем в родной деревне.

В 1909 г. он был призван в армию, окончив Омское военное училище, вышел фельдфебелем. Во время революционных потрясений он находился в городе Иркутске, откуда был переведен в Челябинский гарнизон, куда он был командирован военным начальством, учитывающим его национальность, то есть знание языка, специфики национального менталитета для обучения новобранцев-башкир. Именно там Хафиз Кушаевич активно включился в политическую жизнь, встав на сторону большевиков. За отзывчивость, веселость, общительность его полюбили солдаты, а в скором времени Хафиза Кушаевича он был избран членом Челябинского совета рабочих и солдатских депутатов. В апреле 1917 г. в качестве делегата он побывал на Первом Всероссийском крестьянском съезде, который открылся в Петрограде в начале мая того же года, на котором выступал В.И. Ленин.

С июля по 25 декабря 1917 г. будучи на рижском фронте, он состоял избранным членом полкового, дивизионного мусульманских комитетов и членом армейского комитета мусульман 12-й армии, отсюда Хафизов был делегирован на 2-й Всероссийский съезд воинов – мусульман. По демобилизации он отправился обратно на историческую родину, и уже в конце декабря 1917 г. по решению Челябинского ревкома Х.К. Хафизов направляется в Аргаяш для организации власти большевиков в башкирских волостях и деревнях. В то же время 15 ноября 1917 г. Мэргэз Шура (Центральный Совет) провозгласил страну башкир автономией и заявил о создании башкирского правительства. Документально это нашло отражение в фармане (декрете) №2, где было сказано: «Башкирский Центральный Совет объявил территориальную автономию Башкирии, куда входят Оренбургская, Пермская, Уфимская и Самарская губернии. Впредь до установления предстоящим 8 декабря Башкирским учредительным съездом границ территории Башкирии, Совет приступил к организации исполнительных органов автономного управления для 442 башкирских волостей Оренбургской губернии и 8 башкирских волостей Шадринского и Екатеринбургского уездов Пермской Губернии»¹.

Было так же заявлено о создании кантонов, в том числе и Аргаяшского, в который вошли Сызгинская, Чирлинская, Мухаметкулуевская, Метелевская, Султаевская, Саринская, Кульмяковская, Карабольская, Аминовская, Башкиро-Теченская, Буринская, Багаряк-Тамаковская и Туляковская волости². Созданный в Оренбурге в начале 1918 г. Мусульманский военно-революционный комитет во главе с Г. Шамигуловым, М.Х. Тагировым и Б. Нуримановым 4 февраля 1918 г. принял решение об аресте членов Башкирского правительства – З.Валидова, И.Мутина, А.Ягафарова, Адигамова и Т. Гаидбаева. З. Валидова и арестованных вместе с ним от расстрела спасла чистая случайность – налет на Оренбург отрядов казачьего генерала Дутова. После этого З.Валидов перебрался в г. Челябинск где, 7 июня 1918 г. был издан приказ о воссоздании Башкирского национального правительства. По телеграфу вызва-

¹ ЦГАОО. РБ. Ф. 9776, Оп. 2. Д. 7. Л. 103, 104.

² Там же.

ли членов правительства, находившихся в разных местах. Председателем правительства (временно) стал С. Мрясов, а Г. Адигамов, Г. Габитов, С. Магазов, М. Халиков и З. Валиди стали его членами.¹

После октябрьской революции, 27 – 30 января 1918 г., в деревне Сарино (ныне Кунашакский район) проходил Первый кантонный съезд депутатов, представлявший 16 волостей. На съезде развернулась ожесточенная борьба между сторонниками большевиков в лице Хафиза Кушаева и ишана Курбангалиева. Где Х.Кушаев заявил: «С контрреволюционером Курбангалиевым я не могу сидеть за одним столом». Делегаты поддержали его и съезд провозгласил о переходе в Аргаяшском кантоне власти в руки Советов и избрал кантисполком в составе 11 человек: Хафиз Кушаев, Нуриагзам Тагиров, Габдулхай Иркабаев, Гариф Мухамедьяров, Гали Салимьянов и др. Председателем был избран беспартийный Мансур Магасумович Магасумов. Хафиз Кушаев подготовил проект доклада по выполнению декретов Совета народных комиссаров РСФСР, в частности по земельному и национальному вопросу.

Председатель исполкома Аргаяшского Совета Спиридон Ходов, и некоторые другие считали своим центром Аргаяш, не признавали кантонный Совет и считали невозможным его нахождение в Аргаяше. В результате кантонный Совет был вынужден покинуть Аргаяш и временно переехать в Метелево. В связи с этим Челябинским уездным Советом была создана особая комиссия для проверки работы кантонного Совета и подопечных ему волостей. Комиссия подтвердила, что работа кантонного Совета ведется на большевистской платформе. Кантисполком вернулся в Аргаяш и продолжил работу. 25 апреля 1918 г. состоялся Второй кантонный съезд Советов. На этом съезде активное участие приняли представители 19 волостей. Обсудили национальный и земельный вопросы. С докладом о национальной политике Советского правительства выступил Хафиз Кушаев. Съезд единогласно одобрил его доклад и проект постановления. В работе съезда принимал участие представитель Уральского областного Совета и работник ЦК РКП(б) Гаебаев. Был избран новый состав кантонного Совета. Председателем вновь был избран Мансур Магасумов, его заместителем – Спиридон Ходов. Членами Совета были избраны Хафиз Кушаев, Барый Халитов, Иван Михайлович Шумаков. Хафиз Кушаев был утвержден заведующим земельным отделом кантисполкома.

З. Валидов утвердившись во мнении, что получить автономию будет чрезвычайно тяжело, решили сформировать воинские части из близлежащих с Челябинском башкирских территорий (современные Аргаяшский, Кунашакский, Сосновский районы Челябинской области и Сафакулевский и Альменевский районы Курганской области). Созданные в короткий срок башкирские воинские формирования, состоящие вначале из шести стрелковых, двух кавалерийских и одного запасного полка², легли в основу башкирского войска, которому суждено было сыграть немалую роль в получении башкирским народом автономии. Формирование башкирских войск в Челябинске летом 1918 г. совпало с тем, что в Челябинск прибыл чехословацкий корпус, созданный из возвращающихся с плена чехов и словаков. Ожидая отправки на родину, они осуществляли там несколько месяцев комендантские функции.

Хафиз Кушаев после падения советской власти не смог уйти с красными частями, и с 31 июля 1918 г. возглавил Аргаяшскую кантонную управу и одновременно был заведующим земельным отделом. Однако через некоторое время, 16 октября, Хафиз Кушаев, Нуриагзам Тагиров, Мансур Магасумов, Муллажан (Галей) Салимьянов из Асаново, Фатих Кучуков из Исянгильдино, предположительно по доносу Курбангалиевых, так как в управу вошел и Габдулхай Курбангалиев, и по приказу полковника Вилька, были арестованы и отправлены в Челябинскую тюрьму. В ответ на это З. Валидов направляет резкую телеграмму командиру чехословацкого корпуса с просьбой о помощи. Вот она: «Командующему чехословацким войском генералу Сыровому. Челябинские ... власти относятся к башкирскому народу и Башкирскому правительству крайне вредно. Они упразднили наши башкир-

¹ Заки Валиди Тоган Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Книга I. Уфа, 1994. С. 241, 243.

² Тупеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 174.

ские гражданские и войсковые учреждения, арестовали ряд уважаемых башкир и наших представителей. Прошу не отказать нам в помощи. Убедительно прошу освободить арестованных наших представителей, в особенности члена Башкирского Курултая Мусу Смакова, председателя Аргаяшской кантонной управы Хафиза Кушаева, Аргаяшского воинского начальника Мансура Магасумова, и др. Начальник войскового управления»¹.

После двухмесячного заключения в Челябинской тюрьме Хафиз Кушаев и его товарищи были освобождены. И он сразу же был направлен на фронт, где он готовил солдат к переходу на сторону Красной Армии. В конце декабря 1918 г. солдаты под руководством Хафиза Кушаева восстали и, перебив офицеров, перешли на сторону 5-й Красной Армии.

С мая по 22 июля 1919 г. он исполнял должность заведующего организационно-агитационным отделом Башвоенкомата, и с 22 июля Хафиза Кушаева назначают военным комиссаром Аргаяшского и Яланского кантонов Башкирской АССР. Будучи в должности комиссара, взяв всю ответственность на себя, Х.К. Кушаев за один месяц мобилизовал население кантонов в ряды Красной Армии. В Аргаяшском кантоне Хафиз Кушаевич организывает кантонный ревком и организационное бюро РКП(б), где исполнял должность председателя кантревкома. В 14 волостях организовал ячейки РКП(б) и созвал кантонную партийную конференцию, где был избран членом контрольной комиссии и членом канткомпартии. На 4-й Башкирской конференции был избран кандидатом в члены пленума обкома партии, и представителем на X партсъезд РКП(б). На первом пленуме стал членом Президиума Обкома и членом секретариата. В Феврале 1922 г. Всебашкирским съездом Советов Х.К. Кушаев избирается председателем Башкирского Центрального исполнительного комитета – Баш ЦИК. В декабре этого же г. Хафиза Кушаева вновь утверждают в должности председателя Баш ЦИК. За 8 лет работы в должности председателя, пришлось самые трудные времена: это укрепление Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства в республике, а так же голод 1920 – 1922 гг. Во время голода, только по одним данным, в Аргаяшском кантоне население уменьшилось на 21 867 человек. И 1899 случаев трупоедства и 64 убийства с целью употребления в пищу – было зарегистрировано к лету 1922 г. в Башкирии.²

6 февраля 1921 г. президиум Аргаяшского кантисполкома в присутствии председателя Мустафина, военкома Седова, тогда еще заведующего отдела Кушаева заслушал вопрос «О голодающем населении кантона» и предложил канткомкрасхозу (Кантонный комитет помощи красноармейцам) взять на учет и представить списки на голодающие семейства красноармейцев. И в тоже время были противоречивые факты. 27 апреля 1921 г. председатель и, члены Буринского волпосевкома с отчаянием и мольбой обращаются в Башобком, и в Башнарком продовольствия: «...семенного хлеба нет, продовольствия нет, люди голодуют, эпидемия распространяется, везде валяются трупы умерших от голода», и далее – «государственная разверстка, наложенная для Буринской волости, выполнена первыми на все 100 процентов»³.

В волостях Аргаяшского кантона были организованы волостные комитеты взаимопомощи. В кантоне помощь получали свыше 38 тысяч человек. 7 мая 1921 г. в Башсовнарком, заместитель председателя кантисполкома Хафиз Кушаев, отправляет телеграмму: «Ввиду продовольственного кризиса в Аргаяшском кантоне получили взаимобразно от Челябинского губпродкома для Аргаяша наряд на 5 тысяч пудов хлеба». Помощь голодающему населению России в те годы оказывала неправительственная организация из США Американская администрация помощи (АРА).

После одной из поездок в январе 1922 г. сотрудник АРА отметил: мы видели здесь такие вещи, после которых остается только сжимать зубы, когда умники из Москвы заявляют, что на Волге голод хуже, чем дальше на востоке. В одном башкирском кантоне (речь идет об Аргаяшском), который я посетил неделю назад

¹ Валеев Д. Ж. Судьба Аргаяшских башкир: история и современность. Уфа: Гилем, 2002. С. 72.

² Хакимов Р. Ш. Аргаяшская земля: история и современность. Челябинск: ЧПО «Книга», 2005. С. 94-95.

³ Там же.

недалеко от Челябинска, 85 тысяч населения, из которых 27 тысяч дети, и на весь кантон ни одного семенного зерна. Все поголовно живут на лебедях, у них только один доктор и ни единого лекарства, достойного своего названия»¹.

Руководители Аргаяшского кантона, в частности Хафиз Кушаев, тесно работали с американцами. Это отмечает его брат, Каюм Кушаевич Кушаев: «Американцы перед отъездом домой в США устроили прощальный банкет, на котором был и Хафиз-агай с женой Рабигой Янгауловной. Через некоторое время Хафиз-агай получил из Парижа открытое письмо, в котором полковник Бэл выражал благодарность за помощь в распределении продовольственной помощи АРА».

За эти 8 лет Хафиз Кушаевич Кушаев, был кандидатом в члены ВЦИК X созыва и членом ВЦИК XI созыва в 1922 – 1925 гг., кандидатом в члены ЦИК СССР I созыва в 1923 г., членом Союзного Совета ЦИК СССР II созыва в 1924 – 1925 гг. членом Совета Национальностей ЦИК СССР III и IV созывов в 1925 – 1929 гг. от Башкирской АССР, членом Президиума ЦИК СССР III и IV созывов. Так принял активное участие в создании нового башкирского алфавита на основе латинской графики.

Ранней весной 1929 г. Х. Кушаев был отозван в Москву на работу в аппарат ВЦИК под началом М.И. Калинина. Здесь он работал в отделе национальностей ответственным инструктором. Через год его направили на 2-годичные курсы марксизма-ленинизма при Институте красной профессуры. После успешного окончания учебы он вернулся на прежнюю работу в отделе национальностей ВЦИК. С 10 марта по 19 июля 1937 г. занимал должность заместителя директора, издательства «Власть Советов». Супругой Хафиза Кушаевича была Рабига Янгауловна Кушаева, которая будучи женой известного политика, сама не оставалась в его тени, являясь яркой личностью.

В декабрьские дни 1921 г. в Москве проходил девятый Всероссийский съезд Советов, куда прибыли делегаты со всех концов России. Участие принимала и делегация из Башкирии, в составе которой были секретарь Башкирского обкома партии Шагит Худайбердин, член обкома партии Саитгалеев, секретарь обкома комсомола Габбас Галин, редактор газеты «Башкортостан» Даут Юлтыев, инструктор женотдела обкома партии Рабига Кушаева и др. Все делегаты были молодые – от 19 до 30 лет. Шагит Худайбердин и Даут Юлтыев в возрасте 25 лет, Рабига Кушаева 20 лет.

После окончания работы съезда, через два часа, Владимир Ильич Ленин принимал делегацию из Башкирии в составе Шагита Худайбердина, Даута Юлтыева и Рабиги Кушаевой. На встрече обсуждались, разного рода, актуальные вопросы. Рабига Кушаева проводила большую организаторскую и агитационную работу, особенно среди башкирских женщин. Она много ездила по республике, по волостям, по деревням, выступала и организовывала женотделы, проводила собрания.

В тридцатые годы Рабига Кушаева работала в Москве Наркоме просвещения РСФСР инспектором. Работая в наркомпросе, в управлении детских домов под руководством Н.К. Крупской, она часто выезжала за пределы Москвы. «Дети – пятилетний Ирик и двенадцатилетняя Дина – уснули, а Хафиз Кушаевич с младшим братом Каюмом, приготовив ужин стали ждать ее возвращения с командировки. Вдруг ночную тишину разрезал выстрел. А на утро им сообщили, что на пути к их дому нашли убитую женщину, эта была Рабига Кушаева»². После убийства жены, Хафиз Кушаев проработал недолго. Буквально через месяц, был заключен в Бутырскую тюрьму города Москвы 19 июля 1937 г., а 27 сентября 1937 г. военная коллегия Верховного Суда объявила Х.К. Кушаева врагом народа и приговорила к расстрелу с конфискацией личного имущества.

В музее Аргаяшского района хранится копия справки Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 18 октября 1958 г. В ней сказано «Дело по обвинению Кушаева Хафиза Кушаевича, до ареста – 19 июля 1937 г. – работавшего инструктором отдела национальностей ВЦИК, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 30 июля 1957 г. Приговор Военной коллегии от 27 сентября 1937 г. в отношении Кушаева Х.К. по вновь открывшимся обстоятельствам отме-

¹ Хмелевская Ю. Ю. Роль американской миссии в борьбе с голодом на Урале (По материалам Уральско-Уфимского округа АРА, 1921–1923): Южный Урал в судьбе России: Материалы научно-практической конференции. Челябинск, 2003. С. 150.

² Плаксина М. В. Аргаяш и его окрестности. Челябинск: «Южный Урал», 1992. С. 46.

нен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Кушаев Х.К. реабилитирован посмертно». Кушаева Хафиза Кушаевича не стало 24 октября 1941 г., место его захоронения не известно. Его дочь Дина Хафизовна стала артисткой балета в городе Перми, носит высокое звание «заслуженная артистка РСФСР». Сын Ирик Хафизович воспитывался в детском доме, после Отечественной войны его след затерялся, и никто из родных не знает о его судьбе. Печальный список репрессированных пополнил не только Хафиз Кушаевич Кушаев, но и многие другие известные личности, которые имели непосредственное отношение к становлению Башкирской республики, и в том числе к Заки Валиди. В настоящее время в его деревне живут и здравствуют родственники Х. К. Кушаева. Которые бережно хранят семейные реликвии, передавая их из поколения в поколение.

© Камалов В. Х.

А. Н. Кляшев

Протестантские организации Башкортостана накануне принятия Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1986-1991 гг.)

После октября 1917 г. государственная политика Советского государства по отношению к религиозным организациям и, в частности, к протестантам носила в основном подавляющий характер. Базой для развития такой политики стал отредактированный Лениным декрет Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый в январе 1918 г.

В апреле 1929 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», регламентирующее религиозную жизнь в стране. Исключение составили времена НЭПа, так называемое «золотое десятилетие» для протестантов нашей страны, когда правительство Советской России было благосклонно к протестантизму (отчасти в пику православию, как некогда государственной религии Российской империи) и период Великой Отечественной Войны. «Отношения государства с религиозными объединениями «потеплели» в ... 1943 г. ... некоторое ослабление государственной политики «вытеснения» религии ... носило временный ... характер и ... сменилось в конце 50-х гг. новым, «хрущовским» натиском на религию и религиозные организации¹. Перемены в отношении государства к религии стали происходить только после объявленного весной 1985 г. курса «перестройки», правда, смена курса осуществлялась медленными темпами. 1 октября 1990 г. ВС СССР принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях», а 25 октября 1990 г. ВС РСФСР принял Закон «О свободе вероисповеданий». Вышеназванные декреты 1918 и 1929 гг. были признаны утратившими силу².

Общее представление о положении дел в протестантских деноминациях перестроечного периода с 1986 по 1991 гг. могут дать данные из информационных отчетов о деятельности религиозных организаций Башкирии, предназначавшиеся для Совета по делам религий при СМ СССР³. В отчете за 1986 г. отмечено, что⁴ «в 1986 году выявлено 14 нарушений законодательства, в том числе по линии сторонников «Совета церквей» – 11, АСД – 1. К административной ответственности привлечено 8 человек. Предупреждений по линии адмкомиссий – 10, разъяснений дано 4. Религиозный экстремизм на территории республики в последние годы проявлялся в основном со стороны вожаков и активистов незарегистрированных объединений сторонников т.н. «Совета церквей ЕХБ», а также отдельных лиц из т.н. околоцерковных элементов.

¹ Вероисповедная политика Российского государства. М., РАГАС, 2005. С. 45-46.

² Там же. С. 55-56.

³ Текущий архив комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Башкортостан. Информационные отчеты о деятельности религиозных организаций Башкирии 1986–1991 гг. Уполномоченный по Баш. АССР А. Муратшин. Д. 53. Оп. 1. Ед. хр. 35, 38, 41, 44, 48.

⁴ Текущий архив комитета... Информационные отчеты о деятельности религиозных организаций Башкирии 1986 г., на 36 листах. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 25-31.

Наибольший экстремизм проявляют руководители общины в г. Давлеканово, насчитывающей в своих рядах 70 верующих, из которых 46 человек являются лицами немецкой национальности. Численность общины постепенно увеличивается за счёт подрастающих детей членов секты и породнения с единоверцами других групп»¹. Отчёт за 1987 г. констатирует, что «Религиозная деятельность во всех объединениях, кроме незарегистрированных общин сторонников «Совета церквей» ЕХБ, проводится с соблюдением требований законодательства о религиозных культурах.

Между ними и комиссиями содействия, а также аппаратом уполномоченного Совета по делам религий установлены неплохие взаимоотношения. В количестве и качестве верующих и священнослужителей в течение года заметных изменений не произошло. Группа верующих, являвшихся членами незарегистрированной баптистской общины в г. Кумертау, написала заявление о регистрации. Их желание было удовлетворено, группа зарегистрирована Советом по делам религий 18 сентября 1987 года. В настоящее время молитвенные собрания группы посещают также часть верующих, не подавших заявлений о регистрации. В 1987 году зарегистрированы общество АСД в г. Уфе ...Намерены подавать заявления члены общества АСД в г. Сибаете»².

По данным на 1988 г., «в количестве и качестве верующих и священнослужителей в течение года заметных изменений не произошло. От верующих церкви АСД в г. Сибаете в декабре 1988 года поступило заявление в исполком горсовета народных депутатов о регистрации их общества. Заявление в настоящее время рассматривается»³.

По данным 1989 г.: «В течение года зарегистрировано 1 объединение – общество АСД в г. Сибаете. Во всех объединениях, за исключением незарегистрированных общин сторонников т.н. «Совет церквей» ЕХБ, религиозная деятельность проводится с соблюдением требований законодательства о религиозных культурах. Руководители этих общин находятся в постоянном контакте с комиссиями содействия и аппаратом уполномоченного Совета.

В общине лютеран (г. Октябрьский) состоят верующие преклонного возраста (все свыше 70 лет). Вопрос о регистрации они не поднимают, нарушений законодательства не допускают. Руководители общины находятся в контакте с местными властями. По линии других (протестантских) конфессий выездов за границу или приезда в Баш. АССР зарубежных делегаций не было»⁴.

В 1990 г. отмечается, что «... в г. Уфе выявлены незарегистрированные... пятидесятники. Деятельность протестантских и сектантских объединений оживилась в последние годы, особенно после принятия Законов «О свободе совести и религиозных организациях» и «О свободе вероисповеданий». Руководители этих объединений, за исключением... пятидесятников, находятся в контакте с органами местной власти, стремятся религиозную деятельность вести открыто с охватом как можно большего количества людей. Свои праздничные мероприятия во многих случаях они стараются проводить в домах культуры, клубах под видом организации вечеров и концертов милосердия, встречи с посетителями, разъяснением основ религиозного учения. При этом кроме исполнения молитв, проповеди, пения духовных песен распространяется религиозная литература. Подобной деятельностью активно занимается Уфимское и Стерлитамакское общества баптистов. Объединение ЕХБ «Совет церквей», имеющиеся в республике (г.г. Уфа, Октябрьский, Белорецк, Давлеканово), свою религиозную деятельность в настоящее время осуществляют открыто. Их руководители стали не избегать встреч и бесед с представителями местных властей, сами обращаются к ним по различным вопросам. Однако намерений о регистрации Уставов объединений и получения права юридического лица не высказывают. В г. Уфе и пос. Серафимовка Туймазинского района выявлены пятидесятники в количестве до 20 человек, в основном до этого состоявших в обществах ЕХБ.

¹ Текущий архив комитета... Информационные отчёты о деятельности религиозных организаций Башкирии 1986 г., на 36 листах. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 25–31.

² Текущий архив комитета... Информационные отчёты о деятельности религиозных организаций Башкирии 1987 г. на 33 листах. Опись № 1. Ед. хр. по описи № 38. Л. 23–30.

³ Текущий архив комитета... Информационные отчёты о деятельности религиозных организаций Башкирии 1988 г. на 24 листах. Опись № 1. Ед. хр. по описи № 41. Л. 18–20.

⁴ Текущий архив комитета... Информационные отчёты о деятельности религиозных организаций Башкирии 1989 год. на 25 листах. Опись № 1. Ед. хр. по описи № 44. Л. 19–25.

На территории Башкирии они организационной структуры и руководства не имеют. Молитвенные собрания проводят на частных квартирах, собираясь в группу по 6–7 человек ...»¹. В отчете за 1991 г. говорится, что «Во исполнение Закона Башкирской ССР «О свободе совести и религиозных организациях в Башкирской ССР» от 20 июня 1991 года Советом по делам религий при Совете Министров Башкирской ССР проделана следующая работа:

- Подготовлен проект вышеназванного Закона...
- Разработаны и разосланы всем райгорисполкомам методические материалы «О порядке передачи религиозным организациям в собственность культовых зданий, сооружений и другого имущества культового назначения, находящегося в собственности государства», «Разъяснения о порядке регистрации уставов (положений) религиозных организаций»...
- В аппарате Совета состоялись встречи и беседы с руководителями крупных религиозных центров из ...Германии, Финляндии, Швеции. Им было подробно рассказано о положении верующих в Башкортостане, политике государства в отношении к религии и верующим...
- Верующие в составе различных делегаций выезжали в 12 стран.
- 82 религиозным организациям оказана помощь в приобретении строительных материалов и конструкций, продуктов питания, хозяйственного инвентаря и прочего имущества.
- При содействии Совета верующим возвращено 21 бывшее культовое здание. В настоящее время реставрируются, проектируются и строятся свыше 80 культовых зданий.
- Неудовлетворённых заявлений верующих о регистрации их религиозных объединений нет...»².

Таким образом, приведённые выше документы наглядно демонстрируют происшедшие перемены в отношении государства к религии. Если в 1986 г. адвентистам ещё делаются предупреждения о непосещении их детьми школы по субботам (соблюдение «шаббата»), то в 1991 г. при содействии Совета по делам религий организуются контакты представителей протестантизма из Башкортостана с единоверцами из стран Запада, осуществляются выезды делегаций от отечественных религиозных организаций за границу, оказывается материальная помощь. С 1989 г. в отчёте впервые наряду с термином «секта» появилось название «протестантские объединения». Эти факты свидетельствуют о формировании нового для нашей страны отношения государства к религиозным организациям – секулярного (чего не было в Российской империи) и толерантного (чем оно отличается от конфессиональной политики Советского государства).

Ниже приводится сводная таблица, составленная на основе данных «Отчётов...» за 1986–1991 гг. о деятельности сектантских объединений и старообрядцев и сведений о состоянии отдельных объединений. Расшифровка используемой аббревиатуры: ЕХБ ВС – Евангельских христиан – баптистов Всесоюзный Совет, СЦ ЕХБ – Совет церквей Евангельских христиан – баптистов, АСД – Адвентисты седьмого дня.

Табл. 1.

Количество протестантских организаций

Наименование	Годы					
	1986	1987	1988	1989	1990	1991
	Кол-во, из них зарегистрированных					
ЕХБ ВС	5 (5)	6 (6)	6 (6)	6 (6)	6 (6)	6 (6)
СЦ ЕХБ	5 (0)	4 (0)	4 (0)	4 (0)	4 (0)	4 (0)
АСД	2 (0)	2 (1)	2 (1)	2 (2)	2 (2)	2 (2)
Лютеране	1 (0)	1 (0)	1 (0)	1 (0)	1 (0)	1 (0)

© Кляшев А. Н., 2008.

¹ Текущий архив комитета... Информация «О религиозной обстановке и состоянии соблюдения закона «О свободе совести и религиозных организациях» в Баш. ССР». 1990 год, на 16 листах. Опись № 1. Ед. хр. по описи № 48. Л. 12-14.

² Текущий архив комитета... Информация «О религиозной обстановке и соблюдении Закона «О свободе совести и религиозных организациях в Башкирской ССР». 1991 г. на 5 листах. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–3.

**Татары-мусульмане Среднего Поволжья:
социально-демографический аспект (1940-1980 гг.)***

Среднее Поволжье, которое включает Татарстан, Самарскую (Куйбышевскую), Пензенскую и Ульяновскую области, относится к регионам традиционного проживания татарского населения. Татары являются самой крупной мусульманской нацией России. В советский период истории ислам в Татарской АССР исповедовало около 45-52% населения, и он являлся основным. В Пензенской, Ульяновской, Самарской (Куйбышевской) областях ислам был второй по численности религией после православия: в Ульяновском регионе татары составляли около 12% всего населения региона, в Пензенском крае – 5,4%, в Самарской (Куйбышевской) области татары среди национальных меньшинств губернии были третьими после чувашей и мордвы и составляли около 3,5% всего населения¹.

Контингент верующих-мусульман был представлен мужчинами и женщинами пожилого и преклонного возраста от 55 лет и старше, главным образом, крестьянами-колхозниками. Уполномоченный Совета по Пензенской области С. Д. Горбачев отмечал, что «другие слои населения (кустари-ремесленники, рабочие и интеллигенция) стоят от религиозности как бы в стороне»². Уполномоченному Совету по делам религиозных культов по Татарской АССР постоянно докладывали представители власти с мест: «Религиозные обряды среди татарского населения соблюдают преимущественно старики и старухи, а татарская молодежь подавляющим большинством религиозные обряды не соблюдает»³. По сведениям уполномоченного Совета по Ульяновской области С. М. Агафонова, около 70% мусульман составляли верующие мужчины старше 60 лет⁴.

Именно верующие мусульмане мужского пола преклонного возраста, сельчане, являлись главными «проводниками» веры. Верующий с. Татарский Шелдаис Пензенской области 80-летний И. Уразгильдяев подчеркивал: «Если мы, старики, не требовали бы от своих младших членов семьи, не настаивали бы на соблюдении религиозных обрядов, последние бы совсем не выполнялись. ... Многие наши молодые колхозники не знали бы времени празднования религиозных праздников, если бы мы, старики, не напоминали бы им об этом»⁵. Секретарь сельсовета с. Большой Труев Пензенской области З. Аббясова, девушка, честно говорила в беседе с уполномоченным Совету по делам религиозных культов по Пензенской области: «Мы, молодежь, не знаем, когда бывают религиозные праздники, но старшие члены семьи стараются напомнить нам об этом». При разборе зданий мечети в 1946 г. в с. Алееве Пензенской области имели место столкновения верующих-стариков с рабочими, разбиравшими постройки, старики кричали и бросали в рабочих камни⁶.

В послевоенные годы отмечалось оживление в деятельности верующих мусульман, что было обусловлено либерализацией государственно-церковных отношений в целом в годы Великой Отечественной войны. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С. Д. Горбачев подчеркивал: «В деятельности мусульманского духовенства и религиозных обществ ... необходимо отметить некоторое их оживление и активизацию в области рас-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Власть и мусульмане Среднего Поволжья (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.)»), проект № 08-01-28103а/В.

¹ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 42-545; ГАСО. Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 20; ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 20; Национальный архив Республики Татарстан (далее НА РТ). Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 4. Л. 21–21об, 33; Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО) Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 55. Л. 7.

² ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

³ НА РТ. Ф. Р-872. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

⁴ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 84. Л. 14.

⁵ Там же.

⁶ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.

ширения своего влияния на окружающее население»¹. Уполномоченные с мест верно определяли, что практика местных мусульманских общин «направлена, главным образом, на поддержание религиозных устоев, на регулярное отправление молитвенных собраний, на выполнение всех религиозных обрядов населением, на сбор денежных средств для поддержания в порядке молитвенного здания, на большее вовлечение населения в число верующих и особенно молодежи»². И необходимо отметить, что мусульманские объединения в решении поставленных задач добились значительных успехов. В послевоенный период около 15–20% от всех посещавших мечеть составляли демобилизованные. «Прибывшие из армии более молодые возрасты населения, традиционно соблюдая свое уважение к старшим, и под влиянием их начали посещать мечети», – отмечал уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области³. Под возрастание количества верующих, увеличение жертвоприношений и различного рода финансовых пожертвований после войны была подведена своего рода «идеологическая база» – отдать долг Аллаху, который хранил и помогал верным последователям веры в лихую годину. Посещение демобилизованными мечетей значительно укрепляло авторитет веры и привлекало в храмы молодежь. Данная практика была вскоре прекращена уполномоченными на местах, поскольку все это способствовало значительному подъему религиозности татарского населения.

Результаты социологического исследования, проведенного лабораторией Казанского государственного университета и казанским опорным пунктом Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС (г. Казань) в середине 1960-х гг., убедительно доказывают решающее влияние семейного воспитания на религиозность людей. На вопрос: «По какой причине вы стали верующим?» – 75% опрошенных мужчин ответили, что главную роль сыграло воздействие родителей, родственников; аналогично ответило на данный вопрос 80% женщин-мусульманок⁴.

Тенденция преобладания граждан преклонного возраста среди верующих нашла свое отражение и в составе мечетных «двадцаток». Подавляющее количество членов «двадцаток» являлись малограмотными людьми, с образованием в пределах 4 классов, не судимые ранее, получавшие пенсию, имевшие различные правительственные награды, т.е. люди достаточно уважаемые. В середине 1970-х гг. в «двадцатки» мечетей Пензенской области входило 185 мужчин, из которых 175, т.е. 95%, были в возрасте старше 60 лет⁵.

Женщины-татарки по религиозным убеждениям уклонялись от посещения кино, собраний, концертов и т.д. По мнению уполномоченного Совета по Пензенской области, «феодално-байские» обычаи в отношении женщин были очень сильны: «Родители запрещали своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в художественной самодеятельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером из дома на улицу, ходить к соседям и своим подругам. Родители разрешают только сходить вечером на девичьи деревенские посиделки, однако, и в этом случае девушку от дома до посиделок и по возвращении домой обязательно сопровождают ее мать или кто-то из ее взрослых родственников»⁶. Даже в середине 1960-х гг. в сельской местности Пензенского региона отмечались случаи, «когда замуж родители выдают свою дочь за молодого человека, которого она и в глаза не видела, и не была до этого знакома, а, следовательно, вопреки ее желанию»⁷. Как правило, девушки по окончании школы выбывали из комсомола.

На местах в 1960-е гг. отмечалась тенденция более активного участия молодежи в праздничных молениях. В дни особо почитавшихся религиозных праздников в сельской местности Пензенской и Ульяновской областей наблюдалось посещение мечетей молодыми людьми в возрасте от 17 до 35 лет; среди мо-

¹ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

² ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

³ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

⁴ Мавлютов Р. Р. Ислам. М.: Политиздат, 1969. С. 152–153.

⁵ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 103.

⁶ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 412.

⁷ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 419.

лившихся молодежь составляла до 20%¹. Молодые люди, как беспартийные, так и комсомольцы, и коммунисты, под влиянием авторитета старших родственников и односельчан участвовали в молениях и старались исполнять установленные обряды. С детства верующему внушалось, что мусульманин, прежде всего, должен исполнять обязанности, которые Аллах предписал человеку, т.е. совершать намаз, соблюдать пост и т.д. В 1966 г. в Казанской мечети на гайд-намазе среди верующих около 20% составляла молодежь, в Чистопольской мечети количество молодых людей среди молившихся доходило до 30%²; на молении в праздник «Ураза-байрам» в мечетях с. Индерки и Демино Пензенской области присутствовало по 100 мужчин в возрасте до 30 лет; с. Кочалейке и Кобылкино Каменского района Пензенской области были зафиксированы даже подростки³. Несмотря на все «победоносные» сводки о снижении уровня религиозности, особенно конъюнктурными в данном отношении были сведения из Татарской АССР, сам уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров по Татарской АССР И. А. Михалев вынужден был констатировать в информационной сводке «О влиянии религии на детей и молодежь» (для служебного пользования), что «только по трем видам обрядов: крещение (наречение имени), венчание (никях), отпевание умерших за 1980 г. в контакт со служителями культов вступало не менее 76 тыс. чел.», имея в виду молодых людей⁴. Уполномоченный Совета по делам религий по Ульяновской области С. М. Агафонов констатировал в отчетах, что в праздничные дни в мечети г. Ульяновска в конце службы дети 6–8 лет собирали денежные подаяния от верующих⁵.

Семья, продолжение потомства трактовались как фундаментальные ценности ислама. У мусульманина, согласно религиозным канонам, должна быть многочисленная семья, освященная религией и обычаями. В продолжении потомства видится продолжение веры и жизни. Татарские семьи в сельской местности Средне-волжского региона были многодетны. Тем не менее, уполномоченный Совета по делам религий по Пензенской области для себя объяснял это следующим образом: «Многие татарские семьи многодетны только потому, что в этих семьях женщине-татарке по национальным и религиозным обычаям фактически препятствуют использовать данное ей законом право самой решать, нужно ли ей иметь ребенка или прервать беременность»⁶. Средняя величина татарской семьи Поволжья в период 1970–1980-х гг. составляла 4–3,7 человека, «значительно отличаясь по величине от семей коренных народов Средней Азии (средний размер 5,7–6,6 человека) и несколько превышая семью народов западноевропейской части бывшего СССР (3–3,3 человека)»⁷.

Мусульманские семьи сравнительно стабильны. Так, уровень разводов в Татарстане в среднем в 1,5–2 раза ниже, чем в среднем в Российской Федерации, на Украине, в Прибалтике. «В наибольшей степени традиционные установки на недопустимость разводов присущи представителям старшего поколения. Фактором, скрепляющим семейно-брачные отношения, является и тесная родственная связь»⁸. Несмотря на предписания ислама и в отличие от других мусульманских народов СССР, ранние браки не были характерны для мусульман Средне-волжского региона. Более того, татары в целом вступали в брак позже остальных народов Поволжья⁹. Татары Среднего Поволжья однозначно выступали за моногамный брак в соответствии с советским законодательством.

Как следствие, татарское население в Поволжье в отличие от других национальных общностей, стабильно увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода. Среди татар рождаемость была в 1,4 раза выше, чем среди рус-

¹ ГАПО. Ф. 2392. Оп.1. Д. 1. Л. 52,108,162; ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 96. Л. 188.

² НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 212.

³ ГАПО. Ф. 2392. Оп.1. Д. 49. Л. 412.

⁴ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 105. Л. 40.

⁵ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 96. Л. 188.

⁶ ГАПО Ф. 2392. Оп.1. Д. 46. Л. 281.

⁷ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи 1979 г. М., 1984. С. 288-321.

⁸ Татары. М.: Наука, 2001. С. 339.

⁹ Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981. С. 37-38; Козлов В. И. Динамика численности населения. М., 1969. С. 122.

ских¹. Таким образом, в Среднем Поволжье, которое относится к регионам традиционного влияния ислама, уровень религиозности заметно выше среднего. Контингент мусульман Среднего Поволжья был представлен людьми всех возрастных групп, но в основном преклонных лет, проживавших в сельской местности, занятых в сельскохозяйственном производстве. Именно граждане-пенсионеры мужского пола выступали наиболее активными проводниками веры в Аллаха. В сельской местности религиозность мусульман была выражена значительно сильнее по сравнению с городом. В послевоенный период наблюдался приток верующих за счет демобилизованных солдат.

Женщины-татарки, по положениям Корана, принимали минимальное участие в общественной жизни своих населенных пунктов. По окончании школы девушки-татарки, как правило, прекращали свое членство в комсомольских организациях.

Применительно к Среднему Поволжью объективно подходит характеристика уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С. С. Попова: «... Религиозным движением охвачено более 50% всех мусульманских населенных пунктов. В отношении роста религиозного движения среди мусульман можно сказать, что он, видимо, еще будет...»². Ценности ислама отвечали обыденным запросам верующих, и, в принципе, способствовали укреплению семьи, ведению здорового образа жизни, формирования трудолюбия и т.д. Татарское население Среднего Поволжья стабильно возрастало, и, как следствие, не уменьшалось и количество мусульман-верующих.

© Королев А. А., Королева Л. А., 2008.

Р. Н. Масалимов, Л. А. Кулбакова

Особенности молодежного движения в Поволжье и на Урале (1901–1918 гг.)

Специфика пробуждения и самоорганизации молодёжи и юношества народов Поволжья и Урала в конце XIX – начале XX в. проявляется, по крайней мере, в двух моментах. Во-первых, идейной основой организации молодого поколения, нравственного воспитания и обучения молодёжи, подростков и детей являлись идеи и практическая деятельность таких просветителей региона, как И. Н. Ульянов, И. Я. Яковлев, Ш. Марджани, К. Насыри, М. Акмулла, М. Уметбаев, Р. Фахретдинов. Они стали предвестниками и основателями национально-демократического направления в освободительном движении, а не социально-демократического, как это принято считать.

Во-вторых, переход общества от средневекового монолитного феодального строя к современной плюралистической цивилизации с её свободами сопровождался раскрепощением молодёжи, что породило в определённый момент младонациональные движения (младорусское, младотатарское, младотурецкое, младоафганское, младобухарское и т.д.), в том числе младобашкирское. История показывает, что почти все общественные движения в период своего зарождения и максимальной активности являются молодёжными.

Даже поверхностный взгляд на возрастной состав участников крупных политических событий XIX–XX вв. выделяет среди них непропорционально большое количество людей молодых, что породило в общественном сознании своего рода клише о неременной взаимосвязи возраста и стремления к политическим и культурным новациям. Немецкий социолог Карл Маннгейм, который утверждал, что

¹ Татары. М.: Наука, 2001. С. 507; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1-7, М.: Статистика, 1972-1974; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: стат. сб.: [в 10 т.] / ГоС. ком. СССР по статистике. Информ.-изд. центр. М., 1990; Население СССР (Численность, состав и движение населения). 1973 год. Статистический сборник. М.: Статистика, 1975; Пензенская область в цифрах и фактах. Саратов: Приволжское кн. изд-во (Пенз. отд-ние), 1987. С. 6.

² ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

реформы или революции должна делать молодёжь, видимо, имел основание для этого. Быстро развивающиеся нации опираются главным образом на молодое поколение. В общем-то, молодёжь и не прогрессивна, и не консервативна, она – всего лишь сила, готовая к любому начинанию. Молодёжь является скрытым ресурсом любого общества¹.

Прежде чем начать разговор о деятельности союзов молодёжи необходимо дать определение, что же такое «союз молодёжи». До начала XX века термин «союз» по отношению к молодёжным объединениям не применялся. Как правило, союзами именовали политические объединения и партии взрослых. Например, партия русских монархистов «Союз русского народа», известный «Союз союзов», партия татарской буржуазии «Мосельманнар иттифагы» («Союз мусульман»), «Союз мелких народностей Поволжья» и т.д. С самого начала профессиональные организации рабочих в XIX веке назывались союзами (trade union, на американском английском – labor union). Лишь в период революций 1905–1907 и 1917 гг. термин «союз» постепенно закрепился за молодёжными организациями в России. В англосаксонском мире ему соответствовало слово «league», а в германоязычных странах – «Bund» и «Verband».

Очень важно дать предельно точное определение союзов молодёжи для рассматриваемого периода. Союз молодёжи – это соответствующим образом оформленная организация активной части молодёжи определённой социальной или национальной группы, призванная обеспечить политической партии или движению связь с широкими массами молодого поколения для вовлечения его в социальную и политическую борьбу за интересы данной группы и одновременно за удовлетворении своих специфических возрастных интересов. Под словами «соответствующим образом оформленная организация» имеется в виду наличие программных документов, устава, центральных руководящих органов, местных первичных организаций и, как правило, печатного органа. Только наличие всех вышеуказанных компонентов позволяет судить о том, является ли та или иная молодёжная организация союзом молодёжи, или кружком, группой, временным объединением.

В странах Европы союзы молодёжи создавались прежде всего политическими партиями, которые находились у власти или боролись за власть. Самыми активными были социал-демократы и социалисты, представлявшие рабочий класс и близкие к нему социальные группы. В России же в целом преобладала крестьянская, сельская молодёжь, которая была чрезвычайно неоднородной в социально-этническом плане. Значительна была учащаяся молодёжь и примыкавшая к ней молодая интеллигенция и немногочисленное студенчество. Хотя по численности они уступали сельской молодёжи, но представляли самую активную и политически дееспособную силу общества.

Более половины огромного населения Российской империи составляли нерусские народы. Нерусская молодёжь была ещё более разнородной. Если западные национальности (поляки, евреи, латыши, литовцы, финны и пр.) имели чётко выраженную классовую структуру, то восточные национальности (башкиры, казахи, киргизы, ногайцы, кумыки и пр.) имели такую структуру, которую ни одна существовавшая тогда социальная теория, включая марксизм, не могла адекватно интерпретировать и объяснить. Особняком стояли поволжские татары, как бы представлявшие синтез европейского и восточного элементов.

Появившиеся накануне и в годы первой революции в России политические партии повели активную борьбу за влияние на молодёжь². В целом расстановка в молодёжном движении определялась наличием трёх основных направлений в общественно-политической жизни империи: консервативного, или помещичье-монархического; либерально-демократического, или буржуазного; радикально-демократического, или революционного. Правда, на восточных окраинах России общественно-политическая жизнь была ещё монолитной, но и там наметилась кое-какая социально-классовая

¹ Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 451.

² Масалимов Р. Н. Зарождение и становление молодёжного движения тюркских народов Урало-Поволжья (1901–1921 гг.) // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы III Всероссийской тюркологической конференции. Уфа, 2008. С. 134.

дифференциация. В отличие от европейской России, где социалистические идеи родились и распространились в условиях серьёзных социальных изменений в обществе под влиянием развития капитализма, в национальных районах первое знакомство с марксизмом состоялось в начале XX века лишь на интеллектуальном уровне, во время учёбы или работы в русских городах или в результате личных контактов с русскими марксистами. Национальные политические партии на Востоке России были представлены буржуазно-консервативными группами татар (главная из них – вышеупомянутый мусульманский «Иттифак»), социал-демократическими группами тех же татар и башкир (Х. Ямашев и газета «Урал»), азербайджанцев, турок и персов.

После поражения революции 1905–1907 гг. в годы так называемой реакции позиции монархическо-черносотенных партий в среде вузовской молодёжи значительно укрепились, повысилось их влияние на академическое студенческое движение. В марте 1912 г. в Петербурге был проведён Всероссийский академический съезд, в котором приняли участие представители 19 студенческих организаций, находящихся под влиянием монархистов. И всё же, несмотря на это, опрос, проведённый в 1910 г. среди студентов Петербурга и Москвы, показал, что 20–25% опрошенных симпатизировали кадетам и более 25% – социал-демократам¹.

Национальный состав студенческого движения не поддаётся точному определению из-за отсутствия данных, но в целом он был почти однородным – великорусским (включая русифицированных нацменов). Представителей нерусских народов среди студентов было крайне мало. Другое дело – организации учащихся средних учебных заведений всех типов. Студенческий съезд ещё в 1893 г. отдельным пунктом своего постановления выделил работу среди гимназистов и учащихся других учебных заведений в целях создания кружков «саморазвития». Первые такие кружки в крупных городах России возникли уже к началу XX века. К тому времени уже в Польше, Финляндии, на Украине, в Среднем Поволжье появились национальные объединения и кружки учащейся и обучающей молодёжи. Так, в Польше появились «Освят», «Союз польской молодёжи», в Москве – «Еврейский товарищеский союз», в Казани – кружки учащихся-мусульман. В мусульманских регионах России – в Поволжье и на Урале, на Кавказе и в Средней Азии зарождается движение шакирдов и талибов (учащихся медресе и др. учебных заведений). Интересные наблюдения оставил в своих воспоминаниях Ахмет-Заки Валидов, прибывший в 1908 г. в Казань для учёбы. Он пишет, что в Казани существовала «молодёжная организация, стремящаяся провести преобразования в школах. ...Реформаторы выпускали газету под названием «Ислах». Я с ними встречался, но нашёл их деятельность бесплановой, самих их нерешительными, большинство идей беспочвенными»². Здесь важна не оценка татарского союза молодёжи, данная мемуаристом, а ценна информация о наличии у этих молодых реформаторов довольно чёткой организации и печатного периодического органа – газеты.

Следует отметить, что история башкирского молодёжного движения изучена хуже, чем татарского, марийского, чувашского и др. С самого начала советской историографии молодёжного движения и ВЛКСМ в Башкирии сложилось стереотипное утверждение, исходящее от воспоминаний участников событий тех лет и первых комсомольцев, что до Октябрьской революции среди башкирской молодёжи не было какого-либо организованного движения³. Вообще же, до Февральской революции нигде в России организованного движения молодёжи не было, для этого просто не было условий (взрослые партии и то создавались и действовали нелегально или полуполюгально). Тем не менее, как выше видно, разрозненные союзы и кружки молодёжи и юношества действовали на свой страх и риск. Примечательно, что 16-летний учащийся учительской семинарии Мирсаид Султангалиев организовал в том же 1908 г. кружок татарской и башкирской молодёжи, а в 1912–1913 гг. возглавлял «Боевую татарскую организацию социалистов», куда входили татарские

¹ Масалимов Р. Н. Национальные союзы молодёжи России (1917–1929 гг.). Бирск, 1996. С. 12.

² Тоган Валиди З. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 77.

³ См.: XV лет ВЛКСМ: Сб. статей и воспоминаний о комсомоле Башкирии. Уфа, 1933. С. 77; Материалы к истории татарского комсомола. Казань, 1927. С. 70 (на тат. яз.); и др.

и башкирские учащиеся и молодые учителя. Как позже вспоминал М. Х. Султангалиев, он, З. Валиев, учитель-башкир Гирей Кидрачёв и др. развернули активную работу среди мусульманской молодёжи и взрослых в уездах Уфимской губернии¹.

Весной-летом 1917 года появились первые настоящие союзы татарской, башкирской, марийской, чувашской молодёжи, самыми известными из которых были союз татарской молодёжи «Берек» (Казань), «Общество мусульманской молодёжи» (Оренбург), «Союз учащихся-мусульман» в Уфе, Троицке и в ряде посёлков и селений, марийский «Союз учащихся» в Царёвококшайске и др. В Казани и Уфе появились центры, координирующие движение шакирдов и талибов – учащихся мусульманских учебных заведений. Наиболее значительной организацией учащейся татарской молодёжи в Казани, пожалуй, и во всём поволжском регионе был союз молодёжи «Берек» («Единение»)².

Программы объединений марийской и чувашской молодёжи были аналогичны. Иначе быть не могло, поскольку национальная молодёжь была далека от политики, она делала свои первые самостоятельные шаги. Возможно, исключением были «Объединение молодёжи Башкирии», возникшее летом 1917 года в Оренбурге, и известная организация башкирской интеллигентской молодёжи «Тулкын» («Волна»), учреждённая на III Всебашкирском курултае (Учредительном съезде) башкир в декабре 1917 года, которые сразу включились в движение за территориальную автономию Башкортостана³.

В 1917–1918 гг. работу среди марийской, мордовской, удмуртской и чувашской молодёжи вели межнациональная организация «Союз мелких народностей Поволжья», а также «Центральный союз Мари» («Марий Ушем»), «Чувашское национальное общество», «Общество Удмурт», созданные на соответствующих национальных съездах летом-осенью 1917 года. К сожалению, историки не располагают документальными источниками о деятельности молодёжных объединений этих национальностей, имеются лишь косвенные свидетельства о собраниях и встречах молодёжи, о кружках культурно-просветительского характера.

© Масалимов Р. Н., Кулбакова Л. А. 2008.

Ю. В. Назарова

Социальное партнерство как модель взаимодействия исполнительных органов власти и религиозных объединений: региональный уровень

Постсоветский период развития государственно-конфессиональных отношений характеризуется потребностью в современной модели отношений. Модель должна отвечать российским традициям, не выглядеть чужеродным, навязываемым извне элементом внутренней политики⁴. Модель государственно-конфессиональных отношений предоставит религиозным объединениям возможность реализовать право на свободу совести. Состояние государственно-конфессиональных отношений следует рассматривать как системообразующий признак государства, по которому можно судить о гражданском обществе. Если модель советской системы государственно-конфессиональных отношений предполагала отделение религиозных объединений от государства, то современная модель предполагает диалог равных, заинтересованных в решении задач по строительству гражданского общества, партнерство субъектов политики государства в сфере свободы совести.

Возникновение и развитие партнерских отношений обусловлено потребностью новых социально-экономических и политических реалий, проявившихся в

¹ Султангалиев М. Х. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992. С. 404–411.

² Масалимов Р. Н. Национальные союзы молодёжи России (1917-1919 гг.). С. 16-17.

³ Башкортостан. 1995. 14 апреля; Йэшлек. 1996. 16 марта (на баш. яз.).

⁴ Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история взаимоотношений с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. С. 122.

формировании рыночных отношений в экономике России на рубеже XIX-XX вв. Актуальность становления социального партнерства в России очевидна. Социальное партнерство, реализация его принципов в России являются не просто желаемым вариантом, но и разумным способом цивилизованного решения противоречий не только в сфере социально-трудовых отношений, но и в сфере отношений органов исполнительной власти и религиозных объединений.

В научной литературе и на практике «социальное партнерство» характеризуется неоднозначно. Одни понимают его как конкретный тип взаимоотношений между органами государственной власти, представителями трудящихся и работодателями, предпринимателями; другие – в более широком смысле, а именно как специфический вид общественных отношений между профессиональными, социальными группами, слоями, классами, общностями, их общественными объединениями, органами власти и бизнесом; третьи – как мировоззренческую основу согласования и защиты интересов различных социальных групп, слоев, классов, их общественных объединений, бизнеса и органов власти¹.

На наш взгляд, неправомерно сводить социальное партнерство только к «многоуровневой системе коллективно-договорного регулирования труда социально-трудовых отношений» или трипартизму как «регулированию трудовых и связанных с ними экономических и политических отношений на основе равноправного взаимодействия, сотрудничества представителей наемных работников, работодателей и государства. По сути, это сведение феномена социального партнерства только к пониманию его как содержательного процесса, к его количественной стороне, в то время как сущность этого феномена гораздо шире.

Субъектами социального партнерства в политике государства в сфере обеспечения свободы совести и вероисповедания являются представители всех конфессий и государство. Институтами (организациями), представляющими их интересы, выступают религиозные объединения, благотворительные и другие общественные организации, исполнительные органы государственной власти и органы местного самоуправления. Становление и развитие социального партнерства обеспечивается посредством системы социального партнерства, представляющей собой сложное образование структурно-организационных элементов (объекта, субъектов, предмета), механизма, методов, средств, тактики, технологий взаимоотношений. Социальное партнерство с точки зрения его содержания, – это процедуры, механизм договорного регулирования. Конечным актом совместного управленческого решения партнеров является договор. Договор отображает реальные гарантии, предоставляемые органами исполнительной власти религиозным организациям. Можно обозначить следующую последовательность процедур договорного регулирования: процедуры разработки договора; процедуры реализации взаимных обязательств; процедуры контроля, взаимоконтроля, коррекции; нормативная сторона, ответственность.

Социальное партнерство рассматривают не только как состояние, но и как процесс динамического равновесия развивающихся интересов всех его основных субъектов. Основные направления, содержание, цели и задачи социального партнерства не могут оставаться неизменными, они зависят от уровня (федерального, регионального или местного) согласованности действий и от возможностей его субъектов, от конкретной социально-экономической ситуации взаимодействия. На современном этапе развития общества социальное партнерство становится одним из наиболее востребованных типов социального взаимодействия, выступает в качестве такого вида, в котором достигается единство цели и действий, которое позволяет управлять социальным общением, взаимодействием.

Социальное партнерство – это одна из форм взаимодействия институтов государства и гражданского общества, а именно, властных структур и религиозных, национально-культурных объединений, благотворительных и других общественных организаций. Отношения государства и религиозных объединений – совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений, с одной стороны, институтов государства, с дру-

---

¹ Михеев В. А., Михеев А. В. Социальное партнерство как механизм устойчивого социально-экономического развития // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 194.

гой – институциональных образований конфессий (религиозных объединений, духовно-административных центров). В их основе лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и церкви в жизни общества и государства на определенном этапе развития¹. Взаимодействие религиозных объединений и государства осуществляется по двум основным направлениям: проведение совместных акций, обеспечение автономии в тех видах деятельности, в которых они обладают особой компетенцией². Эти два вида взаимодействия основаны на сочетании отношений равенства и неравенства, при преобладании в каждом конкретном случае тех либо других.

Первое направление – это партнерское взаимодействие, основано на преобладании совместных согласованных действий над конфликтами. Государство, коммерческие фирмы, общественные объединения, религиозные организации делают одну и ту же работу, направленную на достижение общих целей. Это помощь малоимущим, обездоленным, участие в реализации экологических программ, в охране памятников истории и культуры и др. Такое взаимодействие основано на преобладании равенства. Неравенство здесь заключается в том, что коммерческие и религиозные организации делают это на свои деньги, а государственные учреждения и ряд общественных организаций – на бюджетные. Хотя и здесь возможны варианты: выделение бюджетных средств на сохранение культурных ценностей, одновременно являющихся церковным достоянием.

Второе направление проявляется в невмешательстве государства и религиозных объединений в дела друг друга. В его основе – равенство государства и религиозных объединений как юридических субъектов. Государство не может (и не должно) вмешиваться в дела церквей и религиозных объединений, а они не ведут политической или какой-либо иной недозволенной деятельности, которая нарушала бы границы признанных и юридически закрепленных полномочий. Взаимодействие проявляется во взаимном контроле за соблюдением автономии в сферах особой компетенции. Каждая сторона следит за тем, чтобы самой не нарушать принятые договоренности, их не нарушала другая сторона.

В декабре 2002 г. депутат С. Ю. Глазьев внес в Государственную думу проект Федерального закона «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций в целях сохранения национальных духовных традиций и обеспечения социальной защиты населения России». В июне 2003 г. депутаты С. Ю. Глазьев и А. Н. Белоусов уже в новой редакции представляют в Государственную Думу законопроект «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации». Несмотря на существенные различия законопроектов по объему, содержанию и качеству юридической техники, их концептуальная основа одинакова.

В июне 2003 г. Фонд развития парламентаризма в России провел экспертизу законопроекта «О социальном партнерстве государства традиционных религиозных организаций в Российской Федерации», согласно которой установил, что «рассматриваемый законопроект содержит концептуальные недостатки принципиального характера и существенные юридико-технические недочеты»³.

Вопрос об отношениях государства и религиозных объединений предусмотрен в проектах концепций, обнародованных в 2001 г. Авторы проекта «Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации» (Институт государственно-конфессиональных отношений и права и Главное управление Министерства юстиции РФ по г. Москве) стремятся узаконить не только привилегии «традиционных» конфессий, но и практику государственного сотрудничества с ними.

¹ Концептуальные основы государственно-церковных отношений в Российской Федерации. – Проект кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАГС) от 8 июня 2001 года / Под руководством Н.А. Трофимчука // Независимая газета. Религии. 2001. 27 июня. №12 (83). С. 10-12.

² Костина Н. Б. Государственно-конфессиональные отношения в современной России / Роль религии в становлении российской государственности: исторический опыт и современность. Сборник статей Международной научно-практической конференции (21 декабря 2007 г.). Магнитогорск-Челябинск, отдел копировально-множительных работ Управления делами губернатора Челябинской области. 2007. С. 186.

³ Экспертиза Фонда развития парламентаризма в России (июнь 2003 года) / <http://www/legislation.ru/monitor/raznoe/296966-3ekspfund.html>. 10.09.2003.

Органы государственной власти и местного самоуправления и религиозные организации вправе заключать между собой в пределах собственной компетенции договоры (соглашения) о совместной деятельности в духовно-культурной и иных социально-значимых сферах общественной жизни. Предметом договоров может быть разработка и осуществление совместных планов, программ и мероприятий, образование совместных координационных центров, государственная и муниципальная поддержка религиозных организаций.

Например, руководство Челябинской области в середине 1990-х гг. начинает строить систему отношений с ведущими конфессиями региона. Первое соглашение о сотрудничестве в культурно-образовательной и социальной сферах – с Русской Православной Церковью (Московский Патриархат) – было заключено областной администрацией 1997 г. Затем последовали соглашения с Центральным духовным управлением мусульман России и европейских стран СНГ (1998 г.) и Русской Православной Старообрядческой Церковью (2000 г.)

В целях духовного возрождения общества, углубления взаимного сотрудничества в сфере образования, культуры, духовного просвещения, экономики, здравоохранения, благотворительности, социальной деятельности администрация Челябинской области и Русская Православная Церковь договорились о следующем¹: оказывать поддержку образовательной деятельности Русской Православной Церкви, в том числе в развитии православного христианского образования как дополнительного; принимать участие в разработке и реализации совместных программ и проектов в области образования, нравственного воспитания, культуры, духовного просвещения, экономики, здравоохранения, благотворительности, социальной работы, направленных на возрождение духовности личности и общества; способствовать созданию благоприятных условий в общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях для проведения занятий по истории Отечества, русской литературы и культуре, нравственности и этике, истории русской, в том числе православной педагогики, истории религии в традициях русской духовности; содействовать организации православных групп детей при детских садах. Приходских (воскресных) школ, а также богословских факультетов при высших учебных заведениях; способствовать совместной разработке и внедрению учебных программ и учебно-методической литературы по религиозно-нравственным дисциплинам, направленным на духовно-нравственное развитие личности; сотрудничать в проведении сертификации преподавателей, лицензировании и аттестации негосударственных образовательных учреждений, имеющих православно ориентированное содержание обучения; взаимодействовать в подготовке и повышении квалификации педагогических кадров в области русской литературы, истории, педагогики, философии, нравственности, эстетики, культурологии, социальной психологии и других дисциплин на базе высших учебных заведений, института повышения квалификации, училищ и т.д.; регулярно проводить совместные конференции, семинары, круглые столы по проблемам образования, нравственного воспитания, культуры, духовного просвещения, здравоохранения, благотворительности; разрабатывать комплекс мероприятий, способствующих возрождению и укреплению духовных устоев семьи как нравственной основы общества; сотрудничать в развитии детского и семейного отдыха, туризма, в том числе в организации детских лагерей и семейных поселений, с использованием бывших пионерских лагерей и баз отдыха, в изучении и разъяснении сущности различных тоталитарных сект, действующих на территории области, разрушающих семейный уклад жизни, угрожающих целостности национального самосознания и культурной идентичности, наносящих вред духовно-нравственному и физическому здоровью людей; содействовать развитию дел милосердия, в том числе организации курсов сестер милосердия на базе местных медицинских учебных заведений; взаимодействовать по вопросам создания благоприятной психологической сре-

---

¹ Соглашение о сотрудничестве между полномочным представителем Президента РФ в Уральском федеральном округе и Екатеринбургской, Челябинской, Тобольской, Курганской епархиями Русской Православной церкви (Московский Патриархат) / государство и религиозные объединения: социальное партнерство. Документы и публикации. Челябинск, 2006. С. 10.

ды в домах престарелых, больницах, учреждениях социальной службы, детских домах, приютах и т.д., а также по вопросам отправления православных таинств и обрядов для тяжелобольных, инвалидов, пенсионеров; содействовать духовно-просветительской деятельности в армии, возрождению традиций верного служения Отечеству, духовно-нравственной поддержке молодежи к армейской службе, возвращению Русской Православной Церкви ранее принадлежавших ей зданий и помещений; сотрудничать в выявлении, сохранении и использовании историко-культурного наследия Челябинской области; создать совместную комиссию по сохранению и использованию памятников православной духовной культуры, в области средств массовой информации в целях создания совместных образовательных и просветительских программ и публикаций, способствующих духовно-нравственному воспитанию человека; сотрудничать содействовать разработке законодательных мер, направленных на ограничение телевизионных и радиопрограмм, пропагандирующих разврат, насилие, бездуховность; содействовать духовно-просветительской работе в местах заключения; участвовать в разработке планов общенародных мероприятий, посвященных национальным, историческим и православным праздникам, памятным датам истории и культуры г. Челябинска и Челябинской области, и совместными усилиями способствовать их реализации.

Соглашение о сотрудничестве также заключены между Главным управлением исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Челябинской области и Челябинской епархией Русской Православной Церкви, которое открыло новые возможности духовного возрождения общества, осужденные получили возможность более полно реализовывать свои права и свободы.

В рамках данного соглашения Главное управление исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Челябинской области¹:

– оказывает всемерную поддержку деятельности Русской Православной Церкви в местах лишения свободы, в том числе в развитии религиозного образования в исправительных учреждениях в соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях».

– для удовлетворения потребностей осужденных, исходя из имеющихся возможностей, содействует строительству православных храмов, часовен, созданию молельных комнат за счет средств спонсорской помощи и пожертвований граждан и организаций. Обеспечивает благоприятные условия духовенству для посещения верующих, совершения треб и богослужений.

– активизирует работу по освещению в печати для осужденных и работников уголовно-исполнительной системы материалов, подготовленных Русской Православной Церковью по наиболее актуальным вопросам церковной жизни в стране и в области, используя для этого многотиражную газету «На переломе».

– содействует организации системы религиозного образования (факультативно) слушателей учебного центра при Главном управлении исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Челябинской области при участии священнослужителей и преподавателей духовных школ Русской Православной Церкви.

– по заявкам Русской Православной Церкви организует на предприятиях учреждений изготовление изделий и продукции для реставрируемых и строящихся храмов, религиозной атрибутики.

Русская Православная Церковь, в свою очередь²:

– осуществляет духовное окормление сотрудников уголовно-исполнительной системы Челябинской области, а также лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

– принимает посильное участие в сооружении в исправительных учреждениях храмов, часовен, молельных комнат, обеспечении верующих духовной литературой и предметами религиозного назначения.

¹ Соглашение о сотрудничестве... С. 32.

² Соглашение о сотрудничестве... С. 33.

– оказывает помощь в подготовке специалистов из числа сотрудников уголовно-исполнительной системы Челябинской области для работы с верующими осужденными по религии в истории Российского государства, уважению народных традиций и обычаев, понимания антигуманной направленности учений тоталитарных и деструктивных сект, организует подготовку соответствующих учебно-методических материалов и литературы. Появилась настоятельная необходимость в защите осужденных от духовной агрессии, во взаимодействии сотрудников уголовно-исполнительной системы в области духовного окормления и религиозно-нравственного просвещения осужденных с духовенством Русской Православной Церкви.

Осознавая долг перед обществом и подрастающими поколениями, Челябинский государственный университет и Челябинская и Златоустовская епархия Русской Православной Церкви заключили соглашение о сотрудничестве в целях¹:

- совершенствование воспитания молодежи;
- совместного выявления проблем духовно-нравственного развития общества, их осуждения и поиска эффективных путей решения;
- повышения роли этических норм, нравственных критериев, духовных ценностей в жизни студенчества;
- формирования уважительного отношения к отечественной истории и культуре;
- развития научных исследований, разработки и осуществления совместных программ по религиоведению, истории, культурологии и философии с привлечением специалистов науки, образования, деятелей культуры, Русской Православной Церкви, общественных и политических деятелей;
- исследования и объективного освещения роли Русской Православной Церкви в истории и культуре Отечества.

Большое значение для поддержания межнационального и межконфессионального мира в регионе имеют соглашения, подписанные полномочным представителем Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе П. М. Латышевым с епархиями Русской Православной Церкви и духовными управлениями мусульман, а также соглашения с традиционными конфессиями органов государственной власти УрФО:

– Соглашение о сотрудничестве между полномочным представителем Президента Российской Федерации в Уральском Федеральном округе и Екатеринбургской, Челябинской, Тобольской, Курганской епархиями Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) (2000).

– Соглашение о сотрудничестве между Межрегиональной инспекцией Министерства Российской Федерации по налогам и сборам по Уральскому Федеральному округу и Екатеринбургской, Челябинской, Тобольской, Курганской епархиями Русской Православной Церкви (2000).

– Соглашение о сотрудничестве между полномочным представителем Президента Российской Федерации в Уральском Федеральном округе и Свердловским, Курганским, Ханты-Мансийским, Челябинским региональными духовными управлениями мусульман (Центральное духовное управление мусульман России) (2002).

В Оренбургской области также налажен диалог с религиозными организациями. Примером тому может служить подписание Протокола о намерениях между Министерством информационной политики, общественных и внешних связей и Оренбургской и Бузулукской епархией Русской православной церкви. Аналогичный Протокол подписан с Духовным управлением мусульман Оренбургской области.

Предметом Соглашений является вопрос координации деятельности подписавшихся сторон в сферах:

- разработки и реализации совместных программ и проектов в области образования, нравственного и патриотического воспитания, культуры, духовного просвещения, благотворительности, социальной работы, возрождения духовности личности и общества;
- выявления, сохранения и использования историко-культурного наследия Оренбургской области;

---

¹ Соглашение о сотрудничестве... С. 35.

– использование средств массовой информации в целях создания совместных образовательных и просветительских программ и публикаций, способствующих духовно-нравственному и патриотическому воспитанию человека¹.

Религиозные организации берут на себя обязательства: разрабатывать и способствовать распространению учебных программ и религиозной литературы, пропагандирующих идеалы общественной нравственности, здоровый образ жизни, противодействие терроризму, экстремизму, алкоголизму и наркомании; участвовать в проведении духовно-просветительской деятельности в войсковых частях; проводить работу по подготовке молодежи к армейской службе, возрождению традиций преданного служению Отечеству, гарантировать соответствие деятельности общин Духовного управления мусульман федеральному и областному законодательству; участвовать в благотворительных акциях и проектах, организуемых и осуществляемых министерством.

Министерство содействует предоставлению, в соответствии с действующим законодательством, религиозным организациям финансовой, материальной и иной помощи в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, оказывает помощь в проведении сертификации преподавателей, лицензировании и аттестации негосударственных религиозных образовательных учреждений, способствует оформлению документов и регистрации мусульманских общин в области.

Использование собственного позитивного опыта, изучение практики регулирования межнациональных отношений позволяют осуществлять продуманную, научно обоснованную национальную политику, которая дает возможность сохранить этнополитическую стабильность в субъектах Южного Урала².

Представляется необходимым выработать законодательную базу для широкого партнерства между государством и религиозными объединениями в разных областях, будь то миротворчество, социальная работа, образование и воспитание новых поколений и юношества, возрождение национальной культуры, забота о военнослужащих и заключенных. При подготовке нормативно-правовых актов, затрагивающих деятельность религиозных объединений, важно учитывать их позицию и законные интересы.

Исполнительные органы власти в субъектах Южного Урала являются экспертными, консультативными, информационными и координационными центрами, осуществляющими совместно с администрациями городов и районов области повседневную деятельность по налаживанию конструктивного сотрудничества верующих и неверующих, устанавливают связь и взаимоприемлемые отношения между государственными, общественными и религиозными организациями.

Религиозные объединения стали значимой частью отношений государства с формирующимся гражданским обществом. От положения религиозных объединений во многом зависит установятся или не установятся партнерские отношения между основными субъектами конфессиональной политики, а, следовательно, мир и согласие в обществе.

Государство вправе заключать с различными религиозными объединениями договоры о сотрудничестве, содействовать их миссионерской деятельности и т.д. Признание исторической, социально-культурной значимости тех или иных религий не должно приводить к ущемлению прав других религиозных объединений и религий. В современных условиях необходимо взаимопонимание и сотрудничество всех религиозных объединений не только на Южном Урале, но и в Российской Федерации в целом.

Поликонфессиональный характер регионов Южного Урала накладывает отпечаток на содержание государственно-конфессиональных отношений и практику реализации федерального законодательства на региональном уровне. Новые явления в современной религиозной ситуации в обозначенном регионе актуализируют потребность сотрудничества и социального партнерства религиозных организаций и органов государственной власти.

© Назарова Ю. В.

¹ Амелин В. В. Этносоциальные процессы в Оренбуржье (постсоветский период). Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2007. С. 38.

² Оренбуржье в контексте информационной политики, общественных и внешних связей: ежегодный доклад, 2006 г. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. С. 3.

**Польское восстание 1863 г. и периодическая печать Поволжья
(по материалам «Казанских губернских ведомостей»)***

Присоединение к Российской империи во второй половине XVIII в. польских земель, создание Царства Польского превратило польский вопрос, т.е. вопрос о восстановлении независимости Речи Посполитой и воссоединении польских земель, в один из факторов внутреннего развития России. И если в первые десятилетия XIX в. польские губернии воспринимались скорее как заграница, то восстание 1863 г. наглядно продемонстрировало «имперские настроения» не только правительства, но и большинства населения России, включая и, как принято говорить, представителей передовой общественности. Резко отрицательное отношение к польскому национально-освободительному движению активно подогревалось правительством и в официальной печати.

Целью данной работы является анализ влияния губернской прессы на формирование отношения жителей Казанской губернии и местных властей к полякам, посланным за участие в восстании 1863–64 гг.

Ко времени прибытия первого ссыльного (июль 1863 г.) в Казанской губернии уже существовала довольно значительная польская колония, которую составляли, чиновники гражданского и военного ведомств, преподаватели и студенты Казанского университета, а также члены их семей. Подавляющая часть поляков была сосредоточена в Казани, а в уездных городах их было сравнительно немного. Именно в последних – Ядрине, Цивильске и Царевококшайске – было сосредоточено более 500 польских ссыльных.

Значительную роль в формировании отношения жителей Казанской губернии к восстанию и его участникам сыграли провинциальные периодические издания. Они повторяли официальную оценку восстания. «Казанские губернские ведомости» не были исключением – первый материал, связанный с «польским мятежом» появился уже 1 (13) февраля 1863 г. и в нем говорилось следующее: «Грустные события в Польше, которым ни один из здравомыслящих людей не может сочувствовать, вызвали и в нашем обществе громкий протест против той кровавой резни, жертвами которой сделались многие из доблестных русских воинов. Протест этот выразился в горячем сочувствии Казанского общества к семействам убитых воинов. С самого начала получения известия из газет о мятеже в Царстве Польском стали поступать...» к губернатору пожертвования «от разных сословий». Деньги были отправлены наместнику в Царстве Польском¹. Далее говорилось, что жители Казани, узнав из столичных газет о «мятеже в Царстве Польском» начали сбор средств и за 5–6 дней собрали в пользу семей убитых солдат более 800 рублей². Через полгода сумма пожертвований составила 9 тыс. рублей³.

В последующих номерах появляются статьи антипольской направленности, перепечатанные из столичных газет («Северная пчела», «Московские ведомости» и др.). В апреле была опубликована благодарность Александра II за массовое выражение верноподданнических чувств в связи с восстанием. А 19 мая в Казани отслужена панихида в память погибших во время польского мятежа «при огромном стечении граждан города»⁴. В том же номере был опубликован еще один пример верности русского народа престолу (из «Московских ведомостей») – материал о том, что крестьяне подмосковных сел готовы были идти воевать против поляков, отдав все свое имущество.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 08-01-22108а/В.

¹ Казанские губернские ведомости. 1863. Дополнение к № 5.

² Казанские губернские ведомости. 1863. № 6.

³ Казанские губернские ведомости. 1863. № 30.

⁴ Казанские губернские ведомости. 1863. № 21.

В конце июня 1863 г. в Казань прибывает вновь назначенный (в связи с «Казанским заговором») временный генерал-губернатор Казанской, Пермской и Вятской губерний А. Е. Тимашев и на встрече с представителями дворянства он заявляет следующее: «Минуты, которые переживает в настоящее время Россия, суть минуты трудные: восстание в Польше, искусственное сочувствие, возбужденное к нему в Европе бесстыдной ложью, наглой клеветой и самыми низкими происками отъявленных врагов наших, в числе которых, к сожалению, есть несколько наших соотечественников...»¹. Как видим, в этом выступлении дана оценка не только самому восстанию, но и давлению на Россию стран Запада с целью уступок повстанцам, а также попытке поднять восстание в центре России для помощи полякам, т.е. «Казанскому заговору».

9 июля 1863 г. в Казань прибыл наследник престола, которому от имени казанского городского общества было вручено письмо, где говорилось о пожертвовании девяти тысяч рублей «в пользу раненых воинов, семейств убитых и разоренных польскими мятежниками. Принимая от нас эти пожертвования, будьте уверены в готовности нашей к несравненно большим жертвам, если они будут нужны»².

«Казанские губернские ведомости» не ограничивались публикацией только официальных взглядов. В июльском номере газеты был помещено обращение Польского революционного правительства к русскому дворянству, а также комментарии к нему антипольского содержания, где кроме всего прочего о поляках в России говорилось как о «едающих нашу хлеб-соль и предающих нас»³. В следующем номере было помещено письмо Герцена о польском восстании, разумеется, с соответствующей его критикой.

Однако подавляющее большинство публикаций, связанных с польским восстанием, имело сугубо верноподданнический характер. Так, в одном из ноябрьских номеров за 1863 г. говорится о новых пожертвованиях «в пользу раненых воинов, семейств убитых и разоренных польскими мятежниками» и о том, что в России едва ли «найдется уголок, жители которого не заявляли бы о своем сочувствии к действиям правительства по польскому вопросу...»⁴. На страницах следующего номера было напечатано письмо дворян Лаишевского уезда Казанской губернии начальнику Западного края М. Н. Муравьеву, в котором приветствуется его деятельность по успокоению «несчастной страны, неутомимо терзаемой варварством космополитической революционной пропаганды»⁵. Довольно часто в публикациях проводились исторические параллели – в первую очередь с периодом Смуты и ролью поляков в тех событиях.

В 1864 г. количество публикаций, связанных с польским восстанием заметно снизилось. Это связано как и с успехами «умиротворения» в Царстве Польском и Западном крае, так и с снятием опасности вторжения западных держав, а соответственно, и с необходимостью в психологической и идеологической мобилизации населения, и с подавлением пропольских выступлений в самой России. Но по-прежнему публикации носили открытый антипольский характер. Примером тому может служить официальное сообщение о завершении следствия по «Казанскому заговору». «Подробные исследования показали, что все эти действия суть только различные проявления одного и того же преступного замысла, инициатива коего принадлежит почти всецело **п о л ь с к о й** [выделено в тексте – В.П.] партии. Распространители лже-манифеста, действовавшие в местности, прилегающей к Оке и правому берегу Волги, были исключительно **п о л ь к и** [выделено в тексте – В.П.]»⁶. Далее довольно обстоятельно изложены обстоятельства дела и соответствующие выводы и особо отмечается, что поляки не встретили никакой поддержки русского народа. Перекликается с этим сообщением и заметка из Сим-

¹ Казанские губернские ведомости. 1863. № 27.

² Казанские губернские ведомости. 1863. № 30.

³ Казанские губернские ведомости. 1863. № 28.

⁴ Казанские губернские ведомости. 1863. № 45.

⁵ Казанские губернские ведомости. 1863. № 48.

⁶ Казанские губернские ведомости. 1864. № 24. Эта публикация была использована А.И. Герценом в статье «Казни в Казани» для критики действий властей.

бирска, помещенная в том же номере, в которой виновником пожара был признан уроженец Западного края католического вероисповедания¹.

Пожар в Симбирске наделал много шума и в Казанской губернии. Ссылных поляков стали подозревать в подготовке поджогов и даже было произведено специальное расследование, которое, однако, не подтвердило эти слухи. Но настороженное отношение к полякам сохранилось.

В июле 1864 г. А. Е. Тимашев на торжественном обеде, данном в честь его отъезда, заявил, что «священная для меня воля Ваша, государь, исполнена, враги общественного порядка понесли заслуженную кару, а успокоенные честные и верные граждане отныне могут продолжать невозмутимо свою мирную и полезную деятельность»². К ноябрю 1864 г. относится первое упоминание в «Ведомостях» о ссылных, находящихся в губернии. До начальника Казанского учебного округа дошли сведения, что «нередко лица, отданные под полицейский надзор, по неблагонадежности в политическом отношении, особенно из уроженцев западных губерний, занимаются обучением детей грамоте, не имея на то надлежащих свидетельств». Понимая опасность этого, начальник учебного округа 10 сентября 1864 г. поручил директору училищ Казанской губернии «иметь строгое и постоянное наблюдение» за теми, кто учительствует без свидетельств и назначил штраф в 75 руб. за приглашение в дом в качестве учителей ссылных³. Однако вскоре было опубликовано официальное опровержение – фактов, подтверждающих учительство ссылных, не оказалось⁴.

Тогда же в ноябре 1864 г. произошло весьма примечательное событие, сообщение о котором появилось, правда, лишь два месяца спустя. «Находящийся в городе Цивильске под надзором полиции польский дворянин Михаил Станкевич 15 минувшего ноября дал концерт в пользу пострадавших от пожара жителей города Симбирска; в числе посетителей было довольно значительное число лиц из поляков, находящихся в Цивильске под надзором полиции. От концерта выручено, за расходами, девяносто рублей серебром, которые уже представлены господину начальнику губернии»⁵. Но эта публикация была скорее исключением.

В целом, к моменту прибытия в Казанскую губернию первых польских ссылных официальная пресса (и центральная, и местная) попыталась сформировать отрицательное отношение к польскому восстанию и его участникам. Многочисленные верноподданнические адреса, сбор средств в пользу воинов и другие действия показывают, что в какой-то мере эта цель была достигнута. Можно согласиться с утверждением, что провинциальные губернские ведомости были «проводниками правительственной политики и идеологии»⁶. Однако нельзя говорить об абсолютной эффективности официальной пропаганды. Факты показывают, что не все жители губернии оказались под ее влиянием и прямо выражали свое сочувствие участникам восстания.

В апреле 1863 г. один из жителей Казани – помещик Н. Ф. Дмитриев – пригласил к себе несколько рекрутов-поляков из вновь прибывшей команды и угостил их обедом⁷. Губернатор провел расследования, но кроме угощения и бани ничего преступного обнаружить не удалось, тем более что рекрутов отпустили с разрешения начальства и в сопровождении конвойного и Дмитриева оставили в покое. Помогло, по-видимому, и то, что он был родственником генерал-лейтенанта П.Ф. Орлова – начальника VII округа корпуса жандармов. Подобный случай произошел и в Чистополе, где акцизный чиновник С. Ф. Круликевич неоднократно приглашал к себе поляков, следовавших в ссылку в

¹ В «Казанских губернских ведомостях» от 2 октября (№ 40) за 1864 г. помещено официальное сообщение о казни рядового С. Григорьева – уроженца Витебской губернии, римско-католического вероисповедания – за публичное заявление о том, что пожары, уничтожившие Симбирск, «дело рук его соплеменников», и за то, что отказался выдать имена соучастников.

² Казанские губернские ведомости. 1864. № 29. А. Е. Тимашев в последующем был назначен министром почт и телеграфа, а в марте 1868 г. – министром внутренних дел.

³ Казанские губернские ведомости. 1864. № 46.

⁴ Казанские губернские ведомости. 1864. № 48.

⁵ Казанские губернские ведомости. 1865. № 3.

⁶ Бурмистрова Л. П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг.). Казань, 1985. С. 12.

⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1925. Л. 6; Русско-польские революционные связи. Т. II. С. 108–109.

Сибирь¹. В ходе следствия была обнаружена газета с «дерзкими заметками» к прокламации наместника в Царстве Польском от 15 августа 1862 г. За оскорбление царственной особы он был уволен со службы и решением суда от 25 июля 1863 г. отдан под строгий надзор полиции².

Тем не менее, отношение к ссыльным тех, кто непосредственно с ними общался, первоначально под влиянием официальной пропаганды было довольно настороженное. Так, ядринский уездный исправник в своем рапорте губернатору от 2 января 1864 г. писал, что поначалу было трудно жителей города «уговорить принять на квартиру [поляков], но теперь видят, что лица те платят деньги за квартиру и пищу, живут смиренно, с большой охотой пускают на постой, однако никто из жителей с ними не сближается»³. Своеобразное отчуждение было связано и с поведением самих поляков, которые, как докладывал гражданский исправник, «ведут себя прилично и осторожно до такой степени, что за исключением допущенного мною, в видах сближения, посещения моего дома они избегают знакомиться с другими личностями в городе живущими, чтобы не подвергнуться им в новом для них обществе какому-либо для них неприятному отзыву; о политике они вообще никогда не говорят и никто из них вредных мыслей не распространяет»⁴.

Формирование отношения населения России к польскому восстанию 1863–64 гг. проходило во многом под влиянием официальной прессы, которая стремилась создать отрицательный образ поляка-мятежника. По сути царское правительство добилось своего – не только консервативные круги русского общества, но и либералы поддержали жесткие действия по подавлению восстания. Спекулируя на национальных чувствах, прибегая к историческим аналогиям (Смутное время и т.п.) царизм получил поддержку подавляющей части жителей России. Своеобразным доказательством этого служит поток верноподданнических адресов и массовый сбор пожертвований. Конечно, и то, и другое во многом инспирировано местными властями, но и не надо приуменьшать имперские настроения, окрепшие как раз в связи с польским восстанием. В немалой степени это коснулось и жителей Казанской губернии.

Тем не менее, можно говорить об определенной эволюции отношения местных жителей к ссыльным полякам, которая происходила под влиянием непосредственных контактов, установления родственных, хозяйственных связей. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что в каждом уезде среди чиновников были поляки, т.е. контакты с представителями этой этнокультурной группой были не в новинку. К тому же Казанская губерния и ранее становилась местом польской ссылки.

© Павлов В. А., 2008.

Е. Н. Павлюченко

Проблема происхождения казачества в дореволюционной литературе

Среди вопросов истории наиболее интересным, актуальным и сложным представляется вопрос о происхождении казачества. Наука до сих пор не может однозначно сказать, откуда, как и когда появились казаки. Вместе с тем, ученые, вот уже два столетия анализирующие различные материалы и документы смогли выработать некоторые концепции.

Плодотворными являются точки зрения историков дореволюционного периода: именно на основе их умозаключений идет развитие исторической мысли, строятся современные гипотезы и суждения. По мнению В. Н. Татищева, в Египте был город Черказ (от него и казаки впоследствии у русских людей назывались черкасами)⁵, жители которо-

¹ НА РГ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1886. Л. 1-2.

² Там же. Л. 63.

³ НА РГ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1838. Л. 32.

⁴ НА РГ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1838. Л. 54.

⁵ Татищев В. Н. История Российская. М., 1968. С. 59.

го переселились на Кавказ и стали называться косогами. Из Кавказа «выводил» казаков и Петр Симоновский, сближая римское название Гиркании (историческая область на Кавказе) с латинским словом HIRKUS – козел.

Польский историк Кромер и русский князь М. М. Щербатов¹ видели в казаках остатки половцев, Вольтер в «Истории Карла XII» – остатки татар.

Первый русский историк, сумевший соединить достижения научной мысли с содержанием дотоль неведомых образованной публике древнерусских летописей – Н. М. Карамзин. В 7-м томе 12-ти томной «Истории государства Российского» он, кстати, сам прямо не говорит, что казаки – это беглые крестьяне, а лишь, что «они считались таковыми». Зато Д. И. Иловайский – другой выдающийся русский историк – в «Истории Рязанского княжества» приходит к заключению, что в «XV веке, с одной стороны, образуется в Рязанском княжестве особый класс служилых людей из передовой украинской стражи, а с другой, в Придонских степях собирается вольница из русских беглецов-разбойников». Приблизительно то же говорит о казаках современник Иловайского Н. И. Костомаров в своей «Русской истории»².

Выходец из Белоруссии М. О. Коялович в те же 80-е гг. XIX в. высказался о казаках, что это некие «испорченные силы русского народа, питомцы неестественно натянутой русской жизни времен Иоаннов III и IV, негодные люди, испорченные злыми началами управления».

Поляк В. Броневский, написавший одно из первых изысканий, специально посвященных истории казачества³, высказался о казаках так, что будто бы «царь Иван Васильевич, видя размножение по Руси бродяг и разбойников, приказал... отворить южные заставы государства и турнуть их вон из отечества на Дон».

Уже в старой русской исторической науке высказывались и несколько иные идеи насчет проблемы происхождения казачества. Выдающийся отечественный историк С. М. Соловьев в 29-ти томной «Истории России с древнейших времен» высказал мысль, что «казачество составляло слой русского общества, некогда распространенного по всей России»⁴, и что еще «в XVI веке казаками звали наемных рабочих, батрачивших по крестьянским дворам, людей без определенных занятий и постоянного местожительства»⁵. Иначе говоря, Соловьев, не отказываясь от теории о происхождении казачества из общерусского массива, обращает внимание на то, что казачество существовало уже в недрах русского общества и лишь получило собственную организацию, переселившись на незанятые земли Дикого Поля.

Последний из великих русских историков дореволюционного периода В. О. Ключевский, развив мысли Соловьева, высказал предположение, что «пограничное казачество сложилось из класса людей, с оружием в руках уходивших в степь для рыбного и звериного промысла... этими людьми при постоянных столкновениях с такими же добытчиками татарами усвоено было татарское название «казак», вольных бездомных батраков... Первоначальной родиной русского казачества можно признать линию пограничных со степью русских городов, шедших от средней Волги на Рязань и Тулу, потом переламывавшуюся круто на юг и упиравшуюся в Днепр по черте Путивля и Переяслава... Вскоре казачество сделало еще шаг в своем наступлении на степь, – то было время ослабления татар, разделение Орды. Городовые казаки и, прежде всего, рязанские стали оседать военно-промысловыми артелями в открытой степи, в области верхнего Дона»⁶.

Интересна работа Д. И. Яворницкого, который в «Истории запорожских козаков» относит корни появления казачества в Азии. Так, Дмитрий Иванович пишет: «Как все основы нашей политической и религиозной жизни коренятся в колыбели рода человеческого Средней Азии, так и начало козачества надо искать не в Европе, а в Азии»⁷. Далее он продолжает: «К этому приводят нас как филологические соображения, так и исторические данные. Слово «козак», или правильное, «казак» – несомненно, вос-

¹ Щербатов М. М. Соч.: В 2-х тт. Т. 1. М., 1949. С. 145.

² Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993. С. 54-56.

³ Броневский В. История Донского войска. М., 1934. С. 23-45.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 29-ти тт. Т. 3. М., 1983. С. 234-317.

⁵ Там же. С. 319-400.

⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч.: В 9-ти тт. Т. 2. М., 1988. С. 98-100.

⁷ Яворницкий Д. И. История запорожских козаков: Т. 2. Киев, 1990. С. 6.

точное слово, подобное словам «аксак, арак, байрак, бузак, бурчак, инак, кабак, кишлак, кулак, кунак, табак, чумак» и многие другие в этом роде слова, имеющие весьма распространенное во многих тюркских словах окончание «ак». «Казак» с гордостью отличает себя от сарта, таджика, – от всех оседлых, невоинственных, обленившихся, обнежившихся людей»¹. В итоге Яворницкий делает вывод, что и понятие, и название слова «казак» впервые встречаются в Средней Азии, откуда оно перешло в европейскую Россию. Перейти же в Россию оно могло только с приходом в нее тюрко-татар, на что указывает и то обстоятельство, что до появления тюрко-татар на юге Руси ни в одном списке русских летописей не встречается слово «казак».

При изучении письменных источников Яворницкий выясняет, что «в 1469 году многочисленное татарское войско, составившееся за Волгой из беглецов, разбойников и изгнанников и называвшееся козаками, ...прошло от Волги за Днепр и опустошило Подолию»². «Вслед за известием о татарских козаках находим известие и о южнорусских; исторически известными становятся на Украине козаки уже с 1471 года...»³.

Особой точки зрения на происхождение казачества придерживались профессор В. Б. Антонович и самый крупный и авторитетный историк кубанского казачества Ф. А. Щербина⁴. Они связывали происхождение казачества с древнерусскими вечевыми общинами. «Несомненно, что казачество появилось на смену вечевого уклада народной жизни, хотя, разумеется, и под влиянием экономических причин. Жажда свободы и стремление к народоправству были прямым наследием вечевых порядков...»⁵.

А. С. Пушкин⁶ считал казачество частью русского народа, развившей свою самобытность: «Кзаки – не остатки каких-то древнеславянских вольных общин на пограничье русской оседлости, а вооруженные артели промышленников, вытянутых из пределов этой оседлости пустотою степей»⁷. Однако в дореволюционной научной литературе встречается и точка зрения относительно того, что уже в первой половине XIV в., то есть задолго до возникновения Московского царства и до распространения в нем, а также в Великом Княжестве Литовском крепостничества в степной зоне в районе так называемого «Червленного Яра» возникают русские поселения, обитатели которых могут рассматриваться как предки казаков. Этой точки зрения придерживались И. Е. Забелин и А. А. Спицын. Причем последний, будучи профессиональным археологом, изучив остатки древнерусских поселений в данном регионе заключал, что преемственность здесь прослеживается с XI в.

Подведем некоторые итоги и выводы. Несомненно, можно сделать вывод, что историки дореволюционного периода по-разному смотрели на проблему происхождения казачества. Существуют теории «удревления» казачества, теории, доказывающие тот факт, что казаки – это искусственно созданная нация, гипотезы, повествующие о тюркском происхождении казаков.

Мы считаем, что казачество образовалось в результате смешения (миксации) русского и тюркских народов (возможно татар), образовав тем самым особую этносоциальную общность, которая, приняв православие, пришла на службу русскому государству как военная опора страны. Таким образом, мы солидарны с мнением виднейшего этнографа Республики Башкортостан Р. Г. Кузеевым. Раиль Гумерович Кузеев писал: «...этнографические группы оренбургского и уральского казачества...формировались в результате взаимодействия самых различных этнических, конфессиональных и социальных образований..., а также в различных сферах хо-

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 7–8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Щербина Ф. А. История Кубанского Казачьего Войска. В 2-х тт.. Т. 1. М., 1939. С. 331–395.

⁵ Там же. С. 420–421.

⁶ Пушкин А. С. История Пугачева. М., 1987.

⁷ Там же. С. 12.

зьяства и культуры; исследователи отмечают мощный слой иноэтничных, прежде всего тюркских (башкирско-казахско-татарских) заимствований»¹.

Казачество – это военное сословие, которое сложилось в результате острой необходимости российского правительства, в целях защиты государственных границ, казачество поддерживалось Россией только как боевая мощь страны. В последующем же, когда казачество начинает утрачивать свое значение, его просто истребляют из истории России, забывают и не разрешают вспоминать. Как бы то ни было, сегодня идут бурные обсуждения, касающиеся «возрождения» казачества, проходят дискуссии и споры, на которых определяется роль и ценность казачества для нынешней России. Как в прежние времена, вопрос об этногенезе казаков остается открытым...

© Павлюченко Е. Н., 2008.

Е. В. Паранина

П. Н. Луппов: формирование историка – краеведа

В данной статье я хочу рассказать об одном из первых и крупных историков – краеведов удмуртского народа П. Н. Луппове (1867 – 1949). Именно этот человек, собирая в течение всей своей жизни различный исторический материал и умело его обрабатывая, «открыл» ранее неизвестную историю удмуртов, а значит, способствовал формированию у них этнического самосознания. Павел Николаевич явился, по сути, первооткрывателем истории одного из финно–угорских народов в отечественной историографии с её дореволюционного периода.

Характеристике трудов П. Н. Луппова, оценке вклада в изучение этнической истории удмуртов посвящено немало обстоятельных исследований. Они относятся, главным образом, к советскому и современному этапам историографии. В 1945 г. за большой вклад в изучение удмуртского народа ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Удмуртской АССР». В Ижевске был издан его сборник документов по истории Удмуртии XV–XVII веков². В 1960-х гг. в связи со 100-летним юбилеем были опубликованы первые статьи библиографического характера. Вот как оценивает деятельность Павла Николаевича М. А. Садаков: «Заслуга П. Н. Луппова в том, что все его работы по истории удмуртского народа, истории Вятского края основаны на большом архивном материале, впервые извлеченном автором из многих хранилищ страны»³. В статьях М. А. Максимова, А. А. Александрова, Г. Ф. Чудовой также были сформулированы новые оценки в изучении истории удмуртского народа⁴.

В 1980 – 1990-е гг. интерес к историко-краеведческому наследию П. Н. Луппова возрастает в связи с появлением нового взгляда на этническую историю удмуртов под влиянием перестроечного периода. Это исследования В. А. Бердинских, М. В. Гришкиной и других. В Ижевске и Кирове регулярно проводятся научно-практические конференции, посвященные историко-краеведческому наследию П. Н. Луппова. В целом, на всех этапах исследовательского интереса к творчеству П. Н. Луппова можно отметить неподдельное уважение и высокую оценку трудов ученого.

Павел Николаевич не был по происхождению удмуртом, и местом его рождения вовсе не являлась Удмуртия (он родился в селе Усть–Чепецкое Вятской губернии, ныне город Кирово-Чепецк Кировской области). Тогда почему же он начал изучать историю этого народа? Заинтересованность в изучении удмуртов объясняется его социальным происхождением, специальным образованием, родом служебных занятий. Появившись на свет в 1867 г. в семье сельского псаломщика, Павел с

¹ Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала (этногенетический взгляд на историю). М., 1992. С. 274.

² Луппов П. Н. Удмурты в XV–XVII веках. Ижевск: Удмуртское книжное общество, 1958. 420с.

³ Садаков М. А. П.Н. Луппов-первый историограф Удмуртии (1867–1949) // Записки. История. Экономика. Вып. 20. Ижевск, 1968. С. 218.

⁴ Там же.

раннего детства вращался в кругу крестьян и видел их радости и беды, наблюдал за особенностями крестьянской психологии и мировоззрения¹.

Обучение в 1887–1889 гг. в Казанской духовной академии, где среди студентов пропагандировались идеи общественно–политического течения – народничества, окончательно закрепило в Луппове чувство гуманности к простому люду и побудило его встать на путь служения народу. Однако администрация исключила студента за его вольнодумные мысли из стен учебного заведения. В 1889 г. Павел вернулся домой. В Вятке он устроился статистиком губернского земства по изучению крестьянских хозяйств Сарапульского уезда. В ходе этой работы Луппов получил новые сведения по истории удмуртов. В 1890 г. занял вакантное место учителя в селе Дебесы, где близко познакомился с удмуртами и стал свидетелем их притеснений и гонений со стороны власти и церкви. Здесь сформировалась еще одна задача – помогать удмуртам. И эта помощь выразилась в том, что Луппов начал изучать малоисследованную историю народа. Для осуществления этой работы ему нужны были соответствующие знания, поэтому в 1893 г. Павел Луппов снова стал студентом. Он поступил на третий курс Московской духовной академии. По завершении академии для своего кандидатского сочинения выбрал тему, посвященную истории удмуртского народа. Она вызвала недоумение его руководителя – известного историка русской церкви А. А. Голубинского. «Почему же Вы хотите писать о вотяках, разве Вы сами вотяк? – спросил он своего студента. – Нет – ответил будущий ученый, – я русский, но больше года работал среди этой народности, мне она понравилась, литература о ней очень скудна»².

Павел Николаевич в течение десяти месяцев изучал архивные материалы. Нашел сотни дел с документами, с которыми до того времени никто из исследователей не работал. В 1895 г. представил объемную рукопись «Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века». Руководитель с первого чтения высоко оценил труд ученика, как заслуживающий не только кандидатской, но и следующей – магистерской степени. Однако предельное чувство долга и справедливости заставило П. Н. Луппова отбросить все дела, связанные с защитой диссертации и включиться в Мултанский процесс (1896 – 1898 гг.) на стороне защиты. Как специалист-архивист Павел Николаевич систематизировал и подверг анализу огромный пласт источников, которые опубликовал в книге «Громкое дело мултанских вотяков, обвиняемых в человеческих жертвоприношениях». В этой работе он доказал невиновность удмуртов. Лишь в 1899 г. П. Н. Луппов представил магистерскую диссертацию к защите. К этому времени ее текст был уже опубликован книгой.

Работа над историей удмуртского народа настолько увлекла Павла Николаевича, что и после защиты магистерской диссертации он продолжил собирать архивные материалы по истории удмуртов, тем более, что в 1896 – 1917 гг. работал в Синодальном училищном совете. Результатом этой работы стало издание второй части сочинения «Христианство у вотяков в первой половине XIX века». По мнению современных исследователей, эти два фундаментальных труда стали поистине лучшими работами П. Н. Луппова по истории удмуртов³.

Октябрьская революция внесла коррективы в научную деятельность П. Н. Луппова. Работая в Московском и Главном управлениях архивного дела, затем в Вятском губернском архивном комитете, он по-прежнему собирал материал для обобщающей работы по истории удмуртов. Тем более, что недоступные ранее архивные фонды многих царских ведомств и министерств были предоставлены ученым. Однако после установления советской власти в Вятской губернии на открывавшиеся обществу архивы, никто не обращал серьезного внимания. Многим казалось, что бумаги, написанные при царском режиме, вредные и ненужные, а стало быть, их следует уничтожить. Павел Ни-

¹ Гришкина М. В. Слово к читателю // П.Н. Луппов. Христианизация у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 8.

² Гришкина М. В. Луппов – выдающийся историк Удмуртии и удмуртского народа // Материалы научно-практической конференции «К 130-летию со дня рождения П. Н. Луппова». Ижевск, 1998. С. 8–9.

³ Бердинских В. А. Историк на грани эпох. Павел Луппов – первый историк удмуртского народа. Ижевск, 1991. С. 66.

колаевич, понимая какое большое значение для исторической науки имеют архивные материалы, немедленно взялся за их спасение и приведение в порядок. О трудностях этой работы он писал: «Исполнение каждого дела требовало затраты большой энергии и большого количества времени. Чернила, бумага, бечевка, нитки – добыть все было невозможно»¹. Ученый часто голодал, не имел в квартире света, тепла. Тем не менее, сделано было много, и деятельность П. Н. Луппова явилась воистину героической. Результатом этой работы, в частности, явилось составление Павлом Николаевичем сборника «Удмурты в XV–XVII веках», опубликованного книгой в 1958 г. Эта книга содержит документы по истории, экономике, этнографии удмуртского народа.

П. Н. Луппов был исследователем широкого профиля. Как настоящий краевед помимо архивных документов он привлекал и другие источники: рассказы старожилов, личные наблюдения. Так в 1929 г. П. Н. Луппов побывал в селе Агрыз ТАССР, в Юськинской, Завьяловской волостях УАО, где расспрашивал старожилов о событиях Пугачевского восстания и быте непрременных работников. Таким образом, он дополнил историю удмуртского народа новыми сведениями.

С 1922 г. по 1947 г. являясь преподавателем и сотрудником НИИ краеведения при Вятском педагогическом институте, Павел Николаевич разработал методику краеведческой работы. Сущность этой методики заключается в следующем: на первом плане должно быть собирание и учет первоначального материала, затем анализ собранного, установление связи между фактом и явлениями, далее следует классификация материала по группам, описание наблюдаемых явлений и предметов, научное обобщение и синтез. Опираясь на данную методику, он проводил большую краеведческую работу со своими студентами. В 1924 г. по разработанной программе в порядке опыта он провел летнюю практику студентов в отдельных районах Вятского края, которые собирали историко-фольклорный материал. Такой опыт работы обладал огромным образовательно-воспитательным потенциалом. Помимо методического обучения, П. Н. Луппов в каждом ученике пытался воспитать будущего историка, краеведа, обладающего обширными знаниями, крепкой методической подготовкой и большой любовью к изучаемому краю и его населению.

При этом Павел Николаевич являлся не только талантливым историком и краеведом, но и человеком невероятно доброй души. Вот что вспоминает Г. Ф. Чудова (известный в Кировском краеведении библиограф) о своем учителе: «Павел Николаевич был настоящим наставником и учителем по краеведению. Помню, как пришел он попрощаться со мной накануне своего отъезда из Кирова в Ленинград к детям в 1947. Я лежала в комнатухе общежития библиотеки им. Герцена. Он от души пожелал мне скорейшего выздоровления и успехов в краеведческой работе, просил писать ему в Ленинград. Прощаясь, поднялся со стула, а по морщинистым щекам ползли слезы»².

П. Н. Луппов прожил долгую и плодотворную жизнь. Историк-архивист, практик-краевед, активный деятель просвещения, магистр богословия (1899), доктор церковной истории (1913), доктор исторических наук (1944). Кстати, последняя искомая степень была присуждена ему без формальной защиты. Павел Николаевич – автор более 250 изданных книг и статей, а также ряда неопубликованных трудов, посвященных истории Удмуртии и Вятского края. На материале выявленных архивных документов в архивохранилищах Москвы, Ленинграда, Кирова, Казани, Горького, Перми, Уфы, Ижевска создал собственную концепцию истории удмуртского народа и Вятского края феодальной эпохи. Работы П. Н. Луппова обладают удивительной живучестью. И в настоящее время они не утратили актуальности. Умение автора затрагивать жизненные темы, волнующие умы читателей, проследживается во всех его книгах. Именно поэтому в настоящее время ученые все чаще обращаются к ним в ходе написания своих исследовательских работ.

© Паранина Е. В., 2008.

¹ Чудова Г. Ф. В те далекие годы. Киров, 1981. С. 12.

² Гришкина М. В. Луппов П.Н. // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 464.

Проблема выбора жизненных стратегий в молодежной среде (опыт Удмуртской Республики)*

В настоящее время в России оформились две ключевые модели адаптации – «стихийно-общественная», проявляющаяся в выборе населением жизненного пути, обеспечивающего материальное и социальное благополучие, и «государственная», направленная на удовлетворение государственных интересов. При этом стремление государства направить активность граждан в ту или иную область может не совпадать с интересами населения. К примеру, несмотря на призывы руководства Удмуртской Республики к сельской молодежи возвращаться после учебы в село, молодые люди идут на это в редких случаях. Зачастую неэффективность внутренней политики по созданию наиболее эффективных и социально приемлемых стратегий адаптационного поведения обусловлена применением «инженерных» методов к решению социальных вопросов, когда за основу берутся количественные показатели, но слабо учитывается гуманитарная составляющая, комплекс исторически сложившихся культурных особенностей населения страны. А ведь роль государства и общественных институтов как раз и состоит в создании условий, обеспечивающих поиск и реализацию наиболее эффективных и социально приемлемых стратегий адаптационного поведения. И, прежде всего, это необходимо для молодого поколения, которое стоит перед выбором жизненного пути.

Все вышеперечисленное делает актуальным рассмотрение предпочтений молодежи в определении жизненных траекторий, анализ основных факторов, определяющих выбор подрастающими поколениями различных моделей поведения с учетом региональной специфики на примере полиэтничной Удмуртской Республики**. В основу статьи легли совокупные материалы, полученные в результате социологического мониторинга студентов основных средних и высших учебных заведений Удмуртии, а также данные, собранные во время этнографических экспедиций в Глазовский, Дебесский, Каракулинский районы Удмуртии, проводившихся в 2006 – 2008 гг.

При рассмотрении понятия «адаптация» автор придерживается определения, рассматривающего его как «процесс поведенческого освоения резко меняющейся среды... деятельность по «выживанию» в ней»¹. Набор адаптационных ресурсов у каждого человека может быть различным и индивидуальным, и для достижения своих жизненных целей он может использовать различные виды ресурсов, взаимозаменяя и дополняя их. При этом не всякий адаптационный ресурс может быть превращен в капитал, дающий человеку возможность материального обеспечения и социального роста. Стоит отметить, что пока не сложилось единственного варианта типологии ресурсов. Отечественные исследователи обычно выделяют образовательный, профессионально-квалификационный, информационно-культурный ресурс адаптации, а также ресурс социальных связей².

Зарубежные рассматривают их несколько шире, выделяя, прежде всего, финансовые ресурсы (деньги, а также другие финансовые инструменты, в т.ч. акции, инвестиции, облигации и др.); физические ресурсы – все имущество, либо приносящее деньги, либо заменяющее их (квартиры, машины, земельные участки, бытовая техника и т.д.); человеческие ресурсы – все знания и умения человека, которые он может мобилизо-

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптационные ресурсы и практики народов Камско-Вятского региона в условиях российских трансформаций».

** Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., количество русских в Удмуртии составляет 60,1%, удмуртов – 29,5%, татар – 7,0%.

¹ Готлиб А. С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология. 2000, № 12. С. 11.

² Логинов Д. М. Высшее образование как ресурс адаптации населения к социально-экономическим изменениям в современной России / Автореферат дисс... канд. эконом. наук. М., 2004. С. 11.

вать для решения жизненных проблем; наконец, социальные ресурсы, включающие отношения между людьми¹.

Заметим, что значение социального ресурса одно из наиболее важных, поскольку умелое пользование им позволяет восполнить недостаток других ресурсов. Примеров этому можно привести большое количество. Так, непростая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в сельской местности в последнее десятилетие привела к тому, что селяне вынуждены искать работу в городах, где объективно больше возможностей для поиска работы с приемлемой оплатой труда. Деревенский житель при переезде в город старается использовать тот социальный капитал, который был наработан ранее. Это выражается в обращении за помощью к родственникам и односельчанам, переехавшим в город ранее. Используется и этнический фактор в качестве социального ресурса: по частной инициативе С. М. Бабинцева, который несколько лет был коммерческим директором Глазовского пищекомбината, приоритет при устройстве на работу на комбинат отдавался удмуртам. Это встречается и на ряде других предприятий, где руководителями являются удмурты². Хотя сами удмурты считают, что татары гораздо чаще и смелее используют этнические связи в деловой сфере.

Думается, что чем больше связей и взаимозависимости между индивидами, включенными в различные сетевые взаимодействия (в том числе принадлежность к одной культурной общности), то тем большим социальным ресурсом они обладают, поскольку увеличивается «доступ человека к товарам и информации»³.

А. Г. Левинсон в своем исследовании среди возможных вариантов социализации молодежи выделил следующие институты, как вуз, армию и «зону» (обобщая под этим термином учреждения пенитенциарной системы)⁴. В данной работе подробнее остановимся на выборе молодыми людьми стратегий жизненного развития, проходящих через учебные заведения и армию, как стержневых траекторий социализации. Во-первых, примерно с середины 90-х годов образование, прежде всего высшее, становится необходимым условием получения относительно хорошо оплачиваемых и престижных рабочих мест⁵. Соответственно, и среди населения растет осознание важности получения образования для дальнейшего жизненного роста⁶. Во-вторых, как отмечается, армия в российском обществе «играет непропорционально значительную социальную роль, влияя, как на отдельного индивида, так и на общество в целом»⁷. Стоит только вспомнить, какой «всенародный» размах приобретает празднование Дня пограничника, десантника или военно-морского флота.

В то же время, рассмотрим и такой институт социализации, как тюрьма, или «зона». Очень часто в среде молодых людей присутствует увлечение воровской, блатной романтикой. В подростковом возрасте особенно большое значение имеет мнение и пример авторитетных людей. И ими также могут становиться люди с тюремным прошлым, выделяющиеся среди остальных взрослых, привлекающие особым жаргоном, нестандартным поведением, упором на такую привлекательную грубую силу. Особенно характерно это было для 90-х гг. XX в., когда героями для молодежи повсеместно становились «братки», вору «в законе» и т.д. К сожалению, это привело к тому, что тюремные слова, поведенческие установки, «жизнь по понятиям» вошли в нашу повседневную жизнь. Беспокойство в этой связи вызывает то обстоятельство, что некоторая часть молодежи может воспринять воровскую жизнь, «зону» как возможность повышения своего социального статуса (пусть и в рамках узкой социальной группы) и поиск способов для относительно легкого и быстрого обогащения. Это тоже привлекает юношей и девушек, особенно в условиях, когда возможности материального и социального роста у индивида ограничены.

В связи с этим хочется остановиться на следующем примере. В с. Каракулино Удмуртской Республики есть район, называемый в народе «Ильинская гора», резко

¹ Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. 2002. № 2. С. 95-97.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ. Оп. 2-Н. Д. 1495. Л. 7.

³ Бюссе С. Указ. соч. С. 97.

⁴ Левинсон А. Г. Армия как институт социализации // Общественные науки и современность. 2004. №4. С. 63.

⁵ Логинов Д. М. Указ. соч. С. 9.

⁶ Левинсон А. Г. Указ. соч. С. 67.

⁷ Там же. С. 63.

выделявшийся на фоне остальных высоким уровнем преступности, в том числе и подростковой (думается, такие районы есть во многих российских населенных пунктах). Это послужило одной из причин организации в данном районе молодежного клуба «Спутник», в котором школьники в свободное время могли заниматься спортом, творчеством, участвовать в мероприятиях, организуемых волонтерским отрядом. И деятельность клуба дала свои плоды: произошло снижение преступности, дети стали ездить на соревнования, как отмечают работники клуба «они увидели другую жизнь, перед ними появились иные перспективы в жизни»¹.

Таким образом, попадание на «зону», в условия пенитенциарной системы – это все же маргинальная, крайняя траектория жизненного пути, однако достаточно актуальная для России. Вариант борьбы с этим видится в необходимости давать молодым людям (особенно из групп риска) возможность альтернативы жизненного развития и самовыражения, в том числе через спорт, учебу, службу в армии. Конечно, данный вывод может показаться несколько упрощенным, поскольку действительность гораздо более сложна и многообразна, тем не менее, предложенный механизм апробирован и достаточно эффективен.

Как известно, накопление социального капитала у человека начинается с рождения и продолжается в ходе всей жизни. В процессе социализации определяющими оказываются взаимоотношения в семье, прежде всего между родителями и детьми. Благодаря этим отношениям человеческий капитал родителей (образование, жизненный опыт) передается детям². Таким же образом родители оказывают влияние и на выбор детьми образовательных стратегий. Родители стремятся по мере своих сил дать детям больше возможностей для успешной адаптации к жизненным условиям. Конечно, каждый это понимает по-своему, однако большинство придерживается того мнения, что многое зависит от полученного образования. В каждой семье эта проблема решается по-своему, но даже в сельской местности родители начинают задумываться о необходимости получения детьми качественного и престижного образования. Например, это выражается в стремлении выбора той школы, где дается хорошая подготовка, и готовности платить за дополнительное обучение³. К тому же в Удмуртской Республике наиболее одаренная и способная сельская молодежь имеет возможность учиться в колледжах и гимназиях, расположенных в крупных райцентрах. Качество подготовки в них гораздо выше, чем в обычных школах, а проживание в интернатах позволяет получить хорошее образование детям из отдаленных деревень.

Следует отметить, что по результатам социологического исследования учащейся молодежи⁴, половина учащихся при выборе учебного заведения руководствовалась желанием работать по выбранной специальности. Примерно на десятую часть опрошенных свое влияние оказали родители. При этом у удмуртов данный показатель оказался наибольшим – 16%. Вероятно, внутрисемейные связи между поколениями в удмуртских семьях более близкие, нежели у представителей других этносов, что усиливает родительское влияние на выбор молодежи. В то же время треть всей молодежи выбирают учебу по воле случая, либо исходя из принципа доступности образования, исходя из принципа «где бы ни учиться, лишь бы учиться».

В выборе будущей профессии современная молодежь вполне прагматична. Забота о материальном обеспечении своего будущего занимает умы довольно значительного количества опрошенных – более тридцати процентов. Высокий социальный престиж и значимость будущей профессии также влияет на выбор молодых людей. Можно предположить, что значительная часть молодых людей все же под-

¹ ПМА. Сообщение *Фляк О. Н.*, С. Каракулино, Каракулинский район, Удмуртская Республика. 2008 г.

² *Коулман Д.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 132.

³ ПМА. Сообщение *Ляпунова Т. В.* с. Арзамасцево, Каракулинский район, Удмуртская Республика. 2006 г.

⁴ Социологическое исследование проводилось на протяжении 2007 г. Объектом исследования выступили студенты основных средних и высших учебных заведений Удмуртской Республики, в том числе Удмуртского государственного университета, Ижевского государственного технического университета, Ижевской государственной медицинской академии, Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко, Глазовского технического колледжа, Глазовского медицинского училища и Сарапульского радиотехнического колледжа. Всего путем заполнения стандартной анкеты было опрошено 548 человек. Для данного исследования выборку можно считать репрезентативной и достаточной, поскольку опрашивалась целевая группа студентов определенного возраста.

ходят достаточно основательно к выбору жизненной стратегии, опираясь на стремление получить материальное и/или моральное удовлетворение от будущего вида деятельности. Те респонденты, кто опирается на пример родителей или знакомых, скорей всего выбирают уже апробированную модель поведения, идут по «проторенному» пути. При этом, в выборе молодыми людьми дальнейшей профессиональной деятельности молодыми прослеживается этнокультурная специфика. Так, если суммировать ответы тех, на кого свое влияние оказал пример родителей или знакомых (прежде всего родственников), то удмурты здесь опять оказываются на первом месте – 14%, далее идут русские (8%) и татары (4%). Можно сделать предположение, что социальное взаимодействие между молодыми людьми и родственниками старших поколений у удмуртов более интенсивное, а значит и влияние последних сильнее, нежели в других рассмотренных этнических группах.

В целом, современную учащуюся молодежь можно разделить на две условные категории. К первой относятся молодые люди, достаточно ясно представляющие собственное будущее и соответственно моделирующие его. Для них образование – трамплин для дальнейшего жизненного роста (пусть порой и в виде удачного замужества), необходимый ресурс, поэтому и к выбору учебного заведения они подходят соответствующе, исходя из имеющихся в семье возможностей.

Во вторую категорию попадают те, для кого образование по большей части является самоцелью. Они учатся потому, что «так надо», «в жизни все равно пригодится», а о дальнейшем использовании полученного образования имеют смутные представления.

Как говорилось выше, армия как институт социализации оказывает воздействие как на отдельного человека, обычно на мужчин, так и на все общество в целом. Социализирующая роль армии в отношении индивида видится в приучении к дисциплине, воспитании неприхотливости, стойкости, а также воспитании особой лояльности к государству, патриотизма¹. Армия всегда неотделима от общества, и это обусловлено, прежде всего, тем, что значительная часть населения прошла через армейскую службу, кроме того, армия формирует ценностные общественные установки, влияющие также и на адаптационное поведение молодежи. Вспомним, например, что в советское время служба считалась почетной обязанностью, а не отслуживший в армии юноша считался «ущербным». Особенно четко это прослеживалось в сельском социуме, где проводы молодого человека в армию до сих пор являются одним из значимых событий в рамках деревни.

Начиная с конца 80-х гг. отношение к армии начинает резко меняться далеко не в лучшую сторону. Во многом это связано с участием Советской армии в войне в Афганистане, Чеченскими событиями, широким оглашением фактов дедовщины. Все это привело к тому, что служба в армии в глазах общества перестала быть одним из обязательных условий социализации, возмужания молодого человека. Мало кто порицал юношу, уклоняющегося («закосившего») от службы в армии. В последние годы в связи с введением новых сроков службы в армии, отменой многих отсрочек, отношение к службе в армии должно начать изменяться.

С одной стороны, понимая неизбежность службы, с другой – из-за сокращения срока службы, создания ореола привлекательности, молодые люди охотней идут в военкоматы. Показательно, что в 2008 г. среди призывников Удмуртии, желающих отправиться на службу, работникам военкомата, по их словам, пришлось проводить своеобразный конкурс². Причина этого ажиотажа во многом коренится в системе слухов о предстоящем увеличении срока службы до 2,8 лет. Например, ряд студентов Ижевского государственного технического университета, мотивируя свое нежелание идти учиться в магистратуру, отмечали, что после окончания учебы им придется служить почти три года. Хотя, как было сказано в одном из районных военкоматов «официального подтверждения данного слуха не поступало»³.

¹ Левинсон А. Г. Указ. соч. С. 63.

² Особенности весеннего призыва – 2008: ижевчане проходили в армию по конкурсу // Центр. 2008. № 29. С. 5.

³ ПМА. Сообщение Будин А. Д., с. Дебесы, Дебесский район, Удмуртская Республика. 2008 г.

В то же время сказать, что все призывники идут на службу только из-за страха негативных последствий – значит погрешить против истины. Многие сознательно выбирают армию, как институт дающий возможность социального роста, особенно для тех ребят, кто живет в сельской местности. Помимо приобретения настоящих «мужских» качеств (силы, выносливости, приобретения навыков работы с техникой), повышения социального статуса, отслуживший в армии получает больше возможностей при устройстве на работу, скажем, в нефтедобывающие компании, на железную дорогу и т.д. Конечно, специальности при этом будут в основном рабочие, но это дает стабильный и неплохой заработок. Кроме того, есть возможность остаться служить по контракту. Хотя, как отмечают работники военкомата, служить по контракту идут не совсем охотно – сказывается специфика работы, но они уверены, что количество контрактников будет расти. Вот что сказали нам военкомате: «Мы ждем увеличения количества людей, желающих служить по контракту, поскольку работы в деревнях района становится все меньше, хозяйства хиреют, поэтому многим просто пойти работать будет некуда»¹. Следовательно, армия дает определенной части молодых людей возможность адаптации, прежде всего для выходцев из российской глубинки, малых городов и деревень, где всегда более узкий спектр адаптационных стратегий и жизненных шансов, нежели в крупных городах с развитой инфраструктурой.

Таким образом, можно сделать ряд выводов об особенностях адаптации современной молодежи:

1. определение и выбор жизненных стратегий в наше время – прерогатива самого молодого человека и его родителей. Именно семейный коллектив представляет собой основную социализирующую среду, в том числе и в воспитании адаптационного потенциала ребенка.

2. на региональном уровне значительную роль продолжает играть этнический фактор. Все этнические группы демонстрируют существенные отличия в выборе стратегии и тактики адаптации.

3. предлагаемые государством стратегии и практики адаптации для молодежи должны носить не только декларативный характер, но и поддерживаться социальными гарантиями с учетом региональной специфики.

© Поздеев И. Л., 2008.

Р. Ф. Салимьянов

Первые сообщения о вовлечении башкир в сферу горнорудных промыслов в трудах авторов XVIII в.

Как известно, территория Урала в XVIII в. становится металлургическим центром России, хотя первые горные заводы появились здесь уже в к. XVII в. Уральский регион к этому времени был населен представителями различных этносов и этнографических групп – башкирами, удмуртами, манси, коми и др., однако самым многочисленным коренным населением рассматриваемого региона, по общему признанию исследователей, был башкирский народ².

С самого начала горнозаводского освоения края вотчинные земли башкир и других жителей края стали объектом интенсивной горнозаводской колонизации. Поэтому на начальной стадии строительства горных заводов они оказывали активное сопротивление: скрывали известные месторождения железных и медных руд, не допускали на свою землю геодезистов, разгоняли работников рудников, разрушали и сжигали сооружения и т.д. На этот факт не однократно указывают в своих трудах авторы XVIII в. В частности, главный начальник уральских и сибирских заводов В. И. Геннин подробно описывает события, связанные с освоением Гумешевского месторождения медной руды и строительства Полевского медеплавильного завода. В «Описании уральских и сибир-

¹ ПМА. Сообщение Будин А. Д., с. Дебесы, Дебесский район, Удмуртская Республика. 2008 г.

² История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989, С. 10.

ских заводов» он пишет: «А в 1718-м году, июня 10-ого дня, Гельжеутской волости башкирцы Чюбар Балагушев с товарищи, собрався многолюдством, и на том руднике то все строение выжгли и работных людей согнали»¹. Царское правительство и местные власти, заинтересованные в развитии горнозаводской промышленности, первоначально предпринимали жесткие меры пресечения «помешательств» башкир. Были изданы указы, запрещающие башкирам препятствовать строительству горных заводов и разработке рудников, и направлены уфимским властям. Получив их, граф И. О. Головкин и уфимский воевода И. Е. Бахметев на все четыре башкирские «дороги» отправили представителей уездной власти с призывом к местному населению не оказывать сопротивления в разработке рудников, а также ознакомить башкир содержанием вышеназванных указов.

После возвращения представителей Головкин и воевода Бахметев писали В. Н. Татищеву о приезде в Уфу Чубара Балагушева с «товарищи». Башкиры Сальютской волости заявили, что не будут устраивать «помешательства» при строительстве заводов и оформили это юридически, поставив свои подписи². Однако и после обращения властей с просьбой не оказывать сопротивление горным властям местное население продолжало выражать свое недовольство. Вскоре после приезда на Урал, Генин лично столкнулся с этой проблемой.

Отряд геодезистов, отправленный для поиска руд в бассейне речки Полевой, был, подвергнут нападению со стороны башкир. Этот случай особенно запомнился начальнику горных заводов, поскольку оставленный практически один, убежавшими солдатами и рабочими, на месте постройки нового завода, он серьезно испугался за свою жизнь³. Незадолго до этого происшествия Геннину, находившемуся на Уктусском заводе, рудный промышленник Федор Молодой сообщил, что башкиры, живущие по реке Чусовой, сожгли помещения строящегося комиссаром Бурцевым завода⁴. Порой недовольство коренного населения доходило до попыток покушения на жизнь горных работников. В частности, Генин сообщает, что башкиры нападали на геодезистов, направленных на поиски руд в бассейн реки Полевки. Для освоения этого района месторождения руды были построены фортификационные сооружения и приставлены солдаты. Эта оборонительная линия, состоящая из земляного вала и надолбов, получила название Горный Щит. Только после постройки Горного Щита башкиры по его словам «пришли в страх» и поставили свои тамги с обещанием больше не оказывать сопротивления⁵.

О недовольстве коренного населения развернувшимся горнозаводским освоением края упоминает и другой автор XVIII в. академик И. И. Лепехин. В «Продолжениях дневных записок» он сообщает, что башкиры «будучи отовсюду окружены заводами, имеют также не малую склонность в приискивании руд, однако редко обыскные им руды объявляют по причине некоторых иногда случающихся притеснений от заводчиков, и рудоискатели нередко принуждены бывают от своих земляков разные сносить угрозы, а временем и побои, но не большое воздаяние все претерпенное вскоре забывать их принуждает»⁶.

Решающую роль в вовлечении местного населения, в том числе и башкир, в сферу горнозаводского освоения Урала, сыграли Берг-привилегия (1719), Берг-регламент (1739) и указ от 25 мая 1754 г.⁷. Содержания двух последних указов во многом повторяли основные положения Берг-привилегии. Согласно Берг-привилегии, каждому, независимо от сословной и этнической принадлежности разрешались поиски и добычи руд и минералов. Обнаружив месторождение руды, «сыскатель», должен был объявить о находке и предоставить пробу руды определенным от Берг-коллегии берг-офицерам. Если образцы найденной руды удовлетворяли требованиям, то рудоискателям Берг-коллегия выдавал документ, подтверждавший право на разработку рудника. Более того, получившим такое подтверждение,

¹ Генин В. И. Описание уральских и сибирских заводов 1735. М., 1937, С. 507.

² Там же. С. 508.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 508.

⁵ Там же. С. 509-510.

⁶ Продолжение дневных записок... // Исследователи-путешественники о Башкортостане. XVIII в. Уфа, 2007, С. 165.

⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV, Ч. II, М., 1956, С. 585-588.

государство отводило земельную площадь в 250 квадратных сажен. Рудопромышленникам, сумевшим построить заводы на этих землях, государство гарантировало неприкосновенность предприятий и передачу их по наследству потомкам.

Относительно башкир занятых рудными промыслами Геннин пишет: «В 720-м году по прибытии от артиллерии капитана Татищева и бергмейстера Близера оное горное дело паки начато к размножению и к сысканию рудных мест, из которых обысканы рудники: 1) Мулинский в Уфинском уезде близ татарской деревни Каяновой, 2) Юговской, 3) Гаревской да рудник Чашинской в вотчине господ баронов Строгановых сыскан татаринном Избулатом Байдосовым в 728-м»¹. Как известно, Мулинский рудник располагался в вотчинных землях башкир Гайнинской волости. Поэтому местное население активно привлекалось к поискам месторождений руд. В дальнейшем башкиры этой волости стали не только участвовать в поиске руд, но и разрабатывать найденные месторождения.

Дальше Геннин в своем труде проливает свет на имя открывшего Мулинский рудник: «При Ягушихинском же заводе сыскана медная руда в ельнике при татарской деревне Коянове в 1734-м году в мае месяце через татарина оной деревни Тасимом Маметова, расстоянием от той деревни в 5, а от Егушихи в 35 верстах. Она лежит не в большой горе великими гнездами, и через 5 месяцев семью человеки добыто той руды с 60 000 пуд, и идет оной довольно. Тое руду добывает означенной татарин Тасим с товарищи своим коштом для поставки на казенные заводы за заплату с выплавленной ис той руды чистой меди против протчих рудопромышленников по пяти копеек с фунта»². Этническую принадлежность Тасима Маметова автор определяет не правильно и называет его татаринном, поскольку, будучи иностранцем, Геннину сложно было отличить татар от башкир. В «Топографии Оренбургской губернии», где имеются сведения о горных заводах на территории Башкирии, П. И. Рычков сообщал о занятии башкир рудными промыслами, что они «не только помешательств и препятствий ни в чем им не чинили, но и сами, узнав свойство руд, из награждения им объявлять стали, а многие из платы и возкою на завод руды промышленять возохотились»³. Скорее всего сообщение П. И. Рычкова о положительном отношении башкир к горнозаводскому строительству связано с желанием автора подчеркнуть успехи в освоение территории Оренбургской губернии.

После сообщений П. И. Рычкова информация о занятии башкир горными промыслами имеется в трудах участников академических экспедиции 1768-1774. В частности об этом сообщает руководитель одной из академических экспедиций академик И. И. Лепехин. В ходе путешествия им был собран богатейший материал о природе и населении Башкирии, где освещается также занятие башкир горнорудными промыслами. К этому следует добавить и то, что И. И. Лепехин в 1770 г. осмотрел 33 завода. В частности он посетил Симский, Катав-Ивановский, Саткинский, Юрюзань-Ивановский, Усть-Катавский, Белорецкий, Авзяно-Петровский и другие, расположенные в башкирских землях. Так, описывая Каноникольский завод, И. И. Лепехин пишет, что «башкирцы, как народ гулящий, так и заводный лошадыми, за малую цену возят руду и другие заводские потребности»⁴. И. И. Лепехин, высоко оценивал заслуги башкир в становлении горных заводов. «Можно по справедливости об них сказать, – писал он – что медные и железные заводы в Урале так же и выгодные к тому места по большей части башкирцам долженствуют»⁵. Другой участник академических экспедиций П. С. Паллас в отчетах в Академию наук писал, что башкиры приносили ему образцы руд и минералов. Среди этих образцов он указывает и на руду содержащую серебро⁶. Несмотря на то, что занятие горнорудными промыслами в хозяйственной жизни коренного населения Башкирии играло сравнительно не большую роль, тем не менее, участие башкир в этом деле получило освещение в трудах многих авторов XVIII века.

© Салимьянов Р. Ф., 2008.

¹ Геннин В.И. Указ. соч. С. 568.

² Там же. С. 572.

³ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999, С. 280.

⁴ Продолжение дневных записок... С. 195.

⁵ Продолжение дневных записок... С. 165.

⁶ Научное наследие П. С. Палласа. Спб., 1993. С. 127, С. 152-153.

Из истории г. Давлеканово

История становления и развития города Давлеканово интересна тем, что в ходе исторического развития Давлеканово несколько раз становилось городом, и несколько раз теряло свой статус. В настоящее время в связи с укреплением местного самоуправления возрос интерес к истории населенных пунктов, ставших центрами муниципальных округов. В статье предпринята попытка рассмотреть историю превращения Давлеканово в город. История этого города изучена недостаточно. Общие сведения о городе Давлеканово представлены в многотомном исследовании А.З. Асфандиярова «История сел и деревень Башкортостана»¹. В данной работе автор уделяет также большое внимание вопросам основания и развития сел и деревень, расположенных на территории Давлекановского района.

Основными источниками являются документы, которые хранятся в Центральном Государственном Историческом Архиве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ) в фондах: Материалы о преобразовании рабочего поселка Давлеканово в город². Журнал Уфимского Губернского по земским и городским делам присутствия³. Постановления Президиума Башкирского ЦИК⁴. В этих фондах представлены обширные материалы по изучению промышленности, городского хозяйства, демографии и развития социально-культурных учреждений.

Город Давлеканово как поселение башкир Кыркули и Уршак–Минской волости берет свое начало с 30-50-х годов XVIII века. Основание и название связаны с именем вотчинника Давлекана Сыртланова, имя которого впервые упоминается в одном документе за 1735 год.⁵ Деревня Давлеканово еще раз упоминается в записи о кортоме кыркули – минской земли служилым татаринном Аюханом Уразаевым в 1780 году. В этой сделке участвовали ее жители Адиль Шальеров, Маметей Мамыков. В материалах 7-й и 8-й ревизий Маметей фигурирует как помощник юртового старшины, который жил в 1746-1820 гг. Там же можно найти сведения о сыне, внуках и правнуках первопоселенца. Двоеженец Чунтай Давлеканов (1753-1820) имел сыновей – Кунакбая, 1779 г.р., Кутлубая 1799 г.р., внуков – Мурзагарея 1824 г.р. и Даута 1831 г.р. Отметим и долгожителя – Бабасана Муллагулова (1738-1820). Один из близких людей первопоселенца – отставной зауряд-есаул Давлетчура Сафарович Давлеканов в 1834 году был зафиксирован 72-летним. О развитии Давлеканово имеются следующие статистические данные. В 1795 году в 33 дворах взято на учет по 92 мужчины и женщины. В 1816 году было 284, в 1834 г. – 362, в 1850 г. – 412, в 1870 г. – 388 башкир⁶.

С проведением Самаро-Златоустовской железной дороги, увеличился поток переселенцев, которые оседали в окрестностях деревень Давлеканово и Иткулово. Рядом с одноименной деревней образовался Давлекановский поселок, который впервые был учтен в 1895 году 12-дворовым поселением, состоявшим из 43 мужчин и 37 женщин. В 1902 году поселок состоял уже из 54 дворов. Представляет большой интерес и этнический состав жителей поселка. В 1917 году здесь проживали представители 16 национальностей: русские, башкиры, немцы, украинцы, поляки, мордва, евреи, татары, белорусы, латыши, чувашы, чехи, эстонцы, цыгане, швейцарцы, голландцы.

Между 1917 и 1920 гг. произошло слияние башкирской деревни Иткулово с поселком, образовался поселок городского типа. Иткулово – поселение башкир – припущенников из Бурзянской волости Верхнеуральского уезда. Он был основан ими в 1797 году на земле вотчинников Кыркули-Минской волости во главе с Иткулом Бускуновым (1746-1834), выехавшим из д. Туркменево (ныне Баймакского

¹ Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 7. Уфа, 1997.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 1.2.3.

³ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1.

⁴ Там же. Ф. Р-798. Оп. 1.

⁵ Асфандияров А. З. Указ.соч. С. 158.

⁶ Там же. С. 159.

района)¹. Такой же процесс идет между поселком и деревней Давлеканово. В 1920 году в поселке вместе с деревней Давлеканово было учтено в 816 дворах 5919 человек. Среди них русские занимали большинство.

Благодаря выгодному географическому положению, станция Давлеканово вскоре стала центром района, оказывая свое влияние на дальнейшее развитие прилегающей территории. К ней стали экономически тяготеть многие соседние волости и уезды. Здесь организовался значительный хлебный рынок, регулярно устраивались крупные ярмарки. В Давлеканово размещался крупный ссыпной пункт. Так как переработка зерна на месте была незначительна, оно главным образом вывозилось на запад. Только за 1908 год со станции было вывезено свыше 2 млн. пудов зерна (всего из Уфимской губернии 6 млн. пудов).

Переселенцы сыграли большую роль в развитии промышленности и торговли города. Ими были построены первые крупные вальцевые мельницы, склады сельскохозяйственных машин, торговые учреждения. Со строительством крупных мельниц в Давлеканово зарождается мукомольная промышленность. Этим делом занимались товарищества «Якорь», «Прогресс», «Труд» и другие. В 1913 году за счет ссуды Государственного Банка предприниматели построили элеватор емкостью в миллион пудов. Давлекановские мельницы и элеваторы были высокомеханизированными предприятиями. Оборудование в основном закупалось в Германии, Англии, Швейцарии и США². С начала XX в. Давлеканово становится крупным торгово-промышленным центром. В 1913 году более 30% населения занималось торговлей. В поселке насчитывалось 114 каменных и 884 деревянных жилых домов, 366 торгово-промышленных заведений с годовым оборотом за 1913 год в 17 млн. руб. Численность населения в 1913 году составило 15500 человек. И на основании прошения местных жителей от 21 декабря 1913 года было заведено дело о преобразовании поселка Давлеканово в город³.

Затем это прошение Министерством внутренних дел Российской Империи было передано Губернатору Уфимской губернии с предложением собрать надлежащие сведения. Сведения эти, предоставленные Белебеевским уездным Управлением от 27 ноября 1914 года, были рассмотрены Уфимским Губернским по земским и городским делам Присутствием, которое постановило: «дать по существу ходатайства о введение в поселке Давлеканово городского положения»⁴. Но документы о решении Министерства внутренних дел по поводу переименования села Давлеканово в город в 1914 году пока не обнаружено. Надо отметить, что в 1914-1918 годах на территории Российской Империи шла война. И в связи с этим, наверное, этот вопрос был отложен.

В марте 1917 года в результате Февральской революции и свержения монархии к власти пришло Временное правительство, история о присвоения поселку Давлеканово городского статуса получила неожиданное развитие. В Уфимский Губернский Комитет поступил протест Казангуловского Комитета, в котором выражалось несогласие с преобразованием Давлеканово из поселка в город. Возникла она на основании прошения уполномоченных Курманкеевского сельского общества Хуснутдина Хамзина и Мухаметгирия Шангареева, где приводились следующие доводы: «Граждане, живущие на арендованных усадьбах частью у нашего общества, а частью у отдельных домохозяев нашего общества, не возобновляют сроки аренды и не уплачивают большинством аренду»⁵. Таким образом, Курманкеевское общество, которое состояло из деревень Старо и Ново-Курманкеево и Иткулово, боялось отчуждения своих земель. Со своей стороны Казангуловский Волостной комитет добавил к прошению Курманкеевского общества свои причины о нецелесообразности преобразования поселка Давлеканово в город: «ввиду малоземелья, неизбежных налогов и возможности двоевластия в пределах волости»⁶.

В связи с этим Уфимский Губернский Комитет от 14 июля 1917 года просит Уфимского губернского комиссара, который правил в Уфимской губернии от име-

¹ Асфандияров А. З. История одной деревни. Совет Башкортостаны. 1985. 31 марта.

² Асфандияров А. З. История сел и деревень... С. 156-160.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 27. Л. 120.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 27. Л. 121-121 об.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 32. Л. 79

⁶ Там же. Л. 80.

ни Временного правительства, «сообщить, в каком положении находится дело о преобразование поселка Давлеканово в уездный город, а также дать свое заключение». На что 20 июля 1917 года был получен ответ, что «постановлением Временного правительства от 3 июня 1917 года Давлеканово преобразовано в безуездный город с наименованием «город Давлеканово» и с введением в нем городского положения на общем основании при составе Городской Думы в 31 гласных». Со своей стороны Губернский комиссариат предложил Белебеевскому уездному комиссару оказать гражданам Давлеканово содействие в образовании особого комитета для проведения выборов гласных в Городскую Думу¹.

Таким образом, Временное правительство от 3 июня 1917 года преобразовало Давлеканово в безуездный город. Об этом подтверждает решение Губернского по земским и городским делам присутствия от 27 ноября 1914 года о ведении в поселке Давлеканово городского положения. Губернское присутствие признало введение городского положения не только полезным и вполне целесообразным с точки зрения жилищно-бытовых условий и интересов населения, но и необходимым в целях подчинения надлежащим органам в основном пришлого населения, никому до сих пор не подведомственных ни в административном, ни в хозяйственном отношениях. Утверждения Казангуловского Волостного комитета о нецелесообразности преобразования поселка Давлеканово в город, по мнению Уфимского губернского комиссара, представлялись малоубедительными. В связи с чем прошение Курманкеевского общества было решено оставить без последствий².

Политические потрясения 1917 года не обошли стороной и село Давлеканово. С первых же дней Октябрьской революции началась борьба за установление новой власти. За годы гражданской войны экономика города и района сильно пострадала. Предприятия города часто бездействовали, из-за нехватки сырья, топлива. Резко сократилась продукция, выпускаемая крупными мельницами. Лишь в 1926 году мельничные предприятия города стали работать без перебоев³. Следует обратить внимание и на численный состав населения. Если в 1920 году в городе проживало 6776 тыс. человек, то к 1922 году осталось 5919 тыс. человек. Связано это было с гражданской войной и ее последствиями: голодом, разрухой. Все это привело к тому, что Постановлением Президиума ВЦИК от 31 марта 1926 года, Давлеканово стало поселком, из-за ряда причин, главной из которых было значительное уменьшения численности населения⁴.

Таким образом, начиная с 1926 года по 1942 год, во всех документах Давлеканово значится как рабочий поселок. В 1930-е годы произошли значительные социально-экономические и культурные сдвиги. Основная отрасль – мукомольная получила свое дальнейшее развитие. Старые мельницы превращались в крупные высокомеханизированные заводы. В 1929 году был построен кирпичный завод, а в 1939-м – были созданы крупные предприятия местной промышленности. А с момента организации в районе машинно-тракторных станций в Давлеканово была создана ремонтно-техническая мастерская, на ее базе был открыт механический завод, продукция которого вывозилась в Сирию, Египет, Гану, Индию, Кубу, Вьетнам. Затем это предприятие слилось с новым, авторемонтным заводом, одним из крупных предприятий в республике по ремонту автомобилей.

В области культуры и образования тоже происходили большие изменения. Как в городе, так и по району была открыта широкая сеть культпросветучреждений: театр, клубы, библиотеки, избы-читальни, красные уголки. В Давлекановском клубе успешно действовали драматический, музыкальный, литературный, танцевальный, шахматно-шашечный кружки. Большой популярностью пользовался духовой оркестр. Трудящиеся с большим желанием и энтузиазмом участвовали в художественной самодеятельности.

В начале 1930-х годов в Давлеканово из Уфы переводится сельскохозяйственный техникум «Зара» («Защита растений»), который сыграл большую роль в подготовке специалистов-аграриев. Затем были созданы школы колхоз-

¹ Там же.

² Там же. Л. 80 об, 90.

³ Латыпов М. М. И щедря, и богата // Ватандаш. 1999. № 9. С. 9.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 325. Л. 183.

ной молодежи и фабрично заводские семилетки. Давлекановское педагогическое училище за время своего существования с 1930 по 1955 года подготовило для республики более тысячи учителей, и многих известных деятелей литературы и науки. В 1930-е годы значительно улучшалось медицинское обслуживание населения. Рядом с больницей были построены здания инфекционного, терапевтического и хирургического отделений, родильный дом. Действовал противотуберкулезный диспансер¹. К 1935 году в поселке Давлеканово проживало 16300 тыс. человек. Основную часть населения составляли башкиры. По социальному составу состояло из рабочих мукомольной промышленности, железной дороги и организованных кустарей².

В связи с началом Великой Отечественной войны, несмотря на большие трудности, предприятия продолжали работать, а также создавались новые. В начале декабря 1941 года в Давлеканово была эвакуирована обувная фабрика из города Волчанска Харьковской области и уже 31 декабря начала выпускать продукцию. В 1942 году в поселке появилось Военное авиационное училище разведчиков на базе эвакуированных Гомельской авиационной школы и Таганрогской школы пилотов³. К 1940 году в Давлеканово работало 24 промышленных и кооперативно-кустарных предприятий. Основным видом производства являлась мукомольная промышленность, объединяющая 4 механических мельниц, с общей годовой производительностью 12 тыс. тонн муки разных сортов, при 236 рабочих и 16 человек служащих.

Для загрузки мельниц сырьем и приема хлеба от колхозов и совхозов имелся элеватор, емкостью 1 млн. пудов, с годовым оборотом зерна 79122 тонн. Кроме того, имелись подсобные предприятия элеватора: сушилка для зерна, механизированный амбар и склады, с общим годовым оборотом до 80 тыс. тонн в год. В 1940 году был построен еще один механизированный склад, емкостью 5000 тыс. тонн, что увеличил оборот почти на 30%. Элеватор обслуживало 326 человек рабочих и 21 человек служащих.

Мелькомбинат, состоящий из трех мельниц, основной фонд которого составляло 2 490 006 тыс. рублей, с годовой продукцией 7 540 000 тыс. рублей. Мельзавод № 3 с основным фондом 711 800 тыс. рублей, с выпуском годовой продукции 3 508 000 тыс. рублей. В мелькомбинате работало 168 человек, а в мельзаводе № 3, 74 человека, при 22 человек служащих. Маслозавод республиканского значения, построенный в 1930 году, имело основной фонд 232 800 рублей, при годовой продукции в 186 100 тыс. рублей. В заводе работало 28 человек рабочих и 6 служащих.

Кроме того, в районном центре находилось большое количество государственных и кооперативных предприятий: кирпичный завод с общей годовой производительностью до 6 млн. штук кирпича, при 25 рабочих и 4-х человек служащих; гончарный завод с общей годовой производительностью до 140 тыс. литров разных гончарных изделий, при 8 рабочих и 1 служащего; типография с общей годовой производительностью 87 300 тыс. рублей, при 11 человек рабочих и 2-х служащих; кустарно-кооперативная промышленность, объединяющая артели: «Красный Кустарь», «Красная Башкирия», «Пищевик», «Красный Боевик», «3-й год пятилетки» и «Молот». Имели годовой оборот 5 500 000 тыс. рублей при 450 человек рабочих и 32-х служащих.⁴ Общий объем валовой продукции по всей промышленности и по предприятиям характеризуется следующими показателями, кроме элеватора (см. таблицу 1).

---

¹ Латыпов М. М. Указ. соч. С. 9.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 1539. Л. 6.

³ Латыпов М. М. Указ. соч. С. 9–10.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 938. Л. 4.

Табл. 1.

Наименование предприятия	Единица измерения	Фактич. 1940 г.	План 1941 г.	Число лиц на производстве			
				Рабочие всех кат.	ИТР	Служ.	Всего
Заготовка зерна	—	—	—	300	13	21	334
Мукомольная	тыс. руб.	12.960	12.000	505	71	65	641
Кирпичный	тыс. руб.	23.0	58.5	41	1	2	44
Маслопром	тыс. руб.	323.0	323.0	35	5	4	44
Торфяное предприятие	тыс. руб.	128.0	142.0	55	4	7	66
Райпром комбинат	тыс. руб.	37.0	158.6	52	1	5	58
Райпищепром	тыс. руб.	140.0	177.6	23	—	7	30
Мясомол промкомбинат	тыс. руб.	38.0	77.0	7	—	7	14
Всего		13649.0	12936.7	1018	95	118	1231
Кооперативная	тыс. руб.	5589.0	6695.0	519	14	48	591
Всего¹		19238.0	19631.7	1539	109	166	1812

Планировка рабочего поселка прошла в 1938 году. Все строения инвентаризированы, и производство построек вновь ведется строго по плану. На 1 января 1941 года численность населения в поселке составляла 20553 тыс. человек, при наличии жилого и нежилого фондов имеющего следующие показатели (см. таблицу 2)

Табл. 2.

1. Фонды местных советов	жилых домов	109
	не жилых помещений	253
2. Прочий государственный фонд	жилых домов	29
	не жилых помещений	85
3. Фонд кооперативных и общественных организаций	жилых домов	59
	не жилых помещений	141
4. В личной собственности	жилых домов	1541
	не жилых помещений	1171
Итого домов	жилых домов	1738
	не жилых помещений	1650

Общая полезная площадь жилых домовладений составляло 102 500 тыс.м²., а нежилых 58 320 тыс.м².

Коммунальное хозяйство поселка объединяло:

1. электростанция мощностью 140 Квт;
2. баня и прачечная с пропускной способностью на 400 человек в день и прачечная 120 кг. белья в сутки. Баня обслуживалось центральным отоплением, при бане имелось парикмахерская и зал ожидания на 40 человек;
3. дом крестьянина на 50 коек, две парикмахерские с числом мастеров 10 человек;
4. ассенизационный обоз при 4-х бочках и 1 автомашина².

К 1941 году успешно развивались и социально культурные учреждения. На территории поселка действовали 4 средние и 2 начальные школы с контингентом учащихся 2383 тыс. человек; башкирское педагогическое училище с числом уча-

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 938. Л. 37.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 938. Л. 39.

щихся 343 чел., школа комбайнеров с количеством учащихся 200 чел., ФЗС маслопрома 74 чел., филиал «Союз-оргучета», дом соцкультуры на 500 мест, районная библиотека, 6 клубов при предприятиях, кинотеатр на 350 чел., 4 детских сада на 250 человек, парк культуры и отдыха. До революции Давлеканово имело одну больницу на 15 коек с 1 врачом и 1 фельдшером. На 1 января 1941 года действовало: одна больница на 125 коек, одна амбулатория, зубоучастный кабинет, тубдиспансер, малярная станция, постоянные детские ясли на 45 коек, где работало 11 врачей и 57 человек среднего медперсонала¹.

23 марта 1940 года Исполком Давлекановского поселкового совета депутатов трудящихся, обратилось с просьбой Исполкому Давлекановского райсовета возбудить ходатайство перед Верховным Советом БАССР о переименовании поселка Давлеканово в город². Это постановление было поддержано со стороны Райсовета и материалы о преобразовании были переданы в Верховный Совет БАССР³. 30 июня 1941 года на заседании Верховного Совета БАССР под председательством тов. Ибрагимов Р.К. было постановлено: «О преобразовании рабочего поселка Давлеканово, Давлекановского района в город». И вопрос был внесен на дальнейшее утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР⁴. Учитывая дальнейшие возможности промышленного развития и прирост населения, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 октября 1942 года рабочему поселку Давлеканово было присвоено статуса города⁵.

Таким образом, почти 278-летняя история города Давлеканово богата различными событиями. Этот населенный пункт, будучи основанным в начале как поселение башкир вотчинников, в ходе динамического развития в XIX, особенно в XX веке превратилось в один из мощных индустриально-экономических центров Башкортостана. Ключевым моментом в истории этого населенного пункта, который стал его движущей силой роста, явилось строительство ветки Самаро – Златаустовской железной дороги. Это вызвало большой приток переселенцев. Далее, происходит слияние с деревней Иткулово. Экономически активная часть населения из числа переселенцев, удобное географическое положение, сыграли значительную роль в развитии торговли города. Однако статус города как таковой был получен был накануне революции. С приходом Советской власти Давлеканово был переименован в рабочий поселок из-за значительного уменьшения численности населения. Вообще революция, первая мировая, гражданская война отрицательно сказались на развитии экономике города. Накануне войны с реализацией программы индустриализации, в Давлеканово, к 1940 году были построены новые заводы. Работало 24 промышленных и кустарно-кооперативных предприятий. Позже были эвакуированы предприятия из Украинской и Белорусской ССР. В начале 1940 года власти рабочего поселка вновь подняли вопрос о присвоении Давлеканово статуса города, в результате 17 октября 1942 года рабочему поселку Давлеканово был присвоен статус города.

© Самситдинов И. З., 2008.

Н. Р. Сафарова, Д. Д. Хисматуллин, Л. Г. Хуснутдинова

Путь к духовному возрождению

Религия – это форма общественного сознания, отражающая действительность через призму представлений о существовании сверхъестественных сил и потустороннего мира (рай и ад). Персонификацией сверхъестественного в сознании людей выступает Бог⁶. Во все времена развития человечества религия играла и играет огромную роль,

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 938. Л. 39. Л. 40.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 3.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 216. Л. 48.

⁵ Латыпов М. М. Указ. соч. С. 10.

⁶ Религия и церковь // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. С. 65.

особенно со времен появления классов и государств. Отношение к ней со стороны государственной власти было самое различное – от гонений до прямой поддержки.

В 1990-е гг. на волне демократизации в Республике Башкортостан коренным образом изменилось отношение к религии. Статья 30 Конституции РБ (24 декабря 1993 г.) гарантирует каждому гражданину «свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»¹. С принятием 20 июня 1991 года Закона «О свободе совести и религиозных организациях в Башкирской ССР» изменилось и положение религиозных конфессий. Начался интенсивный процесс возрождения религиозного мировоззрения, стала разрабатываться новая государственная политика в отношении религии. Открываются мечети и монастыри, работают православные приходы, восстанавливаются храмы – памятники истории и культуры края.

Сегодня христианство и ислам – две основные религии, которые исповедуют большинство населения Башкортостана. Эти религии состоят в хороших и дружественных взаимоотношениях. Процесс восстановления исламом своих общественных позиций среди христианского народа республики происходит без межнациональных и межконфессиональных конфликтов и это, пожалуй, одно из главных показателей выбранного курса по демократизации общества сегодняшнего Башкортостана.

Мы, молодое поколение, не должны оставаться в стороне от работы по нравственному возрождению общества, в которой не последнюю роль должно сыграть изучение религиозных традиций и памятников истории и культуры родного края. Именно занятия по истории и культуре Башкортостана вызывают интерес к самобытной истории каждого народа, населяющего нашу республику, помогают углубить знания о верованиях наших предков и взаимном обогащении христианской и исламской культуры и выбрать правильные нравственные ориентиры.

Город Уфа является крупным центром российских мусульман. Первым муфтием Уфы и автором многих нововведений в управлении был татарский ахун Мухамеджан Хусаинов². Что касается православия, то в 1917 г. в Уфе было 23 православных храма. Первым уфимским епископом был Амвросий Клемент, прибывший в Уфу в январе 1800 г. Интересны воспоминания писателя Б. Д. Четверикова о проведении Пасхи в Уфе: «...Красивое было зрелище, когда духовенство со свечами, с хоругвями обходило вокруг церкви, а затем священник в сверкающем праздничном одеянии выходил на крыльцо и внятно, эффектно произносил, обращаясь ко всем: «Христос воскрес!», трижды произносил, и толпа все три раза гулко, мощно отвечала ему, как полагалось согласно обряду: «Воистину воскрес!» И тут все двадцать семь церквей поднимали многоголосый целодневный, особенно напевный звон во все колокола...»³.

Одной из ключевых форм в исследовании взаимодействия двух религиозных культур является изучение архивных памятников ислама и христианства. Приведем сведения о некоторых из них.

Мечеть «Нур» города Агидель. В 2003 г. во время празднования Курбан-Байрам в городе Агидель была открыта мечеть «Нур». На церемонии открытия мечети присутствовали жители города и муфтий Европейской части России Талгат Таджутдин. До этого мечеть ютилась в непригодных помещениях. Место для возведения мечети было выбрано не случайно. До образования города здесь располагалось деревенское кладбище. По требованию обстоятельств и времени кладбище было перенесено. И как дань памяти усопших по проекту в этой части города должен был вырасти мемориальный комплекс, красивая мечеть стала венцом этого архитектурного ансамбля. Строительство мечети началось в 1999 г.

¹ Права, свободы и обязанности человека и гражданина // Конституция Республики Башкортостан / Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан. Уфа, 2007. С. 11.

² Центральное духовное управление мусульман России // Синенко С. Г. Уфа старая и новая. Популярная иллюстративная энциклопедия / Уфа: Изд-во «Башкортостан», 2007. С. 239.

³ Пасха в Уфе в начале XX века // Уфа: страницы истории / Сост. М. В. Агеева. Уфа: Китап, 2006. С. 162.

В 1991 г. по инициативе председателя городской мусульманской общины Д. З. Марварова открылось медресе «Нур». В том году первый набор в медресе составил 50 шакирдов (учеников), здесь учились студенты со всех уголков Башкортостана. В 1995, 1998 и 2000 гг. в медресе были организованы летние исламские лагеря, где молодежь Агиделя, отдыхая, получала определенные азы ислама. Сегодня в мечети «Нур» также дают уроки арабского языка и основы ислама.

Мечеть села Буздяк. Находится недалеко от одноименного города Буздяк. Без этой мечети невозможно представить жизнь не только местных сельчан, но и жителей многих деревень округа. Первоначально на месте современной мечети, по началу стоял клуб, а в 1990 г. вместо него начали строить мечеть, которая открылась 26 июля 1996 г. В первые годы посещаемость мечети было небольшая, ходили только пожилые люди, в последние годы мечеть стала посещать и молодежь. Мечеть и махалля вокруг нее стали своего рода отдушиной для проходящих в неё людей. Беседа у имама, участие в его кружке, произнесения покаяния, чтения намаза и Корана являются основным во время посещения прихожан. Интересно проходят и мусульманские праздники.

Главная мечеть города Мелеуз. С 1908 г. на одной из улиц города возвышается красивое здание мечети. На ее торжественном открытии присутствовал сам Заки Валиди, поэтому эта мечеть названа его именем. В своих «Воспоминаниях» он писал: «В начале июля 1908 года по пути в Оренбург я заехал в Мелеуз. Там жили группа татаров, насильно принявшая христианскую веру по приказу хана. Но среди них остались мусульмане, которые, воспользовавшись революцией 1905 года, смогли принять свою исламскую веру и построили огромное здание мечети. На торжественное открытие были приглашены имамы из других деревень и городов, а так же важные персоны татар и башкир. Было пожертвовано сто голов коз и коров. На столе так же был знаменитый напиток башкир – кумыс»¹.

Об этой мечети много интересного рассказывает и самый пожилой и уважаемый человек города Мелеуз Н. Н. Гаврилов: «В начале XX века из купцов нашего города самыми богатыми были татары. Именно они сделали огромный вклад в строительство, ведь до этого здесь мечетей не было. А так же им помогли чуваша, принявшие ислам».

В 1929 г. у мусульман отбирают мечеть и переделывают под кинотеатр, потом здесь находилось управление «Госбанка». А позже с 1965 по 1992 гг. работала районная библиотека. 13 марта 1958 г. в Мелеузе образовалось Мусульманское учреждение, которое на собранные деньги на Смоленской улице купили деревянный дом. На эти же деньги сделали ремонт и пользовались домом как мечетью до 1992 г. В 1992 г. имам мечети Г.З. Саитбаталов добился того, что мечеть, построенную в 1908 г., удалось вернуть. К этому времени мансара мечети была разрушена, здание, построенное полукругом, превращено в офисный дом. В 1994 г. рядом построили новую башню, а в августе 1995 г. состоялось открытие мечети, уже во второй раз. В 2000 г. построили деревянное двухэтажное красивое медресе. До 2005 г. здесь обучение прошли 395 человек: если в 1995 г. обучалось 11 учеников (шакерт), то в 2005 г. – уже 380 учеников.

Храм «Михаила Архангела». В 1990-е годы в селе Иглино открылась церковь, основанная в 1822 г., но долгое время не действовавшая. По словам очевидцев, в 30-е годы XX в. храм был закрыт, а затем разграблен, старинные росписи стёрты и закрашены. Здание использовалось под склады, затем в нем располагался кинотеатр, потом магазин. В 90-е годы XX в. по просьбе жителей села Иглино это историческое здание было передано под церковь. Предстояла огромнейшая работа по реставрации. По словам отца Алексея, «всё начали с нуля». Помогали прихожане. Удивляло и радовало то, что в возрождении православного храма принимали участия люди разных национальностей и вероисповеданий. В 1993 г. удалось восстановить часть храма, а на следующий год соборная часть главного купола церкви была восстановлена. После реставрации 18 июня 2006 г. храм был освящён архиепископом Уфимским и Стерлитамакским Никоном.

Церковь Василия Великого г. Дюртюли. В честь Василия Великого еще до 1872 г. в деревне Дюртюли (ныне город Дюртюли) была основана церковь,

¹ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Ч. 1. Уфа, 1994.

которая была построена братьями Трапезниковыми, купцами из Бирска. В 1877 г. крестьяне деревни Дюртюли и Балтачево обратились к архиерею с просьбой о причислении их в приход церкви с. Андреевского. В ответ епархиальное начальство предложило дюртюлинцам построить у себя временную деревянную церковь, что и было сделано. 12 декабря 1882 г. этот храм был освещен Бирским благочинным протоиереем Иоанном Гуменским во имя святителя Николая Чудотворца. Одновременно в мае 1882 г. от Никонора последовало разрешение на построение в Дюртюлях каменного храма, проект которого был утвержден губернским архитектором.

Кирпичный храм возводился на средства купца 3-ей гильдии Адриана Зотеевича Трапезникова, а также на пожертвования благотворителей и прихожан. 9 сентября 1894 г. храм был посвящен благочинным Василием при огромном стечении богомольцев окрестных и отдаленных селений Уфимского и Бирского уездов. Название храм получил во имя святителя Василия Великого, вселенского учителя. Следует отметить, что и временная деревянная Никольская церковь, и причтовые дома, и школа были также большею частью возведены тщанием А.З. Трапезникова и его жены Агриппины Матвеевны. Церковь была снесена в 1961 г., и на её месте был построен кинотеатр «Октябрь», теперь же здание старого кинотеатра было выкуплено и отремонтировано для банка. В настоящее время идет строительство храма на окраине г. Дюртюли. Строить помогают и сами прихожане. Не смотря на то, что идет строительство, богослужение проходит в молельном доме.

О возросшем интересе молодежи к религии говорят и данные социологического исследования, проведенные Башкирской академией Государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. Большая часть респондентов молодого поколения (18–25 лет) идентифицировала себя как людей верующих: «верующим, но не соблюдающим обряды» – 51,6 %, «верующим и соблюдающим обычаи и обряды» – 27,4 %. Количество «колеблющихся» составило 6 %, а к атеистам отнесли себя 2,4 %¹. Из выше приведенного видно, что в наши дни религия играет все более важную роль и в жизни молодого поколения. Людям хочется верить в лучшее будущее, и они приходят в храмы и мечети за божьей помощью.

© Сафарова Н. Р., Хисматуллин Д. Д., Хуснутдинова Л. Г., 2008

М. О. Тензина

Что может женсовет? (О деятельности совета женщин г. Ижевска)*

То, чем реально занимаются сегодня женские общественные организации, зачастую находится вне поля исследовательского внимания, так же как и сам факт существования многих из них. В настоящее время общественные женские объединения и организации, являясь одним из важных элементов гражданского общества, имеют порой решающее значение при решении проблем женщин, семьи и детства. Более того, они активно участвуют в разработке и реализации федеральных, региональных и местных программ по вопросам развития, воспитания, образования детей, охраны здоровья, организации отдыха и досуга, выступают с самостоятельными программами и реализуют их, уделяя при этом особое внимание семьям, нуждающимся в попечении общества.

Круг вопросов, которые охватывает деятельность общественных объединений, занимающихся проблемами женщин весьма широк и разнообразен: оказание психологической помощи женщинам в трудных жизненных ситуациях, помощь в устройстве

¹ Шакурова Г. Современная молодежь // Ватандаш. № 12. 2006. С. 194.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-01-00523а) в рамках проекта «Семья в системе ценностей современных женских общественных объединений (на примере Удмуртии)».

на работу, защита интересов детей, оказание материальной помощи женщинам, попавшим в затруднительное положение, борьба с дискриминацией женщин, защита от насилия в семье, помощь в создании собственного дела, организация досуга и культурно-массовых мероприятий и другие виды помощи. Поэтому роль общественных организаций в сфере оказания помощи женщинам и предоставления им услуг нельзя недооценивать.

Одним из наиболее показательных примеров работы подобных общественных организаций является городской «Совет женщин г. Ижевска», который оказывает социальную помощь всем нуждающимся женщинам и их семьям, обращающимся в женсовет. Ижевская городская общественная организация «Совет женщин г. Ижевска» (далее – женсовет) представляет собой добровольную общественную некоммерческую организацию, объединяющую физических и юридических лиц, общественные объединения, поддерживающие деятельность женсовета. Она является самой крупной организацией из всех женсоветов республики. В ее состав входят 5 районных женсоветов, 10 женсоветов предприятий и учреждений г. Ижевска, 20 клубов по интересам, 4 женсовета по месту жительства, студия «Спутница», 9 клубов здоровья. Различные мероприятия Совета женщин охватывают в течение года в среднем более 70 тысяч человек. Активисток женского движения насчитывается порядка 10 тысяч.

Годовой бюджет организации достигает 500–600 тыс. рублей, денежные средства организации формируются за счет средств, выделяемых Фондом Администрации г. Ижевска, средств фонда «Милосердие», за счет грантов и благотворительной помощи. Эта организация ведет большую работу по профилактике безнадзорности и социального сиротства, воспитанию здорового образа жизни, воспитанию и поддержке молодых семей, оказанию помощи многодетным семьям. В соответствии с этим определены важнейшие задачи – повышение социального статуса женщин, просветительско-правовая деятельность, привлечения внимания государственных, общественных и коммерческих структур, а также СМИ к проблемам нарушения прав женщин, семьи, детей, содействие развитию женского предпринимательства. Деятельность Совета женщин направлена на отстаивание прав женщин как неотъемлемой составной части всеобщих прав человека; отстаивание семьи как сообщества, призванного обеспечить наиболее благоприятные условия для жизнедеятельности человека и его самореализации; общественная и государственная поддержка семьи; обеспечение социальных гарантий; равенство семейных прав и обязанностей женщин и мужчин.

Для женщин города Ижевска в женсовете организован прием по личным вопросам, работает телефон доверия и кабинет здоровья. Совет женщин ежегодно организует встречи с руководством республики и города: с Президентом Удмуртской Республики А. А. Волковым, с депутатами Государственного Совета УР и Городской думы г. Ижевска, с представителями городской и районных администраций города, так как основное направление деятельности женсовета – лоббирование интересов женщин при взаимодействии со структурами исполнительной и законодательной власти; участие в избирательных кампаниях на федеральном, региональном и местном уровнях. Женсовет активно сотрудничает с органами власти: проводит мероприятия (лекции, конференции, семинары, круглые столы по значимым для женщин проблемам и др.) совместно со структурными подразделениями Администрации г. Ижевска, Ижевским городским центром занятости населения, отделами и центрами «Семья» районных администраций г. Ижевска. Программа деятельности Городского совета женщин направлена на содействие органам местного самоуправления в реализации муниципальных программ: «Дети Ижевска» (2006–2009 г.г.), «Здоровье города – здоровье ижевчан» (2007–2010 гг.), «Молодежь города» (2007–2009 гг.) и др.

В г. Ижевске немало некоммерческих организаций, неравнодушных людей, которые берутся за решение проблем женщин, семей и детей. И очень важным моментом является то, что городская власть не остается в стороне, поддерживает их стремление в решении этих проблем. Таким образом, действует механизм взаимного дополнения функций государства и общественных организаций. Отсюда неизбежно вытекает то, что эффективная постановка и выполнение задач в сфере социальной защиты женщин, семей и детей требуют постоянного и хорошо отлаженного практического взаимодействия институтов государства и гражданского общества. Взаимодействие этих двух секторов постепенно развивается на территории России, отлаживаются различные его механизмы, что открывает перспективы для деятельного участия граждан в решении проблем современной семьию

© Тензина М. О., 2008.

Этнический фактор в образовательной сфере этнографических групп Оренбургской, Челябинской и Курганской областей

Наряду с общеизвестными каналами распространения и потребления национальной культуры, большую роль играют родители, школа, друзья, художественная и научная литература, религиозные источники и т.п. Обращает на себя внимание тот факт, что по результатам исследования башкиры высоко оценивают роль учителей и учебных заведений в получении знаний о ценностях национальной культуры. Парадоксально, но факт – долгое время в общеобразовательных школах за пределами Башкортостана не изучалась даже её история, многонациональная культура и литература республики.

До 1962 года в Советском Союзе действовала единая программа для всех башкирских школ, независимо от их местонахождения. В соответствии с этой программой дети, проживающие в местах компактного проживания башкир, получили среднее образование на родном языке. Русский язык и литература изучались лишь как предмет. Начиная с 1962 года все башкирские школы Оренбургской, Челябинской и Курганской областей перешли на преподавание всех предметов на русском языке, в некоторых школах башкирский язык и литература остались лишь как предмет¹. Обучение же башкирского языка в обозначенных областях начало вводиться лишь с 1989/1990 учебного года. По данным Министерства образования около одной трети (31%) детей-башкир вообще не изучают свой родной язык. По этим данным считается, что 37,7% детей башкирской национальности охвачены обучением на родном языке, однако значительная часть школ, в которых они учатся, являются начальными. В целом, по признанию этого же ведомства, за пределами Башкортостана нет ещё полнокровно функционирующих школ с обучением на родном языке, «можно говорить лишь о складывающихся фрагментах национальной школы»². Таким образом, призванная быть одним из основных источников знания о ценностях и достижениях национальной культуры, школа в настоящее время далеко ещё не отвечает отведенной ей обществом роли.

В Оренбургской области в 2006/2007 учебном г., по данным департамента общего и профессионального образования, в 47 школах 10-ти районов области 1150 учащихся башкирской национальности изучают свой родной язык и культуру как предмет, 135 учащихся изучают родной язык факультативно, 427 – в кружках. Всего, так или иначе, изучением башкирского языка как родного охвачены 1712 учеников. Налаживается работа по этой части и в дошкольных образовательных учреждениях. В Аллабердинском детском саду Тюльганского района – 15 детей, г. Медногорск (детский сад № 7 «Колокольчик») – 45 детей (3 группы) воспитываются на родном башкирском языке. Преподают башкирский язык 48 учителей, 28 из них с соответствующим высшим образованием, 20 – со средним специальным образованием, 5 – неспециалистов. На родной язык отводится 2-3 часа в неделю (1 час – грамматика, 1-2 литература)³.

Несмотря на то, что Министерство образования РФ рекомендует в своих нормативных документах отводить на родной язык не менее 5 часов в неделю, ни один национальный центр не смог добиться у городского Управления образования увеличения часов с 2-3 до 5. Администрация городского Управления образования в своем отказе ссылается на перегруженность детей, на санитарные нормы, на то, что, увеличивая время на башкирскую филологию, школы будут вынуждены сократить часы по другим дисциплинам. С другой стороны, в области нет достаточной вертикали власти между областными, районными

¹ Башкирия в Союзе ССР: стат. сб. Уфа, 1982. С. 75.

² Текущий архив Министерства образования Республики Башкортостан.

³ Шешукова Г. В. Этническая идентичность ее значимость в оценках и суждениях населения Оренбургской области // Ватандаш. 2008. № 3. С. 91.

учреждениями образования и школами. Показательно и отношение областных чиновников к национальному образованию. Так, начальник городского Управления образования И.И. Калина в 2001 г. на одной из встреч заявил: «Я против того, чтобы детей рассадили по партам по национальному признаку»¹.

Даны указания учреждениям образования не заполнять в журналах графу «национальность», в связи с чем нет возможности вести точный учет детей – башкир (особенно в городах). Более того, в последнее время появилась тревожная тенденция ликвидации под любым предлогом преподавания башкирского языка в башкирских селах. Так, в 2001 г. в Пушкинской средней школе Красногвардейского района и Курпачевской неполной средней школе Александровского района преподавание башкирского языка переведено в разряд факультативов².

В Ишмуратовской школе Кувандыкского района директор школы после гибели учительницы башкирского языка прекратила преподавание башкирского языка, хотя туда была направлена выпускница Оренбургского педагогического колледжа № 3. Даже коллективное письмо 60 родителей не смогло переубедить ни директора, ни заведующего районным отделом образования, ни начальника городского Управления образования. Таким образом, можно говорить о тенденции сокращения преподавания башкирского языка³. Возникла парадоксальная ситуация: педагогический колледж № 3 г. Оренбурга за 4 последних года выпустил более 60 учителей башкирского языка и литературы, но на местах работает кто угодно, только не эти специалисты, хотя школ, нуждающихся в них, стало даже меньше, чем в советский период⁴.

В чем же причина? В постсоветский период наблюдается падение престижа просвещения (в общем). В частности, для башкирского языка в области нет сферы применения. Дети, получившие образование после 60-х годов (т.е. по-русски), сами ассимилировались в русскоязычной среде, и только незначительное их количество (особенно в городах) владеет лишь разговорной башкирской речью. Теперь они сами родители. Есть и боязнь родителей, что их дети, получившие образование на родном языке, не будут конкурентоспособными при поступлении в вузы. Поэтому общественные организации при внедрении в школы преподавания родного языка встречают, как минимум двойное сопротивление: со стороны чиновников и со стороны родителей. Необходимо учитывать реалии сегодняшнего дня. Если сравнительно недавно башкирские села в большинстве были мононациональны, ныне же мощные миграционные процессы в области в корне изменили соотношение народонаселения в селах. До нынешнего дня в области проживали 48 тысяч немцев, сейчас их осталось 2 тысячи. На их место переселилась огромная масса населения из Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Правда, надо сказать, что большинство эмигрантов – это уехавшие с родных мест в послевоенный период в 60-70 годы. Но это уже народ с другим менталитетом⁵.

Что касается городов области, на сегодняшний день существует лишь одна школа, где преподается родной язык, – школа № 38 в Оренбурге (татарский язык). Попытка открыть вторую школу несколько лет остается безуспешной, также неудачна попытка открыть подобную школу в г. Бугуруслане. Казахи в Оренбурге в 1993-1994 гг. собрали один класс. В течение одной зимы, собирая детей арендуемым автобусом, помучавшись, бросили эту затею. Были две попытки открыть класс с башкирской стороны. В первый раз не смогли найти учителя (Педагогический колледж № 3 еще не выпускал специалистов), во второй раз было собрано 8 детей, найдена учительница, но в РОНО сказали: «Идите по школам и уговаривайте директоров, сумеете убедить – открывайте». Но ни один директор не пошел навстречу.

Самая большая трудность открытия класса – нехватка детей в домах, прилегающих к той или иной школе. А при попытке собрать детей в одну школу из

¹ *Мажитов Н. А.* Всемирный Курултай башкир между I и II съездами. Уфа: Гилем, 2002. С. 48.

² *Мажитов Н. А.* Всемирный Курултай башкир между I и II съездами... С. 53.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ *Тузбеков А. И.* Башкиры Красногвардейского района Оренбургской области // Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан. Уфа: Информреклама, 2004. С. 301.

разных микрорайонов возникают проблемы с транспортом, с безопасностью для детей. Наиболее оптимальный вариант – в обычный смешанный первый класс привести 2-3 (и более, если можно) башкирских детей и назначить учителем выпускника башкирского отделения Педагогического колледжа № 3. Дети могут обучаться по обычной программе, а для тех 2-3 детей башкирский язык ставится последним уроком. Но в городском отделе образования требуют комплектования полного класса, не менее 25 детей. При нынешней демографической ситуации по всему городу столько не набирается. Как решать эти проблемы в селах? В отчетах за 2007 год фигурирует 47 башкирских школ. Сразу надо пояснить, что чисто башкирские села – небольшие, в 50-100 дворов, и школы там, в основном – начальные или неполные средние. К примеру, в Красногвардейском районе 13 чисто башкирских школ (и с десятков – смешанных), лишь одно село имеет среднюю школу. В других школах башкирский язык изучается факультативно, и таких средних школ по области всего 4¹.

Политика Республики Башкортостан в сфере образования дает возможность оренбургским селам, умирающим духовно и физически, приостановить этот процесс и совместными усилиями повернуть его вспять. За последние годы резко возрос прием детей в инновационные учебные заведения Башкортостана. Особенно в учебных заведениях г. Кумертау, где сейчас учатся более 20 детей. Налажена связь с Республиканским башкирским лицеем-интернатом и Стерлитамакским башкирским лицеем-интернатом № 3.

При наличии стимула у населения появляется и желание изменить жизнь. В Первомайском районе есть только одна башкирская школа – в селе Кутлумбетово. В 2003 г. родители двух сел (Габдрашково и Кичкасс) обратились в областной курултай с просьбой о содействии начать преподавание башкирского языка в их школах. Однако это единственный пример, так как нет в области практической востребованности башкирского языка. Поэтому необходимо создать такие условия, когда знание башкирского языка будет необходимостью².

По данным управления образования Оренбургской области, школы области лишь на 62% обеспечены башкирскими учебниками, хотя областной курултай выступает посредником в обеспечении башкирских школ литературой. В 2006 г. Всемирный Курултай башкир через издательство «Китап» подарил несколько тысяч художественной и учебно-методической литературы. Их раздали по башкирским селам. Но эти процессы одноразовые, в систему они не организованы.

Каждый год Министерство образования Республики Башкортостан выделяет примерно 19 мест для детей из Оренбургской области в гимназиях и лицеях республики, такие же квоты Министерство образования Республики Башкортостан выделяет для башкирских абитуриентов, поступающих в ВУЗы. Не секрет, что Башкортостан заинтересован в привлечении одаренной молодежи в свои учебные заведения. Ведь многие умы оседали и оседают в Башкортостане. Например: М. Бурангулов, Д. Юлтый, С. Агиш, Р. Бикбаев, Х. Юлдашев, Н. Калмантаев, М. Муллабаев, М. Каюпов, Л. Кунаева, Ф. Суюндукова, Г. Каримова, Р. Узбеков были выходцами из Оренбургской области.

В 2006-2007 годах испытывается недобор студентов на башкирское отделение Оренбургского педагогического колледжа № 3, где готовят учителей начальных классов и башкирского языка для неполных средних школ. Причин несколько: уменьшение количества детей в семьях, экономические трудности, снижение престижа учительской профессии, перенасыщение кадрами. Пути преодоления: направление башкирских детей из районов Башкортостана, пограничных с Оренбургской областью, на учебу в г. Оренбург (1/3 студентов педагогического колледжа № 3 башкирского отделения, и 2/3 студентов педагогического университета из Башкортостана). Далее – вопрос о переориентации специалистов области, ни одно учебное заведение не готовит специалистов для дошкольных учебных заведений (имеется в виду башкирских)³.

¹ Тузбеков А. И. Башкиры Красногвардейского района... С. 304.

² Там же. С. 306.

³ Юлмухаметов М. А. Возрождение и развитие национального образования за пределами Башкортостана

// Ватандаш. 2005. № 1. С. 38.

Оренбургская область в экономическом реформировании зашла так далеко, что многие сельские хозяйства распались на отдельные села, фермерские хозяйства и просто дома. Поэтому трудно вести разговор об обучении ребенка родному языку, когда население захлестнуло повальное пьянство, наркомания. Нельзя быть экономически нищим и духовно богатым одновременно.

Аналогичная ситуация с системой национального образования сложилось в Челябинской и Курганской областях. Пробуждение национального самосознания башкирского населения этих областей после долгих лет унификации этнических признаков народов бывшего СССР началось в конце 80-х годов. К этому времени уже было низведено до нуля преподавание родного языка во всех городских школах областей, ликвидированы национальные школы и преподавание родного языка как предмета в местах компактного проживания башкир – Аргаяшском, Кунашакском районах, во всех башкирских селах Сосновского, Красноармейского, Каслинского, Чебаркульского районов и в деревнях, в административном отношении входящих в состав горсоветов Миасса, Кыштыма, Карабаша, Озерска. Преподавание родного языка как факультатива сохранилось в Метелевской, Курмановской, Ибрагимовской, Бажикаевской, Куйсаринской школах Аргаяшского района, Буринской, Тахталымской Кунашакского района, Азналинской школе Сафакулевского района соседней Курганской области. Все названные территории до 17 января 1934 года входили в состав БАССР, затем на этих землях постановлением Президиума ВЦИК был образован Аргаяшский башкирский национальный округ в составе вновь созданной Челябинской области. Округ был ликвидирован тем же постановлением Президиума ВЦИК 17 ноября 1934 г., а восточные территории бывшего Башкортостана в 1943 г. в связи с разукрупнением Челябинской области отошли в Курганскую область – Сафакулевский и Альменевский районы¹.

До 1962 г. в Челябинской области готовились башкирские и татарские учительские кадры в Троицком педагогическом училище, которое в 1932 г., еще в бытность в составе БАССР, было переведено из Сафакулево в Аргаяш, а в 1947 г. из Аргаяша в Троицк². На сегодня в городах и районах Челябинской области обучаются 7225 учащихся башкирской национальности. В 81 школе 5943 учащихся башкирской национальности изучают свой башкирский язык как предмет. В области 21 детский сад, в которых 696 детей воспитываются на родном башкирском языке³.

Что касается образовательных учреждений Курганской области, ими охвачены всего 1025 учащихся башкирской национальности. 784 ученика башкирской национальности изучают свой родной башкирский язык как предмет. Три десятка лет назад в школах прекратили преподавание на родном языке. Этот шаг не мог не сказаться на начале забвения самобытной национальной культуры. Начавшийся процесс возрождения национального языка, традиций, обрядов с трудом восполняют тридцатилетний пробел.

На данный момент в Сафакулевском районе в 10 школах, преподаётся башкирский язык – Сафакулевская, Азналинская, Абултаевская, Бакаевская, Больше-Султановская, Беловская, Калмык-Абдрашевская, Сарт-Абдрашевская. В Альменевском районе функционирует 8 школ: 4 средних, 4 девятилетних. В них обучаются 256 учащихся. Башкирский язык вёлся в 1998 г. в следующих школах района:

1. Танрыкуловская средняя школа – факультатив – 2-9 классы
2. Щучанская основная школа – факультатив – 2-7 классы
3. Шариповская начальная школа – предмет – 1-4 классы
4. Подьясовская начальная школа – предмет – 1-4 классы
5. Казаккуловская начальная школа – предмет – 1-4 классы
6. Казенская средняя школа – факультатив – 6-7 классы
7. Юламановская средняя школа – факультатив – 1-2 классы
8. Майлыкская основная школа – факультатив – 1-2 классы.

¹ Юлдашбаев Б. Х. Образование БАССР сб. документальных материалов. Уфа, 1959. С. 227.

² Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972. С. 78.

³ Тузбеков А. И. Этноконфессиональные аспекты современных этнокультурных процессов у этнографических групп башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2007. С. 120–124.

Охват детей в них не очень велик: в Сафакулевском районе всего 27 %, в Альменевском – 32%¹. Обеспеченность учебными пособиями – неплохая. Необходимая учебно-методическая литература, пособия, словари, справочники, записи, слайды на башкирском языке – всё это было выделено Республикой Башкортостан. В школах области проводится большая внеклассная работа. В Танрыкуловской, Подьясовской и Казенской школах совместно с сельскими клубами созданы детские ансамбли. В Танрыкуловской, Юламановской школах работают музеи, где оформлены сменные стенды о башкирском народе, его обычаях, традициях. Оформляются книжные выставки. В Азналинской школе уже 30 лет функционирует историко-этнографический музей².

Итак, к девяностым годам выросли уже несколько поколений башкир, воспитанных на национальном нигилизме. Уроженцы Челябинской и Курганской областей отчасти могли удовлетворять свои духовные запросы в Башкортостане. Дети аргаяшских, сафакулевских, миасских башкир, окончившие техникумы и институты гуманитарного направления в БАССР, оказались невостребованными у себя на малой родине и реализовали себя в Республике Башкортостан. На сегодняшний день в самом Челябинске нет ни одного коренного жителя-башкира, работающего в области национального образования и культуры после окончания вузов Башкортостана, а в сельские школы из направляемых ежегодно в вузы и техникумы Республики Башкортостан 20-30 абитуриентов возвращаются 2-3 выпускника³.

Явных и подспудных причин подобных фактов много, но главную автор видит в постепенной утрате башкирами области своего самосознания, национального менталитета, принадлежности к своему народу. К сожалению, за последнее десятилетие еще не удалось преодолеть, возможно, даже как-то задержать этот негативный процесс. По статистике на каждого жителя Челябинской области с учетом личных библиотек приходится всего 10 книг на башкирском языке, а большинство из более чем 40 с лишним тысяч башкирских и смешанных семей области вообще не имеет книг на родном языке. Единственная на область специализированная библиотека башкирской и татарской литературы, сейчас носящая имя Ш. Бабича, являвшаяся долгие годы одним из очагов культуры г. Челябинска, в результате многочисленных реформ утратила во многом свои национальные фонды и была низведена до рядовой библиотеки города. Но на сегодняшний день библиотека с более чем столетней историей под руководством А. И. Усмановой возвращает свои позиции культурного центра башкирского и татарского населения. Что касается школьных библиотек, то они более 5 лет не снабжаются башкирскими учебниками на бюджетной основе. Согласно письму начальника областного управления образования и науки В. В. Садырина от 7 августа 2001 г., «родной язык в школах района изучается на добровольной основе», и в 2001 г. предлагается «для закупки учебников использовать родительские, спонсорские средства, а также другие виды частичной оплаты учебников...».

Как видим, в рассматриваемых областях все больше сужаются перспективы применения башкирского языка, по словам декана филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета И. А. Шевякова где готовят учителей родного языка и литературы вот уже более десяти лет, его волнует трудоустройство нынешних 16 выпускников, из которых востребованными оказались только двое. Это при том, что еще не во всех населенных пунктах, где преобладает башкирское население, в школах преподают родной язык и литературу. Если в Оренбургской, где области преподавание ограничивается в лучшем случае одним – двумя уроками или факультативом и язык не востребован, так как большинство учащихся в последующем поступают в вузы Оренбурга, Самары и других городов и национальный язык для молодежи и их

¹ Шакиров З. И. До Уфы рукой подать, если дружба крепка // Трудовая слава. 2005. 4 апреля.

² Шакиров Р. З. Кургандан Һамарга тиклем (От Кургана до Самары.) // Ватандаш. 2003. № 2. С. 22–24.

³ Тузбеков А. И. Проблема сохранения этничности башкир Сафакулевского района Курганской области // Этнос, общество, цивилизация. I Кузеевские чтения Уфа: Информреклама, 2006. С. 265–270.

родителей является лишней перегрузкой в учебной программе, то в Челябинской области видим совсем иную картину.

В большинстве школ ведется преподавание башкирского языка, литературы, культуры и истории. Учебная программа иногда насчитывает до трех часов в неделю. Большое количество выпускников школ обучается в вузах Республики Башкортостан, существуют филиалы башкирских вузов на территории Челябинской области. С 2000 года в с. Аргаяш действует представительство Сибайского института, Башкирского государственного университета. В феврале 2003 года были вручены дипломы о высшем образовании первым шести аргаяшцам – выпускникам БГУ, сегодня здесь учатся 450 студентов-заочников¹.

На данный момент за пределами Республики Башкортостан башкирский язык изучают как предмет в 164 школах. В последние годы силами общественных организаций открыты башкирские школы в деревне Имангулово Октябрьского района Оренбургской области, башкирский класс есть в школе № 29 города Челябинска. Организовано кружковое изучение башкирского языка, работают воскресные школы. Во многих регионах курултаи башкир находят общий язык с главами администраций районов по вопросу изучения башкирского языка в школах. В то же время есть примеры, когда башкирские классы закрываются. Постоянно возникает ряд объективных и субъективных проблем. Например, для того, чтобы открыть башкирский класс, нужно предоставить список учеников не менее 25 человек, найти учителя, учебники. Без помощи Правительства и представителей Республики Башкортостан, только общественным организациям решить данный вопрос не представляется возможным. Содержать на деньги только курултаев башкирские классы и культурные центры очень трудно и порой невозможно.

Идущая в стране реформа в сфере образования положила начало качественным переменам в формировании необходимых предпосылок и условий для создания современной инфраструктуры, достаточной для удовлетворения национально-культурных потребностей этнографических групп башкир, проживающих за пределами республики.

Участие самих башкир в национально-культурной жизни предполагает не только общественный, но и личностный уровень, то есть личное и осознанное участие в освоении культурных ценностей своего народа. К сожалению, пока остается невысокой реальная потребность башкир в освоении достижений и ценностей национальной культуры. В этом выражается главное проявление деэтнизации в сфере национальной культуры. У многих башкир, особенно в городе, угасла потребность в постоянном приобретении национальной культуры. К такому состоянию башкиры пришли не в одночасье, а в результате десятилетиями проводившейся политики по ликвидации национальной школы, прекращению изучения родного языка и других пороков национальной политики и практики.

Таким образом, рассмотрение широкого круга источников по проблеме образования привело к следующим выводам:

- существование зависимости сохранения этнокультурных традиций от уровня развития социальных институтов обеспечивающих освоение национально-культурного наследия народа (детский сад, школа, средне-специальные и высшие учебные заведения);
- невозможность возрождения и развития национальной культуры как башкирского, так и других народов без создания образовательной инфраструктуры, соответствующей современному состоянию науки, техники и культуры;
- зависимость удовлетворения национальных потребностей населения в рамках системы образования (изучение башкирского языка, истории и культуры народа) от экономического состояния региона, деловой активности и экономической независимости представителей самого этноса.

© Тузбеков А. И., 2008.

---

¹ Юлмухаметов М. А. Возрождение и развитие национального образования за пределами Башкортостана // Ватандаш. 2005. № 1. С. 39.

Хадж как проявление религиозности мусульман Башкортостана

Большая часть населения Башкортостана принадлежит к культуре, на которую доминирующее влияние оказывает ислам. В связи с этим, актуальной задачей является изучение духовной сферы жизни этой части населения. Несмотря на обилие литературы по данной тематике, до сих пор многие аспекты российского мусульманства малоизвестны. Один из таких вопросов – это проблема уровня религиозности, количественного состава верующих в регионах традиционного распространения ислама. У "этнических мусульман" СНГ, как и у всех народов постсоветского пространства, традиционная религия является началом, заполняющим духовный вакуум, образовавшийся в результате крушения идеалов советского государства.

Конец 70-х – начало 80-х гг. XX столетия ознаменовались процессом мусульманского возрождения, охватившим практически весь мир ислама. Существенно возросло число людей, считающих себя верующими. По данным социологических исследований о состоянии религиозности в Средней Азии, Кавказе, Татарии и Башкирии после 1985 г., от 60% до 80% опрошенных ответили, что считают себя мусульманами¹.

Однако формальная принадлежность к исламу и поверхностное знакомство с исламскими ценностями еще не доказывает, что эти люди живут по правилам ислама и исламские традиции соблюдаются ими согласно шариатским нормам. Понятие мусульманин очень широко по объему. Оно включает в себя как неверующих, совершающих религиозные обряды, так и верующих, редко или вовсе их не отправляющих. Поэтому возрождение подлинных исламских традиций в социально-культурной жизни мусульман России приобретает особую актуальность.

Среди религиоведов не существует полного единодушия в установлении критериев религиозности. Одни в качестве главного критерия выдвигают объективные показатели, такие как знание Корана, соблюдение пяти заветов Мухаммеда, поста, посещение мечети. Другие полагают, что об уровне религиозности можно судить по материально-временным затратам человека на религиозные обязанности. По мнению западных исследователей, Ш. Акинера, А. Беннигсена, Ш. Лемерсье-Келькеже и многих других, религиозность определяется не столько соблюдением пяти основных требований и исламских ритуалов, сколько личным чувством принадлежности к исламу². Западные исламоведы считают, что всякий человек, рожденный в «мусульманской» семье, является потенциальным мусульманином.

Результаты исследований отечественных ученых показывают, что понятия «верующий» и «мусульманин» не совсем тождественны в сознании людей. «Мусульманин» для части населения означает не принадлежность к определенной конфессии, а национальную принадлежность. Поэтому участие в религиозных обрядах и традициях воспринимается даже неверующими людьми как дань национальным обычаям, уважение к своему народу. Это, естественно, затрудняет анализ религиозности в регионах традиционного распространения ислама³. Для мусульман Башкирии также характерно субъективное причисление себя к исламу как символу национальной принадлежности.

Основной целью настоящей работы является исследование процессов возрождения религиозности среди народов Республики Башкортостан, исповедующих ислам, на примере обряда хаджа. Для изучения организации и условий совершения паломничества в священную Мекку источником явились материалы фондов Центрального Государственного исторического архива РБ и неопубликованные документы внутренней документации текущего архива Центрального Духовного управления мусульман за 1990-2007 гг. Другим источником по вопросам бытования ре-

¹ Керимов Г. М. Возрождение исламских традиций в России – как фактор демократии и свободы // Религия, национальное согласие и возрождение России. М., 1993. С. 107.

² Akiner S. The Islamic Peoples of the Soviet Union; Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State; Lemercier-Quelquejail Ch. Politics and Linguistics in Dagestan.

³ Балтанова Г. Р. Ислам в СССР. Анализ зарубежных концепций. Казань, 1991. С. 75.

лигии стали собственные наблюдения автора, имевшего возможность участвовать на общественных молебнах в уфимских мечетях, наблюдать действия прихожан, знакомиться и беседовать с ними, то есть использовать метод включенного наблюдения.

На наш взгляд, символом религиозности у мусульман является в первую очередь ритуал, обрядность и соблюдение пяти основных требований ислама: признание символа веры – шахада; ежедневная пятикратная молитва – намаз; пост ураза в месяц Рамазан; обязательный налог – закят и добровольная милостыня – садака; паломничество в Мекку – хадж (тем, кто имеет такую возможность). В культурном сознании самих мусульман хадж является единственным ритуалом ислама, активизирующим религиозно-мифологический опыт, сближающий идеальное и земное. Хадж мыслится духовным и телесным возвращением к Единому Творцу, к истокам своей истинной сущности, рубежным этапом и реализацией личных амбиций, испытанием в укреплении веры, терпения, обретением мудрости¹.

В советский период истории России, формально провозгласив свободу совести, государство проводило политику отрицания религии и ограничения прав верующих. Если первые четыре столпа ислама верующий в те годы мог еще как-то соблюдать, то хадж без ведома властей совершить было невозможно. Количество паломников строго регламентировалось (не более 20-30 человек со всей страны). Среди хаджи были в основном номенклатурные деятели культуры, секретари ЦК среднеазиатских компартий и официально признанные муфтии. Паломничество к святым местам не приветствовалось, многие, совершившие хадж в конце 1920-х годов, были репрессированы. Во время Второй мировой войны сама возможность паломничества исключалась. После войны отношения государства с религиозными объединениями значительно потеплели.

Большим событием в религиозной жизни верующих стало возобновление паломничества в 1940-е гг. В 1945 г. по разрешению правительства в хадж отправилось 25 человек. Добиваться разрешения, и организовывать паломничество было очень трудно. В 1946 г. СРК (правительство СССР) не санкционировало паломничество ввиду невозможности воздушного сообщения из-за тяжелой метеорологической обстановки в Иране². В 1947 г. в хадже приняло участие 40 человек от всех четырех духовных мусульманских управлений (Центрального, Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья), в том числе 10 – от ЦДУМ. Паломничество должно было производиться за счет самих верующих. Поездка обходилась в 10 тыс. руб., из них по 3,5 тыс. руб. переводились в СРК СССР для дальнейшего их обмена на валюту. Правительство СССР организовало перелет из Москвы в Тегеран на специально зафрахтованном самолете (стоимость перелета – 3 тыс.), а из Тегерана верующие добирались в Мекку³. В 1948 году паломничество не состоялось «из-за политических осложнений в некоторых арабских странах и холеры в Египте»⁴. Даже если высшему духовенству удавалось добиться организации паломничества, оно не могло удовлетворить всех желающих побывать в Мекке. Количество паломников было строго ограничено, кандидатуры проходили строжайший отбор и проверку органами безопасности, кроме того, у большинства верующих просто не было средств совершить хадж⁵.

Процесс демократизации государственной и общественной системы в России, начавшийся на рубеже 80-90-х гг. прошлого века привел к возникновению в стране принципиально новой религиозной ситуации. На сегодняшний день религии признаны реальным компонентом современного общества и равны перед законом. Государство держит курс на организацию взаимодействия и плодотворного сотрудничества с религиозными объединениями в различных сферах общественной жизни.

¹ Нефляшева Н. А. Из России в Мекку: хадж как опыт социокультурного пограничья // Электронный журнал Pax Islamica // www.paxislamica.ru

² ЦГИА РБ.. Ф. 4732. Оп. 1. Д. 2. Л. 27-28.

³ ЦГИА РБ.. Ф. 4732. Оп. 1. Д. 3. Л. 24-30; Информационные отчеты. 1945, 1946.

⁴ ЦГИА РБ.. Ф. 4732. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁵ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

С конца 80-х гг. у верующих появилась возможность свободно отправляться в хадж. Первая большая группа паломников из СССР (около 1,5 тысячи человек) впервые прибыла в Мекку в 1990 году после десятилетий запрета. Ее возглавил тогдашний верховный муфтий мусульман Советского Союза Талгат Таджуддин¹.

Российское государство оказывает содействие в организации паломничества мусульман к святым местам в Саудовской Аравии. Договора и соглашения о сотрудничестве заключены с мусульманскими духовными управлениями как рядом федеральных министерств и ведомств, так и органами власти субъектов Федерации. В хадж по собственному желанию может оправиться каждый гражданин РФ, имеющий загранпаспорт. Ограничивают количество паломников из разных стран лишь квоты, введенные Саудовской Аравией в 1988 году. Квота для России – 20 000 верующих ежегодно. По 1000 от каждого миллиона мусульман².

В Российской Федерации сняты ранее существовавшие неправомерные ограничения на деятельность религиозных объединений. Государством созданы все необходимые условия для исполнения мусульманами пятого столпа ислама. Организация хаджа находится в сфере компетенции религиозных организаций. Подготовка паломников осуществляется по программе, утверждённой Министерством по делам хаджа Королевства Саудовской Аравии, и одобренной Советом по Хаджу при правительстве РФ. Ныне, в век быстроходной техники, совершить хадж не составляет особого труда. Если есть деньги, человек обращается в туристическую фирму. Его не только доставляют самолетом в Мекку, но и помещают в специальную гостиницу, объясняют, куда идти и что делать. В Джидде работает Генеральное консульство Российской Федерации, одним из приоритетов которого является оказание консульской помощи российским паломникам. Во время сезона хаджа в Мекке открыта российская Хадж-миссия, которая всегда может прийти на помощь.

С 1990-х годов Башкортостан регулярно отправляет в хадж от 50 до 200 человек³. По сравнению с предыдущими годами число паломников возросло в 10-20 раз. Возрастной и социальный состав паломников варьируется. Среди пожелавших совершить хадж жителей Башкортостана есть и духовные, и светские лица. Средний возраст направляющихся в хадж составляет 45-50 лет. Основная масса хаджи – искренне верующие, всю жизнь стремившиеся исполнить свой религиозный долг. Многие из них копят средства на протяжении многих лет, работая в нескольких местах, и даже выйдя на пенсию. Пожилые паломники едут на собственные сбережения, либо их отправляют дети.

Наиболее стабильной группой паломников являются женщины, они составляют почти половину всех паломников. Ездят совершенно разные женщины: и светские, и очень религиозные, и молодые, и пожилые, в основном безработные. Особых ограничений для их участия в хадже нет. Но они не могут отправиться в паломничество одни, без мужа или другого близкого родственника. Современные женщины зачастую отправляются в Мекку без сопровождения мужчин-родственников. Несмотря на высокую духовную значимость хаджа, нередко используют его для занятий коммерцией и челночной торговлей.

Среди хаджи Башкирии можно выделить небольшую группу бизнесменов и предпринимателей. Однако наличие финансовых возможностей в данном случае не является стимулом для исполнения пятого столпа ислама. К тому же путешествие в Аравию требует не только материальных затрат, но и силы духа, физического здоровья.

Наблюдается рост участия в этом обряде видных ученых, государственных и политических деятелей России – мусульман. К политически ангажированным паломникам относятся чиновники, депутаты Курултая (Госсобрания), главы администраций районов, члены партий или общественных объединений. Около 10% хаджи так или иначе задействованы в политике. В условиях поляризации общества мусульмане оценивают поведение многих политиков-хаджи как антиисламское и противоречащее ряду постулатов веры, в первую очередь принципам справедливости.

¹ Годовой отчет. Хадж. 1990 г. // Текущий архив ЦДУМ

² *Билалов А.*, депутат Госдумы, уполномоченный по Хаджу правительства РФ / доклад на пресс-конференции на тему: «Священный Хадж российских мусульман» // www.rian.ru

³ Годовой отчет. Хадж. 1990-2007 гг. // Текущий архив ЦДУМ

Поэтому хаджи, не принадлежащие к политической элите или оппозиционно настроенные по отношению к властям, имеют больше шансов завоевать популярность среди единоверцев.

Совершить хадж (или умру – малое паломничество) могут только состоятельные люди, однако в последнее время число желающих все более увеличивается; посольства некоторых арабских стран (в первую очередь – Саудовской Аравии) оказывают помощь в финансировании малоимущих слоев населения. Для того, чтобы совершить хадж и выполнить все обряды жителю Башкирии необходимо иметь 2-3 тыс. долларов. Для региона это ощутимая сумма. Возможно, этим объясняются попытки части паломников заниматься попутно коммерцией. Несмотря на сложность обряда хаджа и его высокую стоимость, среди современных желающих совершить хадж, есть люди, формально причисляющие себя к мусульманской умме, не соблюдающих предписаний ислама. Часто хадж становится переломным моментом в развитии их религиозного сознания. Оставшихся равнодушным после паломничества хаджи согласно нашим опросам нет.

Мы можем констатировать, что с 2001 г. количество паломников из Башкирии постепенно увеличивается. Однако пятый столп ислама так и не стал популярным среди населения республики. В среднем каждый район Башкирии имеет около 5-10 хаджи. В некоторых населенных пунктах нет ни одного хаджи. Несмотря на небольшое число верующих, исполняющих обряды хаджа, религиозность среди мусульманского населения Башкирии растет. Об этом также свидетельствует положительная динамика хаджа. Возрождающийся ислам все более прочно укрепляется среди тюркского населения Башкирии – через возвращение старых и возведение новых мечетей и медресе, через увеличение числа молодежи, обучающихся религиозному праву, через интерес людей к исторической правде об этой религии, через повседневный быт, праздники и обряды.

© Хабибуллина З. Р., 2008.

З. Ф. Хасанова

К проблеме изучения башкиро-русского межкультурного взаимодействия в трудах отечественных исследователей

На территории Республики Башкортостан проживают большое число этносов и этнических групп. Одними из крупных групп населения являются русские и башкиры. История их соседства и взаимодействия насчитывает свыше 400 лет. Различного этнического происхождения, относящиеся к разным языковым семьям, разной конфессиональной принадлежности, они длительное время проживают вместе, выработали механизмы мирного сосуществования. Однако на сегодняшний день проблема взаимодействия башкиро-русского населения изучена недостаточно полно. Первые сведения о южных башкирах и ранних русских переселенцах встречаются в отечественной историографии с XVIII в. (В. Н. Татищев, П. И. Рычков, П. С. Паллас, И. И. Лепехин и др.)¹. Отдельные сведения можно почерпнуть у исследователей XIX в. – В. М. Черемшанского, Д. П. Никольского и др.². В трудах историков Н. Ф. Дубровина, А. И. Дмитриева-Мамонова и других авторов XIX в. главное внимание было уделено событиям Крестьянской войны 1773–1775 гг., в них содержится значительный материал об участии заводских крестьян в этом общенародном движении, о положении русских крестьян, о башкирском населении края³.

В первые годы после революции в условиях господства в исторической науке т.н. «школы М. Н. Покровского» в Уфе публикуются работы П. И. Ищерикова

¹ *Рычков П. И.* Топография Оренбургская. Ч. 2. СПб. 1762; Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям российской империи. Кн. I, ч. 2. СПб 1786., *Татищев В. И.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. М., 1979.

² *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии. Уфа, 1859; *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. II. СПб., 1802, *Никольский Д. П.* Башкиры. СПб., 1899.

³ *Дубровин Н. Ф.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. I. С.208; Т. II. С. 297; Т. III. С. 87; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Пугачевский бунт в Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1907. С. 147, 182; *Щебальский П. К.* Начало и характер пугачевщины // Русский вестник. М., 1865. Т. 1. С. 21, 65, 91.

«Очерки из истории колонизации Башкирии» (Уфа, 1933) и Ш. И. Типеева «Очерки по истории Башкирии» (Уфа, 1930). В них дана в целом негативная оценка последствий колонизации региона Россией. В 1996 г. был опубликован фундаментальный труд академика М. К. Любавского «Обзор истории русской колонизации», написанный им в 1930-е гг. в уфимской ссылке. Изложенные в нем материалы позволяют представить процесс заселения русскими Башкирии в контексте глобальной миграции восточных славян на восток¹.

В середине 1980-х гг. вышла монография Ю. М. Тарасова, посвященная русской колонизации Южного Урала², который отождествляется автором с территорией Оренбургской губернии. В книге вводился в научный оборот большой статистический материал, впервые позволивший показать характер демографических процессов (преимущественно миграционных) в среде русского населения региона. С большой тщательностью исследователь воссоздал историю заселения региона, строительство на его территории населенных пунктов различных типов, выяснил численность проживавшего в них населения. Исследуя процесс взаимодействия русских с башкирским населением, автор сосредоточился лишь на показе положительного (культуртрегерского) влияния русской колонизации на жизнь башкирского населения. Какие-либо иные формы взаимодействия (в частности, влияние башкир на русских) Ю. М. Тарасов не рассматривает.

В 1990-е гг. был опубликован ряд работ, в которых в той или иной мере затрагиваются некоторые аспекты интересующие нас проблемы. В частности, в монографии Р. Г. Букановой, на основе обширного корпуса источников показано расселение русских в многочисленных крепостях, основанных в тот период по всей территории Южного Урала³. Наиболее ценным, на наш взгляд, выводом исследователя является трактовка данных укрепленных пунктов как своеобразных городов. Это позволяет использовать собранные автором упомянутой монографии материалы для разработки единой схемы развития городской культуры в Башкирии и выработки типологии поселений городского типа в регионе.

Б. А. Азнабаев в своей монографии затронул комплекс вопросов, связанных с интеграцией Башкирии в состав России на раннем этапе межэтнического взаимодействия. Извлеченные из архивов и литературы сведения позволяют оценить специфику размещения русских на исследуемой территории до начала массового заселения региона восточными славянами, политика русского правительства по созданию необходимых предпосылок для крупных изменений этнического состава Южного Урала в XVII–XVIII вв.⁴

В работе Н. В. Бикбулатова затронуты некоторые проблемы башкиро-русского культурного взаимодействия⁵. Автор пишет о тенденции роста национально-русских смешанных браков. Н. В. Бикбулатов обратил внимание на еще одну, пока малоизученную сторону этнических процессов в республике – влиянии народов Башкортостана на русское население. Он пришел к выводу, что оно в принципе идет по тем же направлениям, как и русско-национальное, но отличается меньшими масштабами. В первую очередь «русские перенимают, прежде всего, те элементы культуры, общественные традиции, которые, претерпев определенную трансформацию и утратив в значительной степени национальную специфику, обрели характер региональных, межнациональных явлений» – праздники сабантуй и джиен, традиционные блюда башкирской и татарской кухни баурсак, чак-чак, кулама, бишбармак, кумыс, курут, катык и др. Делая выводы, Н. В. Бикбулатов отметил в этническом развитии русских

---

¹ См.: Кучумов И. В., Сахибгареева Л. Ф. Финал русской дореволюционной историографии истории Башкортостана: М. К. Любавский и Б. Э. Нольде // Археография Южного Урала: материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции 16 сентября 2004 г. Уфа, 2004.

² Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.

³ Буканова Р. Г. Города крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997.

⁴ Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005.

⁵ Бикбулатов Н. В. Новая этнодемографическая ситуация в Башкортостане // Открытая книга Башкортостана. Уфа, 1995.

Башкортостана две тенденции: объективную, выражающуюся в ведущей роли русского народа в стране и высокой степени национальной консолидации русских, и субъективную, восходящую к периоду культа личности и застоя, выражающуюся в элементах великодержавности (отсюда низкий процент русских, владеющих языками взаимодействующих народов и т.д.).

В последнее время опубликованы две монографии М. В. Мурзабулатова, посвященные демографическому анализу семьи в Башкортостане¹, подведшие итог его многолетним исследованиям в этой области². Где материал ограничен лишь самыми общими показателями, затрагивающими преимущественно расселение русских на территории республики³.

В XX в. этнологические исследования в Башкортостане в основном сосредотачивались вокруг изучения башкирского населения республики. Крупным событием в научной жизни Урало-Поволжского региона стал выход фундаментальной монографии Р. Г. Кузеева по этнической истории населения этой территории⁴. В этой работе автор проанализировал большой материал по демографии, взаимодействию русских с другими народами, показал основные этапы этнической истории русских на рассматриваемой территории, предложил схему локальных подразделений русской этнической группы.

Одна из первых обобщающих работ, посвященных этнокультурной характеристике русских в Башкортостане появилась в постсоветское время⁵. Это статья В. В. Пименова и А. И. Элез, которые впервые попытались дать определение понятию «русские в Башкирии», поставили вопрос о формировании локального самосознания русского населения региона, авторами было установлено, что на протяжении длительного времени основные демографические показатели русских Башкирии сохраняют определенную стабильность.

Наконец, в подготовленной этнологами республики под руководством Р. Г. Кузеева коллективной монографии «Народы Башкортостана» (2002) фактически, впервые, со времени выхода книги В. М. Черемшанского было дано описание традиционной культуры русского населения региона. Ценность этой работы, написанной этносоциологом С. А. Ковязиным и ведущим исследователем башкирской этнографии С. Н. Шитовой, состоит во введении в научный оборот крайне недостаточно изученного материала, который во многом уже утрачен для исследователей. Авторы кратко затрагивают проблему башкиро-русского взаимодействия в сфере традиционной культуры, признавая, что эта тема еще малоизученна.

Плодотворно разрабатывает русскую этническую тематику пермский исследователь Г. Н. Чагин. Его выводы имеют большое значение для изучения путей проникновения русских в исследуемый регион. Особо следует выделить монографию «Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века» (Пермь, 1995). В его книге тоже кратко затрагиваются проблемы башкиро-русских отношений на территории Пермского края.

Крупным вкладом в отечественную историографию стала публикация много томного сборника документов «Национально-государственное устройство Башкортостана», подготовленного Б. Х. Юлдашбаевым. В нем содержится огромное количество сведений о непростых, а порой и остро-конфликтных формах взаимоотношений русского и башкирского населения в период революции и гражданской войны. Осмысление этих материалов с точки зрения истории, этнополитологии и этнологии еще предстоит. В последние годы взаимодействие русского населения с башкирами исследовал И. В. Кучумов (часть его работ опубликована в соавторстве с Л.

¹ Мурзабулатов М. В. Семья и брак в Башкортостане. Уфа, 1999; *Он же*. Повторный брак. Уфа, 1999.

² Основные положения указанных книг публиковались автором в препринтах, статьях и тезисах выступлений на конференциях

³ Мурзабулатов М. В. Этнодемографические процессы у русских Башкортостана // Этнос и культуры на стыке Азии и Европы: сборник статей к 50-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Р.Г.Кузеева. Уфа, 2000.

⁴ Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

⁵ Пименов В. В., Элез А. И. Русские в Башкортостане (Башкирии): аналитический обзор // Российский этнограф. 1993. № 2.

Ф. Сахибгареевой). Им предложена типология и периодизация этого процесса, показана его сложность и неоднозначность, намечен отход от принятой в историографии однолинейной трактовки¹.

В целом, как уже говорилось выше, проблема малоизученна. Требуется проведение специальных этнологических, социологических исследований, преодоление господствующих в науке представлений о всегдашней «мирности» и положительности такого рода взаимодействия, глубокое изучение механизмов взаимоотношений двух этносов на протяжении длительного времени в сравнении с аналогичными ситуациями на других территориях.

© Хасанова З. Ф., 2008.

Т. А. Чернова

Включение Башкирии в централизованную систему управления (середина XVIII в.)

Актуальность разработки данной темы обусловлена вновь возникшим интересом к проблеме. Юбилей вхождения Башкирии в состав России вызвал дискуссии о характере их отношений. Появилась возможность привлечь работы иностранных ученых, впервые переведенные на русский язык. Очень важным для нового подхода к исследованию русско-башкирских отношений была обширная поисковая работа башкирских ученых, итогом которой стало введение в научный оборот жалованных грамот Ивана IV, ранее считавшихся утраченными. Это делает возможным применение новых подходов к изучению означенной проблемы – не просто отойти от упрощенного формационного видения событий, но и проанализировать внутренние механизмы межнациональных отношений и конфликтов и способы их нормализации.

Сегодня уже никому не надо доказывать необходимость изучения проблем межнациональных отношений. На постсоветском пространстве межнациональные конфликты являются самыми острыми, а их решение, на протяжении полутора десятилетий самыми первостепенными. Но особенностями решения данных вопросов были и остаются исторические корни этих споров.

В отличие от многих современных государств, относительно недавно столкнувшихся с проблемой урегулирования межнациональных споров, Россия обладает многовековым опытом в этих вопросах. С момента продвижения русских на восток начинаются их контакты с местным населением. Уже с XVI в. перед Русским государством встает необходимость выработки системы взаимоотношений с новыми подданными различных национальностей и конфессий. От продуктивности решения данной задачи зависят дальнейшие отношения между народами. Очень часто некорректное отношение государства со своими подданными приводит к спорам и вооруженным конфликтам, которые не удается решить на протяжении многих поколений. Подобную ситуацию мы можем наблюдать сегодня на Северном Кавказе, на Балканах, на Ближнем Востоке. Но можно привести примеры и другого характе-

---

¹ Кучумов И. В., Сахибгареева Л. Ф. Взаимоотношения русских и башкир в оценках зарубежной историографии // Историческая демография русских Башкортостана: доклады научно-практической конференции 28–29 ноября 2002 г. Уфа, 2002; Кучумов И. В. Русское население в системе межэтнического взаимодействия в Башкортостане (к постановке вопроса) // Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан: материалы межрегиональной научно-практической конференции: Уфа, 3 декабря 2004 г. Уфа, 2004; Он же. Этапы и итоги взаимодействия русского населения Башкортостана с этносами региона // Сотрудничество и дружба народов Башкортостана: история, современное состояние, перспектива: материалы республиканской научной конференции 21–22 мая 2004 года. Уфа, 2004; Кучумов И. В., Сахибгареева Л. Ф. Взаимоотношения русского и башкирского населения в период 1773–1775 гг. в освещении американской и французской историографии второй половины XX в. // Археология Южного Урала: материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. Уфа, 14 дек. 2007 г. Уфа, 2007.

ра, когда, несмотря на первоначальные сложности и недопонимания, народы смогли найти общий язык.

Принятие башкирских племен в подданство России происходило при отсутствии на их территории военно-административного центра и военных сил Русского государства. Предполагалось, что управление всеми башкирами будет осуществляться из Казани. Присоединение Башкирии к Руси происходило одновременно с процессом политического распада Ногайской орды. Для российского правительства принятие в свое подданство башкир было важнейшей стратегической задачей. Территориальные приобретения или увеличение государственных доходов имели второстепенное значение перед опасностью выступления башкир на стороне антироссийских сил¹.

По этой причине правительство Ивана IV не предприняло никаких военных действий по закреплению за собой земельных владений на территории Башкирии. Если в Казанском и Сибирском ханстве значительная часть земель была изъята государством, в Башкирии даже ногайские кочевья были переданы башкирским родоплеменным образованиям². Башкиры, не пожелавшие войти в состав России, откочевали к противникам Руси и принимали участие в антироссийских набегах. В этих условиях привилегии и льготы, гарантированные царским правительством представителям башкирских посольств, в политическом отношении были вполне оправданы. Обе стороны получили желаемое: башкиры – сильного сеньора, способного защитить их, Русское государство – силу, которая будет охранять границу от кочевников³.

В середине XVI в. российскому правительству только предстояло выработать методы управления кочевыми народами. При установлении башкирского подданства правительство Ивана IV воспользовалось традициями и опытом Золотой Орды и других государств, которые придерживались государственно-правовой системы джучидов⁴. Долгое время Башкирия сохраняла положение вассала: русское присутствие в крае носило формальный характер. Из-за слабой колонизации края контакты между русскими и башкирами вплоть до конца XVIII в. происходили в основном на уровне элит, т.е. между местными русскими чиновниками и главами башкирских племен.

Постепенно ситуация в Башкирии начинает меняться. В первой половине XVIII в. российское правительство начинает формировать систему централизованного управления краем⁵. В XVIII в. происходят существенные изменения на политической арене. Россия становилась мировой империей, и это не могло не отразиться на отношении государства к подданным. Империя меняет приоритеты своей внутренней политики. Ярким примером этого являются её отношения с Башкирским краем и реакция на башкирские восстания середины XVIII в.

Причины восстаний XVII и XVIII вв. были очень схожими: недовольство политикой царской, а позже имперской администрации. Выступления всегда были вызваны насущными проблемами: увеличением налоговых сборов, наступление на башкирские земли, «злодейства» местной администрации, усиление гнета со стороны русских и башкирских феодалов. Ко всему этому добавлялось недовольство мусульманского духовенства религиозной политикой центра, хотя Россия никогда не проводила планомерной христианизации края⁶.

Как и многие явления XVIII в. изменения ситуации с башкирами, были обусловлены экономическими нуждами нарождавшейся Империи. Еще Петр I хотел создать из России централизованную Империю, имеющую возможность удовлетворять все свои внешнеполитические амбиции. В момент принятия этого решения судьба Башкирии была предрешена. Приемники Петра продолжают его политику

¹ *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства, С. 194; *Усманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Московскому государству, С. 59-61.

² Башкирские шежере, С. 73; Шежере башкир племен бурзян, кыпсак, усерган и тамьян. История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей РФ, С. 103

³ *Чернова Т. А.* Присоединение Башкирии к Российскому государству и проблема их взаимоотношений во второй половине XVI-начале XVIII вв. Уфа, 2006 г., С. 82

⁴ *Юлдашбаев Б. Х.* Проблемы нации и положение в составе царской России, С. 112.; *Кузеев П. Г., Юлдашбаев Б. Х.* 400 лет вместе с русским народом, С. 35

⁵ *Акманов И. Г.* Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII вв., С. 121; История республики Башкортостан с древнейших времен до 1860 г., С. 203.

⁶ *Старостин А.* Ислам в Башкирии. Уфа, «КИТАП», 1996 г., 146-147.

создания сильного государства. Активная индустриализация Среднего Урала привела ко все большему проникновению русской администрации в дела Башкирии. Медленно, и еще не вполне последовательно, начинается наступление на самоуправление региона.

При Анне Иоанновне администрация принимает полновесный план включения Башкирии в административную систему Российской империи. Тогда и начинается подлинное присоединение Башкирии к России. Целью Оренбургской экспедиции было упрочение позиции Санкт-Петербурга в крае. Башкирам изначально отводилась важная роль в дипломатических акциях правительства¹. Но после расправы над послами от башкир, приехавших в Уфу за объяснениями по поводу целей Экспедиции, в крае поднялось восстание (1735-1740 гг.). Это движение было одним из самых крупных за историю башкирских восстаний.

В условиях складывающейся централизованной системы и укрепляющихся позиций властей в крае, правительство пошло на беспрецедентные по жестокости меры по отношению к повстанцам. Не раз за время восстания башкиры пытались начать переговоры с администрацией. Но, обладая достаточной военной силой в крае, опираясь на небашкирское население, правительство имело возможность подавить восстание, а не очередной раз законсервировать, пойдя на уступки. Такое решение было определено важностью Оренбургской экспедиции, которую бы пришлось свернуть в угоду местному населению. Интересы Империи перевесили нравственные законы. Восстание подавлялось необычайно жестоко.

Русская администрация не идет на переговоры, как это было в конце XVI – XVII вв., действуя только с позиций силы. Так, например, в июне 1736 г. В. Н. Татищев направил к восставшим специальную грамоту, призывающую прийти с повинной, а в случае отказа грозил карательным походом. Это было новым в общении с повстанцами. В июле-августе принесли повинную башкиры ближних к сибирским слободам волостей во главе с их предводителем Кутукаем.

Подобную тактику применял и А. И. Тевкелев, что отражено в его донесении о заложении Челябинской крепости. Но этот документ хранит в себе сообщение не только о новой крепости и повинной, принесенной несколькими предводителями повстанцев, но и свидетельство новой тактики русских чиновников – всеми способами лишать движения руководителей. Одна фраза в документе зашифрована: «iussur wor ssabanom oderzani»², что можно трактовать как «Юсуп вор с Сабаном одержаны», что является явным доказательством вероломства русских офицеров: башкиры, пришедшие с повинной, были арестованы. Именно подобное обращение с послами от башкир в 1735 г. побудило местное население поднять оружие, поэтому, вероятно, фраза была зашифрована. Смысл донесения не должен был быть понят восставшими, в случае предательства или гибели гонца. Речь, скорее всего, идет о предводителе восставших – Юсупе Арыкове. Так военачальники обезглавливали повстанческие отряды.

Ни о каких уступках восставшим уже говорить не приходится. Надо заметить, что восстание 1735–1740 гг. было закономерным. Башкиры, поднимая восстания, стремились напомнить сеньюру о первоначальных договоренностях. В XVII–начале XVIII вв. Россия действительно шла на уступки, и диалог с башкирами возвращался в русло сеньориально-вассальных отношений. Край сохранял широкую автономию. Но в середине XVIII в. ситуация резко меняется. Поэтому и ответ России на восстание был закономерным – были приняты Мензелинская программа и указ от 11 февраля 1736 г., направленные на полное подчинение края центру.

После подавления восстания, государство решает создать образцовую систему правления. Правительство намеревалось расширить этнический состав населения края за счет русских переселенцев. Администрация хочет также опереться на небашкирское местное население, лояльное к власти. Рядом мер подрывалось влияние родовой знати. Всех принимавших участие в восстании следовало жестоко наказать. Были

¹ Азнабаев Б. А. Указ. соч., С. 207; Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, Уфа, Китап, 1999 г., С. 187-188.

² Донесение А.И. Тевкелева о заложении Челябинской крепости // Фонд Центра историко-культурного наследия г. Челябинска (перевод прилагается).

внесены предложения по урегулированию мусульманских дел. Но и теперь насильственной христианизации не было – правительство лишь ввело дополнительные льготы новокрещенам. В 60-80-е гг. XVIII в. любые намеки на насильственную христианизацию башкир и татар немедленно фиксировались и пресекались при помощи губернской администрации. Последняя, исходя из прагматичных задач сохранения спокойствия в регионе, проводила относительно взвешенную религиозную толерантную политику¹. Seriously за религиозную проблему возьмется только Екатерина II, после подавления Пугачевского восстания. Она решает интегрировать ислам в политическую систему Российской империи.

Благодаря этому, как ни странно, с санкции российских властей началась подлинная исламизация Башкирии, включающая массовое строительство мечетей, распространение шариатского судопроизводства в некоторых сферах, становление и последующее развитие мусульманской системы образования. И, самое главное, Уфа на два столетия стала центром официальной мусульманской религиозной жизни России².

Империя имела право и возможность на силовое решение проблемы. Позиция ее в крае была уже достаточно сильна. Башкирия наводняется легальными переселенцами из центральных уездов России, после разрешения продавать общинам вотчинные земли теряет свою власть родоплеменная верхушка. Расширяется сеть опорных пунктов (крепостей и форпостов) власти в районе. Практицизм политики Кабинета дает возможность опереться на небашкирское местное население, которое за участие в подавлении восстания получало арендуемые ими у башкир земли и право не платить оброк своим хозяевам – башкирам. Усиливается контроль за мусульманским духовенством. Власти не шли ни на какие переговоры и уступки. Правительственные войска «огнем и мечом» подавили восстание.

Не отступила Империя от своих принципов и в 1755–1756 гг., когда башкиры выступили против новой политики в крае: массовой русской колонизации, строительство заводов, усиления налогового гнета. Башкир перевели с ясака на налог за соль. Это восстание было последним более-менее крупным башкирским восстанием XVIII в. Оно уже не было таким массовым, как предыдущее движения, немногие повстанческие отряды без проволочек были быстро и жестоко подавлены. Успехи карательных акций закреплялись строительством новых крепостей³. Так же была применена новая тактика – натравливание одного народа на другой. В наиболее полной мере она проявилась в стравливании башкир и казахов. Край снова стал благонадежным плацдармом для продвижения в Среднюю Азию. Цель – интеграция Башкирии в систему управления – достигнута.

Таков был процесс включения Башкирии в административную систему государства. Начались отношения с добровольного вхождения в состав соседнего государства, на протяжении полутора веков проходило под знаменем широкой автономии и периодических восстаний. Вооруженные движения напоминали правительству о первоначальных условиях подданства. XVIII в. меняет все: на место Русского царства приходит Российская империя, компромиссы отступают перед силовыми методами⁴. Край наводняется правительственными войсками, строятся новые крепости, подрывается влияние родовой знати, власть теперь опирается на небашкирское население, предпринимаются попытки урегулирования религиозных вопросов. К середине XVIII в. Башкирия была полностью включена в систему управления империей, автономия и самоуправление уступили место централизации.

Доношение.

Вашему превосходительству покорно доношение сего сентября «2» дня на реке Миассе урочище Челяби от Миасской крепости в 30 верстах заложил город, где оставая для строения оногo Челябинского городка и кошения сена надежную команду

¹ *Сергеев Ю.Н.* Православное духовенство Южного Урала в конце XVIII – первой половины XIX века (на примере Оренбургской епархии), Уфа, РИЦ БашГУ, 2007, С. 129.

² *Старостин А.* Указ. соч., С. 148.

³ Очерки по истории Башкирской АССР, Т. I, ч. I, С. 196-197.

⁴ *Чернова Т. А.* Российско-башкирские отношения середины XVIII в.: проблема смены приоритетов правительственного курса. // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического курса ЧелГУ, Челябинск, ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2007, вып. 3, С. 123.

регулярную и нерегулярную и несколько мужиков. Сего же сентября 10 числа прибыл я с командою моею в Чебаркульскую крепость благополучно, где счастием Ея Имп. Вел. всемилостивейшей нашей государыни и вашего превосходительства мудрым повелительным наставлением Юсуп вор с Сабаном одержаны, а старшины Кусям, Урай, Таимаев, Кутугай здесь своею волею при мне и я велел им послать и послали во все улусы чтоб шли с повинно к присяге и дал сроку на неделю и тем старшинам я объявил буде они всех не бывших с повинною у присяге чрез оный срок по посланным от вашего превосходительства неоднократным указом и оному моему им объявлению к присяге повинною не приедут, то им надобно за такое свое непокорство ожидать гневу Его Имп. Вел. О протчем обстоятельно и впредь и на ордеры Вашего превосходительства пространно с покорностию моею доносить буду: а теперя для скорости с Янгильдой до вашего превосходительства наикратце покорно репортую.

О чем покорно доносит полковник Тевкелев (автограф)
Получено через Янгильду Самангулова
Сентябрь 13, 1736 г.

© Чернова Т. А., 2008.

Э. З. Шакирова

Мероприятия власти по проведению атеистической работы на Южном Урале в 1970-е гг.

70-е годы XX столетия вошли в историю СССР как эпоха «застоя», которая нашла отражение во всех сферах общественной жизни, в том числе и в государственно-конфессиональных отношениях. В отчетном докладе Л. И. Брежнева на XXIV съезде партии ничего конкретного не говорилось о задачах партийных организаций в «борьбе с религией», даже отсутствовал сам термин «атеистическая работа». Казалось, что религиозный вопрос стал терять свою былую остроту и актуальность. Однако генеральная линия КПСС в отношении этой сферы оставалась неизменной. 16 июля 1971 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания населения», в котором был разработан комплекс мероприятий и, который стал «государственным планом преодоления религиозного сознания масс». Планировалось к концу 1970-х гг. полностью искоренить из сознания людей религиозные предрассудки.

Постановление ЦК партии воспринималось как руководство к действию. В первую очередь активизировалось Всесоюзное общество «Знание». Так, 12 октября 1971 г. проходило расширенное заседание Президиума Правления Оренбургской областной организации общества «Знание», куда были приглашены члены научно-методического совета по научному атеизму – Рабинович Я. В., Дьячковская Г. Р., Гвоздик И. И., Спицина Т. М., Василенко Г. Д., Кузьмина Л. К., а также руководители атеистических секций, инструктора городских и районных комитетов. На заседании было подчеркнуто, что наблюдается значительное ослабление научно-атеистической пропаганды в области. Например, в 1970 г. за девять месяцев было прочитано 3720 лекций по атеистической проблематике, а в 1971 г. несколько снизился и составил 3387 лекций¹. Такое состояние дел стало объектом обсуждения в партийных организациях. Итогом стало принятие оренбургским обкомом постановления от 12 октября 1971 г. «Об усилении атеистического воспитания населения». Результат не заставил долго ждать, уже в 1973 г. в клубах, домах культуры, на предприятиях было прочитано около десяти тысяч лекций, что почти втрое превысило показатели 1971 г.² Однако цифры, которыми часто оперировали в своих отчетах уполномоченные, не всегда свидетельствовали о реальном положении дел. Имело место, когда слушателей заставляли посещать лекции в принудительном порядке, во время обеденных пере-

¹ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДННАО). Ф. 8062. Оп. 1. Д. 355. Л. 116.

² ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1635. Л. 116.

рывов, после окончания рабочего дня. Сами лекции не всегда вызывали интерес у слушателей, не всегда читались на должном уровне, страдали схематизмом, носили декларативный и назидательный характер.

Особое внимание было обращено на подготовку пропагандистов научного атеизма. Так, в 1968 г. при содействии горкома партии г. Бугуруслана Оренбургской области был организован народный университет научного атеизма. Непосредственно подготовкой кадров занимались первичные организации общества «Знание». Обучали в университете опытные пропагандисты: П. П. Баранов преподавал основы научного атеизма в сельскохозяйственном техникуме, В. А. Ильина – педагог в педучилище, Л. В. Винюкова – замдиректора по воспитательной работе средней школы им. Калинина, М. В. Закиров – учитель истории в школе № 10. Программа включала разделы «Искусство и религия», «Свобода совести в СССР», «Советское законодательство о культах». К чтению лекций также привлекались работники партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, юристы, деятели культуры. Повышение идейного уровня преподавания основ научного атеизма в учебных заведениях также являлось одной из главных задач усиления атеистической пропаганды. В высших и среднеспециальных учебных заведениях данный курс стал обязательным.

В атеистической работе появились возможности более широкого использования радио и телевидения. Так, на оренбургском телевидении ежемесячно показывали передачи «Мораль религиозная и коммунистическая несовместимы», «Закон и религия», «Происхождение христианства». На радио звучали передачи «Роль религии в современной идеологической борьбе», «Сущность мусульманской религии»¹. Челябинский радиожурнал «Колокол» периодически информировал о положении дел на местах, связанных с проблемами религии и атеизма. Затрагивались такие темы, как «Лев Толстой и религия», «Религия и музыка», «Новиков-Прибой обличает»².

Плакат также являлся действенным средством в атеистическом воспитании. Так, среди студентов художественно-графического факультета Магнитогорского педагогического института ежегодно проводили конкурсы атеистического плаката. Наиболее интересные работы поощрялись и помещались на стендах для всеобщего обозрения, среди них дипломанты: Н. Карпов «Диверсия без динамита», О. Назаренко «Не нам поп няня, Христу отставку вручите, наш наставник – знание, книга – наш учитель», А. Польских «Церковь на службе капитала»³.

С 1970-х гг. советские исследователи все чаще отмечали рост числа новообращенных молодых людей среди верующих. Партийные структуры отреагировали на это целым комплексом мероприятий по отвлечению населения от религиозных традиций. Особенное внимание они уделяли работе с детьми верующих. Так, в Оренбургской области в районах с немецким населением работали детские кинотеатры, в которые вход был бесплатным. В феврале-марте 1979 г. был проведен кинофестиваль, на котором были просмотрены и обсуждены фильмы с антирелигиозным подтекстом «Конец света», «Анафема», «Люблю тебя, жизнь». В школах для учащихся вводилось производственное обучение для подготовки механизаторов широкого профиля и операторов машинного доения коров. Для работы с детьми в летнее время были построены лагеря труда и отдыха в селах Претория, Кичкасс, Кубанка Переволоцкого района, в которых было занято 561 учащийся. В коллективах физической культуры колхозов им. Тельмаха, им. К. Маркса, им. М. Горького того же Переволоцкого района молодежь была активно вовлечена в спортивно-массовые мероприятия – футбол, волейбол, лыжный спорт и т.д.⁴

Женщина находилась в центре антирелигиозной пропаганды. Считалось, что женщины легко поддавались религиозному влиянию. Создавались женсоветы, которые проводили беседы для домохозяек, читали лекции в красных уголках при домоуправлениях, таким образом пробуждая интерес к светской жизни. Особенно важно то, что в активную общественную работу включались женщи-

¹ Будни атеистов. Челябинск, 1973. С. 12.

² Атеисты за работой. Челябинск, 1985. С. 44.

³ Там же. С. 76.

⁴ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 413. Л. 46.

ны, которые раньше не принимали в ней участие. В женсоветах, как правило, работали женщины-энтузиасты, которые все свободное время уделяли работе с женщинами и детьми по месту жительства. Например, женсовет при домоуправлении треста «Челябметаллургстрой» организовал кружки текущей политики для актива женщин, кройки и шитья, более 500 женщин-домохозяек были вовлечены в общество Красного Креста¹.

Одним из ключевых моментов стала замена религиозных обычаев и традиций новыми советскими праздниками и ритуалами, в которых участвовали общественные и государственные органы, учреждения культуры, профсоюзные, комсомольские организации, школы. Так, в Пономаревском районе Оренбургской области при активном участии комиссии содействия получили распространение такие мероприятия, как посвящение в хлеборобы, животноводы, чествования передовиков производства, ветеранов труда, вручение паспортов, проводы в армию, а также торжественная регистрация брака, новорожденных². Аналогичная работа проводилась и в Челябинской области. Так, исполком Челябинского областного совета депутатов трудящихся и ряд горисполкомов приняли специальное решение по внедрению в быт новых гражданских обрядов. В г. Златоусте при горисполкоме был создан совет по внедрению в быт новых гражданских обрядов и безрелигиозных праздников в составе 14 человек. Утвердили положение о правах и обязанностях этого совета; в Челябинске было выделено 10 лучших Дворцов культуры и клубов для проведения торжественных регистраций брака, рождений и других праздников. Городской клуб атеистов г. Челябинска обобщил опыт безрелигиозных организаций; обобщенный материал был издан областным отделением «Знание» в помощь местным работникам³.

Таким образом, в 70-е годы XX столетия атеистическая пропаганда продолжала разрастаться. Но вместе с тем в научно-атеистических мероприятиях не было определенной последовательности, системности и они чаще всего приобретали черты формальности, рутинности и эпизодичности.

© Шакирова Э. З., 2008.

Р. Р. Шарипов

К вопросу о возрождении и обновлении ислама на территории Урало-Поволжья

В настоящее время Россия переживает один из наиболее противоречивых и сложных этапов в своей истории. Преобразования, начавшиеся с 90-х годов XX века, внесли серьезные коррективы и изменения во все сферы жизни общества и государства. Одним из проявлений начавшихся изменений в стране стало религиозное возрождение, которое характеризуется увеличением числа верующих, ростом в общественном сознании престижа религиозных организаций, действующих в стране, обращением к религиозной культуре, возникновением партий и движений на основе религиозной идеологии.

Этот процесс, определяется как «возрождение ислама». Данное словосочетание прочно вошло в научную, религиозную и публицистическую литературу, широко используется средствами массовой информации, непосредственно связано с миллионами людей, их мироощущением и миропониманием. Возрожденный ислам влияет на их отношение к происходящим в обществе преобразованиям и различным процессам, на определение ими собственного места в обществе, оценку своего настоящего и определения будущего. Религия, хотя она и оказывает влияние на экономические отношения и другие сферы жизнедеятельности общества, не является исходной и определяющей. Поэтому в разных обществах религии отводится разное место. Такой подход полностью применим и к изучению роли ислама в России. В конечном счете, возрождение ислама – явление общест-

¹ Атеисты за работой. С. 84.

² ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 413. Л. 46.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-1470. Оп. 3. Д. 15. Л. 307.

венное, связанное непосредственно с теми изменениями, которые произошли и происходят в экономической, политической и духовной жизни современной России

Одним из важнейших результатов возрождения ислама, считают исследователи, является увеличение числа верующих, религиозности в целом. По мнению доктора исторических наук, профессора Р. Набиева: «Этот процесс довольно четко прослеживался и в динамике роста считающих себя верующими»¹. «Постперестроечная свобода, по мнению доктора исторических наук, профессора А.Б. Юнусовой, привела к естественному росту религиозности и традиционно существовавших религиозных объединений»².

Однако, отмечая «слабость ислама в идеологическом отношении», профессор А. Б. Юнусова пишет: «Особенность сегодняшнего российского ислама – некомпетентность большинства верующих в области религиозных знаний, догматики, обрядности, традиций. Все это результат чрезвычайно жесткой секуляризации и отчуждения верующих от веры в предшествующие годы. В основной массе мусульмане России не знают ислама, его историю, норм, порядков и обрядов...»³.

Исследователь из Казани Р. Мусина, отмечая также «достаточно поверхностный и формальный характер религиозности татар», указывает, что «многие, особенно молодые, не знают даже азов ислама. Весьма немногочисленны, даже среди тех, кто считает себя верующим, соблюдающие все основные, обязательные для истинного мусульманина принципы ислама: шахада, пятикратный намаз, ураза, закят и садака, хадж».

Далее она приводит данные об очень небольшом числе татар-горожан, которые молятся дома и посещают мечети. Говоря об активности молодежи, особенно при посещении мечетей, она пишет: «Вероятно, в современных условиях мечеть воспринимается ими как явление национальной культуры, как знаковый элемент, подчеркивающий самость индивида как представителя своего этноса. Не исключается при этом и влияние определенной моды, и поведения друзей, сверстников православного вероисповедания»⁴.

Сегодня идет бурным росте новых мечетей, многие из них строятся там, где не было вообще мечетей. Есть и такие населенные пункты, особенно в сельской местности, где имеется две мечети и строится третья или четвертая мечеть. Необходимо сказать и о другом явлении, ставшем возможным только благодаря социально-политическим изменениям в обществе: «Видимым признаком религиозного возрождения стала массовая регистрация и возникновение новых мусульманских общин, возвращение старых и строительство новых мечетей»⁵.

Таким образом, осуществленный выше анализ дает основание утверждать, что возрождение ислама в России не породило, а во многом легализовало высокую степень охраны религиозности мусульманских этносов. Именно высокая степень сохранения ислама в сознании и поведении мусульманских этносов России предопределила появление за сравнительно короткий отрезок времени большого количества мечетей, средних и высших духовных учебных заведений, открытие при каждой мечети религиозных школ для детей, молодежи и взрослых, появление возможности издавать и распространять большое количество исламской литературы.

Практически все исследователи отмечают, что современный ислам в России носит во многом бытовой характер, заключается только в массовом соблюдении религиозных обрядов и участии при их совершении. Подчеркивается также, что участие это во многом продиктовано имеющимся в массовом сознании смешением религиозного и национального, то есть религиозные обряды воспринимаются как национальные. Возможно, это так. Но сам факт массового участия населения в совершении религиозных обрядов весьма примечателен и многозначителен. Совершение обряда – это следствие, следствие наличия ре-

---

¹Набиев Р. А. Ислам и государство. Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на европейском Востоке. Казань, 2002, С. 141.

²Юнусова А. Б. Ислам в структуре межконфессиональных отношений в Башкирии // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России: Сб. статей / Под ред. А. Б. Юнусовой и А. В. Малащенко. М., 1998, С. 57.

³Юнусова А. Б. Ислам в контексте современных этнополитических процессов в России // Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С. М. Ислам в Евразии. Современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. М., 2001, С. 279.

⁴Мусина Р.Н. Ислам и мусульмане в современном Татарстане // Ислам в татарском мире: история и современность (материалы Международного симпозиума. Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г.). Казань, 1997, С. 212, 213.

⁵Набиев Р. А. Указ. соч. С. 141.

лигиозных чувств, осознания своей принадлежности к исламу. А совершение обрядов и предписаний ислама практически всем конкретным мусульманским этносом свидетельствует о том, что эти чувства являются массовыми.

Массовость соблюдения обрядов, подчеркнем, – составная часть проявления религиозности. Поэтому нельзя сводить данное явление лишь к формальному акту, не вытекающему из мировоззрения, миропонимания людей. Демократические преобразования создали условия, при которых то, что скрывалось, оставалось незамеченным, стало открыто проявляться, вышло наружу. Поэтому массовое соблюдение обрядов должно быть признано как своеобразие проявления религиозности в исламе.

Многие исследователи, как и положено им, не ограничиваются количественными показателями возрождения ислама и пытаются оценить их итоги, отраженные в сознании и поведении мусульман. Исламовед из Уфы считает, что «возрождения религиозного сознания не произошло даже в приблизительно полном объеме. Сегодня по-настоящему последовательные приверженцы составляют лишь незначительную часть прежде мусульманских народов. Большая масса людей, посещающих мечети, справляющих религиозные праздники, не только не подчиняют жизнь религиозным нормам, но нередко не знают их в достаточном объеме». «Возрождение религии в полном объеме, – по его мнению, – начнется с просвещения основной массы адептов. Это длительный процесс, к тому же осложненный условиями индустриального общества. Поэтому, вероятно, возрождения (если следовать точному значению этого термина) не произойдет, а позиции ислама будут восстановлены в модифицированной, приспособленной к современным политическим и социальным условиям форме»¹.

В наши дни нет города, села, в духовной жизни которого доминировали бы мечеть и имам. Мы не забываем при этом, что и в наши дни в любом населенном пункте в основном проживают люди, осознающие тесную связь с исламом. Однако далеко не все из них являются верующими людьми. Учитываем и такое, принципиально важное изменение. В прошлом именно под воздействием религии формировалось мировоззрение людей, их представление об окружающем мире, отношение к нему. Жизненные ценности и ориентиры людей также целиком были основаны на исламе.

Религиозная община имела возможность заниматься делами, далеко выходящими за рамки ислама, диктовать свое видение при решении всех без исключения сторон жизнедеятельности не только прихожан, но и членов их семей, всех жителей села, городского квартала. Ныне исламу не принадлежит решающая роль и в становлении личности, ее развитии. Определяющая роль в этом отводится сфере образования, средствам массовой информации, учреждениям культуры, семье, в ценностях которой, наряду с мусульманскими, немало представлений, продиктованных современными реалиями. Изменилась и роль общины.

Современная община мусульман во многом превратилась именно в религиозную общину, она не может оказать решающее воздействие на все стороны жизни окружающих. Следовательно, сужается и круг вопросов, в решении которых она может участвовать. Община не может существенным образом влиять на не связанные с исламом стороны жизни людей, не оказывает воздействия на деятельность органов власти, хозяйствующих субъектов. Возрождение ислама в корне изменило положение имама, отношение к нему окружающих. Значительно расширился круг деятельности общины. Хотя религиозные организации и действуют в условиях конституционного отделения церкви от государства и школы от церкви, тем не менее государство не отдаляет от себя религиозные организации, вступает с ними в партнерские отношения при решении множества проблем, особенно социальных. В наши дни мусульманские организации, религиозные объединения участвуют в решении множества социально значимых проблем (религиозное образование, борьба с алкоголизмом, детской преступностью и наркоманией, работа среди заключенных, благотворительность и т. д.). Им постоянно приходится вступать в деловые контакты с российскими и местными органами министерств образования, культуры, здравоохранения, внутренних дел, обороны и т. д.

Необходимо отметить, что в России сформировался совершенно новый тип мусульманина. У него, наряду с общими для всех мусульман мира чертами, имеются свои не-

¹ Якутов Р. Ислам в России в свете этнографии // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. Сб. статей // Под ред. А.Б.Юнусовой и А. В. Малашенко. М., 1998, С. 99, 100.

повторимые, отличительные черты. Подчеркиваем, новый тип мусульманина, а не ислама. Подчеркиваем же эту мысль по следующей причине. Нам все чаще приходится встречаться с утверждениями о формировании в России за последние годы «евроислама» («неоджадидизма»), «татарского ислама»¹.

Формирование «евроислама» обосновывается традициями джадидизма, имеющими прочную базу, высоким уровнем образования, наличием большого числа университетов, светским характером общества. Особый упор делается на характер экономики. «Если посмотреть на остальной исламский мир, – говорит Р. Хакимов, – то Татарстан отличается тем, что у нас развиваются науки, у нас производится высокотехнологическая продукция. Наши основные конкуренты находятся в Европе, в Америке, потому что надо продавать КамАЗы, вертолеты, гражданские самолеты. Если мы будем производить хуже, чем «Сикорски», «Еврокоптер», то мы проиграем. Отсюда – ориентация на евростандарты, что вполне объяснимо. Это не просто идеологическое, это экономическое требование. Остальной исламский мир находится в другой ситуации, он просто продает сырье. И в этом капитальное отличие Татарстана. Из сказанного выше вытекают особенности исламской субцивилизации в Татарстане. В этом смысле я согласился бы с тем, что у нас есть элементы неоджадидизма (или евроислама – иногда мы так формулируем), имея в виду то, что исламская культура, исламские традиции и джадидистские традиции соединяются с либеральными идеями»². «Татарский ислам», по мнению Л. А. Баширова, идет по пути поиска объединения с Западом (европейской цивилизацией) без ущерба для качественной определенности ислама и исламской культуры. Он подчеркивает, что такой ислам, в отличие от «северокавказского ислама», обогащен значительно большим опытом общения с немусульманскими народами и конфессиями, постоянными связями с представителями ортодоксального ислама центральноазиатских народов. «Столетия совместного проживания и разнообразный опыт межцивилизационного диалога, – пишет он, – воспитали в татарском народе черты национальной и конфессиональной толерантности, а татарский вариант ислама органично соединил в себе культурные и моральные ценности ислама с идеями либерализации и парадигмами европейской цивилизации.

Этот опыт приблизил «татарский» ислам к современной Европе (Западу), где уже сформировался так называемый евроислам, то есть особый вариант ислама, носителями которого выступают представители европейских народов (боснийские славяне, турки) и активно обживающие эту часть мира выходцы из исламских стран. «Татарский ислам» – это один из вариантов евроислама, способный стать духовным мостом между исламскими этносами России и Европы»³.

Нам известно, что среди исламоведов идея «евроислама» не получает безоговорочной поддержки. Так, доктор исторических наук А. В. Малашенко отозвался об этом явлении в науке следующим образом: «Странным, пока еще не артикулированным до конца направлением в возрожденчестве явилась попытка самокорреляции в рамках «евроислама», то есть специфического сегмента европейской, но не христианской цивилизации»⁴. Трудно не согласиться с авторами процитированных работ, когда они приводят факты, касающиеся социального развития татар, ссылаются на опыт джадидизма.

Таким образом, возрождение ислама в России носит во многом количественный, а не качественный характер. Количественный рост мечетей не сопровождается обновлением религиозного учения, присущим исламу на всех этапах его существования, поисками путей осовременивания исламского просвещения. Возрождение ислама воспринимается значительной частью духовенства как возврат к прошлым формам религиозности и религиозной жизни, что представляется принципиально невозможным. Не преодолено и отношение к религии как сумме механически исполняемых обрядов.

¹ См.: *Хасанов М.* Феномен российского мусульманства // *Ислам в татарском мире: история и современность.* Казань, 1997, С. 12; *Батанова Г. Р.* Ислам в современном Татарстане // *Ислам в истории и культуре татарского народа.* Казань, 2000, С. 179; *Баширов Л. А.* Ислам и этнополитические процессы в современной России. М., 2000, С. 75–77; *Хакимов Р.* Ислам и элита Татарстана. Выступление на семинаре «Ислам после СССР». Май, 2002 // Сайт Центра восточных культур ВГБИЛ.

² *Хакимов Р.* Ислам и элита Татарстана. Выступление на семинаре «Ислам после СССР». Май, 2002 // Сайт Центра восточных культур ВГБИЛ.

³ *Баширов Л. А.* Ислам и этнополитические процессы в современной России. М., 2000, С. 76.

⁴ *Малашенко А. В.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998, С. 97.

Еще один фактор, который надо иметь в виду, это процессы, которые сегодня принято определять как глобальные. Речь идет о фундаментальных процессах, которые своим воздействием охватывают всю территорию земного шара, весь мир: демографических и экономических, информационно-коммуникационных и культурных, этнических и экологических и т. д. Россия все больше и больше включается в эти интеграционные процессы, становится их активным участником. Противоречивые глобальные процессы приводят к стиранию национальных различий во многих областях, включая культурные и духовные, сопровождаются созданием унифицированных (однообразных) духовных потребностей, отказом от многовековых традиционных представлений.

Глобализация охватила, и в дальнейшем, все шире будет охватывать и мусульманские страны всего мира, самих мусульман. Россия – страна многонациональная и многорелигиозная. В ней проживают более ста с лишним народов, для которых она – единственная Родина, земля их предков. Поэтому успешное развитие страны во многом будет зависеть от состояния межнациональных и межрелигиозных отношений, от диалога между различными религиозными организациями, прежде всего традиционными для России. В настоящее время этот диалог только начинается и охватывает пока только религиозные центры. Но все больше и больше религиозных и светских деятелей начинают понимать, что в условиях многонациональных регионов этого мало и надо переходить к непосредственному диалогу на уровне конкретного населенного пункта, между членами общин и самими верующими.

© Шарипов Р. Р., 2008.

Н. С. Шляхтина

Состояние здравоохранения в Уфимской губернии в период второй половины XIX – начала XX вв.

Длительное время Южный Урал являлся отсталой окраиной царской России. Экономические и политические особенности Южного Урала не могли не наложить отпечаток и на оказание медицинской помощи. Царское правительство практически не заботилось о здоровье народа. Достаточно сказать, что для оказания медицинской помощи населению Южного Урала оно выделяло вдвое меньше средств (46-52 коп. на 1 жителя), чем в среднем по России¹. Неудивительно, что смертность населения на Урале в 1889-1914 гг. составляла от 43 до 54 случаев на 1000 жителей. После образования в 1865 г. Уфимской губернии в ведение губернского правления перешли все немногочисленные медицинские учреждения. Состояние и оборудование больниц было примитивным. С момента функционирования в губернии земских учреждений на народное здравие и общественное призрение расходовалось 24,579 руб². Ситуация изменилась с учреждением в крае земств – реконструировались лечебницы, увеличивался коечный фонд (см. таблицу 1).

Табл. 1.

Медицинские учреждения в Уфимской губернии

Год	Больничные заведения, приемные покои	Количество больничных заведений	Количество коек
1882	Больницы Аптеки	11 7	Нет данных
1892	Больницы Аптеки	37 9	916
1902	Больницы Аптеки	66 18	1470
1912	Больницы Аптеки	56 32	1229

¹ Становление охраны здоровья народа на Южном Урале. Южно-уральское книжное издательство, 1970.

² Санитарно-статистические сведения по Уфимской губернии. Выпуск 1. Очерк движения населения Уфимской губернии в 1897-1911 гг.

Из таблицы виден явный рост больничных заведений с количеством в них коек, но даже эти показатели не могли удовлетворить нужды населения. Усилиями земства медленно, но неуклонно увеличивается численность медицинского состава (см. таблицу 2).

Табл. 2.

Численность медицинского состава Уфимской губернии

Год	Состав медицинского персонала	Общее количество
1	2	3
1882	Врачей Фельдшеров Повивальных бабок	21 105 24
1888	Врачей Фельдшеров Повивальных бабок	60 121 28
1895	Врачей Фельдшеров Акушерок, Повивальных бабок	9 177 36
1898	Врачей Фельдшеров Акушерок, Повивальных бабок	97 207 36
1904	Врачей Фельдшеров Повивальных бабок	107 221 43
1907	Врачей Фельдшеров Повивальных бабок	169 296 54
1913	Врачей Фельдшеров Акушерок, Повивальных бабок	158 337 52
1915	Врачей Фельдшеров Акушерок, Повивальных бабок	93 182 63

Данные цифры показывают значительный рост врачебного, фельдшерского, акушерского состава. В отдельные периоды численность врачей значительно увеличивалась. Это было связано с тем, что в периоды вспышек эпидемий, медицинский штат набирался на непостоянной основе. Потребность в медицинском персонале быстро возрастала, поэтому на средства губернского земства 1 сентября 1908 г. в Уфе открылась фельдшерско-акушерская школа, куда были приняты 60 человек, а в 1912 г. состоялся первый выпуск 32 фельдшеров и повивальных бабок.

Рост больничных заведений, численность медицинского состава требовал дополнительного финансирования (см. таблицу 3).

Табл. 3.

Денежные затраты на медицинское обслуживание в Уфимской губернии

Год	Денежные затраты. руб.
1882	204.396
1888	210.403
1901	408.665
1907	1.234.305
1913	1.846.677
1915	2.364.679

Увеличение денежных затрат на здравоохранение свидетельствовало о том, что земская медицина упрочила свои позиции к началу XX века. Дополнительное финансирование позволило в 1889-1890 гг. земству построить новую больницу по павильонной системе на 114 коек¹. Дальнейшее ее развитие предполагалось не ко-

¹ Краткий очерк развития земской медицины в Уфимской губернии 1875–1917. Уфа, 1917. С. 8.

личественно, а качественно. На очередных ежегодных губернских земских собраниях вопрос о ее деятельности поднимался неоднократно, поэтому удалось увеличить штат персонала, обновить амбулаторию, пристроить прозекторскую, а в 1913 году был устроен в больнице рентгеновский кабинет, пользование которым для всех земских учреждений было бесплатным¹. Принцип доступности медицинской помощи означал бесплатную амбулаторную помощь, помощь с бесплатной выдачей лекарств и лечебных пособий, бесплатное лечение, бесплатное проведение различных санитарных мер². Но следует отметить, что сначала 1891 года число бесплатных стационаров сокращается, что объясняется результатом снижения финансирования. Одной из лучших в стране была уфимская психиатрическая лечебница на 36 коек и уже в первые годы работы довела штат до 50 коек, а в 1890 году количество коек было увеличено до 105. Кроме этого был поднят вопрос о децентрализации психиатрической помощи и постройки новых больниц на губернской периферии, с этой целью была организована перепись душевнобольных.

Губернскому земству принадлежала инициатива развития санитарно-профилактической деятельности, как приоритетного направления в охране здравоохранения. В целом, санитарное состояние оставляло желать лучшего. Периодически происходили вспышки различных болезней. С 1884 года идет процесс выделения денежных средств на борьбу с холерой, дифтеритом. В такой ситуации высокой оставалась смертность. Так, в 1892 году в Уфимской и Оренбургской губерниях разгорелась эпидемия холеры. Всего заболело 24.587 человек, из них умерло 12.240. (49,8%)³, в 1913 году разразилась эпидемия скарлатины. В Уфимской губернии было зарегистрировано 467 случаев, 149 (32%) из которых смертельных, в 1915 году вновь развитие получила холера, которая охватила 16 населенных пунктов. Из 220 заболевших, 112 смертельных исходов (51%).

Большую настороженность вызывала детская смертность. Так, в 1897 году она достигла 37,16% всех умерших на первом году жизни. За 15 лет (1897-1911 гг.) в губернии умерло всего 446920 детей, не достигших года (37,46%) всех умерших, 22,40% всех родившихся. То есть, практически ¼ родившихся, не достигших года жизни, что являлось показателем неблагоприятных условий⁴. Для сравнения, смертность детей в возрасте до года в период с 1885 г. по 1900 г. составила в Швеции – 12,9%, Англии – 14,5%, Бельгии – 15,3%, Франции – 16,3%. В связи с чем, особое внимание медицинские службы обращали на проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий для борьбы с массовыми и заразными заболеваниями. В 1908 году начала работать Губернская и уездная санитарная служба, которая с 1886 года изначально занималась лишь противоэпидемическими мероприятиями.⁵ Кроме этого имели место субсидии губернского земства на улучшение водоснабжения, строительства колодцев.⁶ Борьбу с эпидемическими заболеваниями тормозили безграмотность населения, которое даже в период вспышек эпидемии отказывалось от медицинской помощи, поэтому среди населения с целью распространения гигиенических знаний издавались брошюры, листовки, читались лекции. Кроме этого, проводилась активная научная работа. Уфимская губерния входила в число 11-ти российских губерний, имевших свои бактериологические институты для приготовления сывороток, в 1906 году открылся оспенный телятник (в России их было только 15).⁷ Вся эта работа получила признание медицинской общественности, как на всероссийском уровне, так и на гигиенической выставке в Дрездене, где удостоилась Малой золотой медали.⁸ В целом же санитар-

¹ Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания. Т. 2. Отд. VII.

² Мысляева Н. С. Исторический анализ земского самоуправления в России: на материалах Уфимской губернии 1875-1917 гг. канд. дисс. Оренбург, 2004.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 573. Л. 1 об, 42 об; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1898 г. Оренбург, 1897. С. 107.

⁴ Санитарно-статистические сведения о Уфимской губернии. Выпуск.1. Очерк движения населения Уфимской губернии в 1897-1911 гг. С. 30-36.

⁵ Журнал заседаний Уфимского губернского земского собрания 31-й очередной и 37-й чрезвычайной сессии 1905-1906 гг. и доклады Управы. Уфа. 1906. С. 851.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп.1. Д.304. Л. 63.

⁷ ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 66-67.

⁸ Скачилов В. А. Люди подвига и долга. Уфа. 1973. С. 21.

ное состояние края оставалось тяжелым, о чем свидетельствует высокая смертность среди населения (см таблица 4).

Табл. 4.

Статистические показатели по приросту и убыли населения Уфимской губернии¹

Год	Общее число населения Уфимской губернии	Умерло	в %	Родилось	в %
1882	173276	54983	32	90205	52
1888	1942491	63512	3,2	96188	5
1893	2187015	72197	3,3	102285	4,6
1898	2344506	70238	2,9	120319	5,1
1908	2899901	79201	2,7	144987	4,9
1913	3197583	92783	2,9	147275	4,6

Таким образом, если процент смертности на общее количество жителей постепенно сокращался, то рождаемость, по сравнению с увеличением в целом населения губернии, оставалась низкой. Сложности существовали в сельской местности, так как сельские лечебницы были небольшими и эффективность обслуживания была низкой, оснащение сельских жителей лекарственными препаратами также оставляло желать лучшего, поэтому по-прежнему в сельской местности прибегали к народной медицине. Несмотря на значительный прогресс здравоохранения в крае, медицина не могла охватить большую часть сельского населения. Так, в 1901 году на одного врача приходилось 22148 человек населения, 8012 больных. В этом же году одно больничное заведение удовлетворяло нужды 37685 человек. В 1904 году на один врачебный участок приходилось 57979 человек².

То есть, на основе этого можно сделать вывод, что, несмотря на активное развитие здравоохранения во второй половине XIX века – начала XX века, вопрос о решении народного здоровья продолжал оставаться одним из важных направлений земств. Впервые в крае создается система доступной и регулярной медицинской помощи населению (развивается сеть медицинских учреждений, растет число медицинских работников, увеличивается число больных, пользующихся медицинской помощью – в 1882 г. – зарегистрировано больных, получивших врачебную помощь 16183 чел., в 1888 г. – 283984 чел., в 1904 г. – 992434 чел., в 1907 г. – 1177409 чел., в 1913 г. больных было зарегистрировано 1455482 чел.)³. Губернское земство своей прямой задачей считало качественное улучшение медицинского обслуживания населения, но решить ее было весьма сложно.

© Шляхтина Н. С., 2008.

И. Ф. Юсупов

Роль культурной политики в совершенствовании развития национального искусства*

Необходимым условием для успешного и целостного развития национальной культуры является успешно проводимая культурная политика государства, которая представляет собой – «комплекс мер, предпринимаемых различными социальными институтами и направленных на формирование субъекта творческой деятельности, определения условий, границ и приоритетов в сфере творчества. Организацию процессов отбора и трансляции, создаваемых культурных ценно-

¹ Обзоры уфимской губернии за 1882, 1888, 1893, 1898, 1908, 1913 гг.

² История Башкортостана во второй половине XIX века. Т. 2. Уфа. 2007. С. 307.

³ Обзоры Уфимской губернии за 1882, 1888, 1904, 1907, 1913 гг.

* Исследование выполнено в рамках работы по ГНТП РБ «Проблемы культурного развития многонационального общества»

стей, норм и благ и их освоение обществом»¹. Данное определение, на наш взгляд, наиболее применимо к поставленной проблеме и отражает ее суть.

Развитию профессионального искусства, народному творчеству, а также в целом культурно-досуговой деятельности населения в последние годы в республике стали уделять особое внимание. Подтверждением этому служат ежегодно проводимые в различных городах республики фестивали и конкурсы профессионального искусства, народного творчества, национальные фольклорные праздники, культурно-массовые мероприятия, которые все больше стали популяризовать среди населения национальную культуру и искусство различных народов, проживающих на территории Республики Башкортостан. Хороший знак, что количество этих мероприятий с каждым годом все больше увеличивается.

Традиционным стало проведение таких масштабных культурных мероприятий международного значения, как международный фестиваль тюркоязычных театров «Туганлык», международный фестиваль народного фольклора «Бердэмлек», международный фестиваль балетного искусства им. Р. Нуриева и многие другие. Активизировалась в этом направлении, особенно в последние годы, также работа республиканских СМИ, в частности, радио и телевидения. Объем выпускаемых телепередач, которые освещают национальную культуру и искусство народов Башкортостана, увеличился в последние годы в несколько раз. Немаловажно, что из года в год увеличивается также выпуск художественной печатной продукции на языках народов Республики Башкортостан.

Без преувеличения можно отметить, что в какой-то мере все это результат успешно проводимой национально-культурной политики в республике, которая масштабно начала проводиться еще в 1990-е годы XX века. И за последние годы создана серьезная законодательно-правовая база модели национальной культурной политики. Это принятые в республике законы: «О культуре» (13 июля 1993 г.), «О библиотечном деле» (8 мая 1996 г.), «О национально-культурных объединениях граждан Республики Башкортостан» (19 марта 1998 г.), «О музейном фонде Республики Башкортостан и музеях Республики Башкортостан» (29 мая 1998 г.), «О творческих работниках и творческих союзах в Республике Башкортостан» (25 ноября 1998 г.), «О народных художественных промыслах» (23 мая 2000 г.) и др.² Также в соответствии с Указом Президента РБ в 2002 году был утвержден ряд основных культурных программ: «Программа по изучению, возрождению и развитию фольклора народов РБ» (23 декабря) и «Народы Башкортостана» (31 декабря). Все эти указы и программы образуют системную нормативную базу и создают прочную основу для сохранения и развития духовно-культурного потенциала и социального регулирования культурной деятельности жителей республики.

Результаты социологического исследования показали следующее. Респондентам было предложено оценить роль государственных учреждений и общественных объединений в формировании и реализации культурной политики в Республике Башкортостан³. Как показали результаты опроса, большинство как экспертов, так и населения высказались, что их роль значительна. В цифрах это выглядит следующим образом: 72,6% экспертов выбрали ответ «значительная роль», такого же мнения и 56,6% населения. 22% экспертов и 31,6% населения указали на ответ «незначительная роль». Затруднились в ответе 5,4% экспертов и 11,8% населения.

Как выясняется, эксперты по сравнению с населением гораздо выше оценивают роль государственных учреждений. Очевидно, на это может повлиять и тот факт, что эксперты по долгу службы связаны с теми вопросами, которые существуют в наши дни в сфере культуры и на своем опыте и практике реально могут дать

¹ См.: *Нарбекова Г. А.* Культурная политика Казахстана в сфере регулирования межэтнических отношений // Аль-Фараби: философско-политический и духовно-познавательный журнал. Алма-Ата, 2007. № 1 (17). С. 40.

² См.: *Галляудинов И. Г., Халфин. С. А.* О новой модели культурной политики в Республике Башкортостан в условиях реформирования страны (1990–2006 гг.) // Национальная политика и культура в современных условиях: Материалы Всероссийской науч. практ. конф. (7 декабря 2006 г.): В 2-х ч. Уфа: Гилем, 2006. Ч. 2. С. 103.

³ См.: Отчет по социологическому исследованию «Государственная политика в сфере сохранения национальных культур и удовлетворения этнокультурных и образовательных потребностей народов Республики Башкортостан». Тема № РБ-08-04 от 30.09.2004. Уфа, 2005.

оценку его роли¹. Поэтому для выяснения мнения экспертов по вопросу уделения внимания. Развитию национальной художественной культуры, мы решили провести экспертный опрос, который был организован в октябре 2006 года в городе Уфе.

В опросе участвовали 178 экспертов и характеризовались они следующими признаками: пол, образование, возраст, род занятий и национальность. Респондентами экспертного опроса выступили: преподаватели детских музыкальных школ, училищ и колледжа искусств, преподаватели Уфимской государственной академии искусств, артисты театрально-концертных организаций, работники различных культурных учреждений: библиотекари, работники музеев и т.д., т.е. люди, работа которых так или иначе связана с культурой и искусством.

Участникам опроса был задан следующий вопрос: «Достаточно ли уделяется внимания развитию национальной (этнической) художественной культуры в РБ?». Одномерный анализ ответов показал: 68% из числа всех опрошенных считают, что этому уделяется достаточное внимание, 27,5% опрошенных ответили: «не уделяется достаточного внимания в республике». Лишь 0,6% респондентов считают, что не уделяется «никакого» внимания развитию национальной художественной культуры в РБ.

Затруднились в ответе 3,9% опрошенных экспертов. Судя по ответам, мы приходим к выводу, что в целом большинство респондентов дают положительную оценку вниманию, которое уделяется развитию национальной художественной культуры в РБ. Почти 1/3 опрошенных считают, что не уделяется достаточного внимания развитию национальной художественной культуры в республике.

В современном обществе именно государство остается основным гарантом развития национальной культуры. Сегодня оно должно не только обеспечивать материальное, финансовое и законодательное регулирование культуры, которое обеспечивало бы целостное развитие и совершенствование культурной жизни населения, учитывая сегодняшнее состояние системы художественной культуры, оно должно выработать общую стратегию ее совершенствования и развития. Проводимая государством национальная политика должна учитывать весь спектр вопросов, существующих в сфере национальной художественной культуры и искусства. Философ А. Я. Зарипов пишет: «Духовные потребности, хотя и порождены материальными, имеют относительную самостоятельность функционирования и потому менее тесно сопряжены с государственными. По этой причине отдельные их элементы могут быть реализованы и вне зависимости от потребностей всего общества, как: развитие устного народного творчества, общественной мысли, философских и морально-этических воззрений и т.д. Реализация некоторых духовных потребностей требует значительных материальных ресурсов (организация образовательного процесса, театров, культурно-просветительских учреждений, подготовка специалистов и т.д.), и здесь важна роль государства. От того, как оно подойдет к данной проблеме, зависит ее решение, судьба этнической общности»². Ситуация, которую мы наблюдаем в наши дни в сфере потребления искусства, говорит нам в целом о спаде художественной культуры общества. А это, в первую очередь, признаки спада и общей культуры общества, с которыми связано резкое снижение целостности и взаимосвязанности функционирования различных общественных подсистем, прежде всего государства. Процессы социально-экономического и политического развития последних лет определили значение и роль культуры как основы, проводимых государственных социальных реформ. Наряду с происходящими в нашей стране процессами демократизации, общество постепенно стало отторгаться от былых культурных идей и ценностей, заменяя их импортируемыми из стран Европы и Северной Америки культурными ценностями.

Основу современной массовой культуры всегда составляли элементы художественной культуры, и их необходимо рассматривать как интеллектуальную продукцию, которая формирует в обществе особый тип личности. Вопросы глобально-

¹ Среди опрошенных экспертов преобладали представители малочисленных этносов республики, которые высоко оценили роль государственных учреждений в формировании и реализации культурной политики в РБ. Многие из них входят в национально-культурные объединения, действующие на территории республики (100% латышей, узбеков, евреев, немцев, белорусов, удмуртов, чувашей, 90% азербайджанцев, 50% украинцев; для сравнения – 55,6% русских, 71,8% башкир, 66,7% татар).

² Зарипов А. Я., Файзуллин Ф. С. Этническое сознание и самосознание. Уфа: Гилем, 2000 С. 62.

го экономического характера, которые определяют развитие массовой культуры, в наши дни стали отодвигать мораль, нравственность и духовность на второй план. В этом, на наш взгляд, и кроется основная проблема и угроза национальной культуре, которая заключается в отсутствии государственных механизмов регулирования происходящих в нашей стране процессов.

В обществе не существует понимания того, куда оно должно стремиться в духовном и культурном развитии. Не существует четкой государственной культурной стратегии, которая определяла бы общее развитие художественной культуры. Поэтому одним из важнейших направлений в культурной политике государства должна стать защита своих граждан от духовно-культурной экспансии извне. Государству необходимо регулировать и определять направление и содержание культурных потоков из других стран, и искать при этом альтернативные замены этим культурным потокам.

© Юсупов И. Ф., 2008.

Ю. М. Юсупов

Строительство башкирской нации и религиозный традиционализм

Сегодня наше общество находится на пороге вступления в новую постиндустриальную эпоху. В связи с этим все больше актуализируется проблема идентичности человека в эпоху глобализации, которая во многом будет зависеть от того, насколько сохранились традиционные ценности. Именно традиция должна стать опорой для выработки новых форм идентичности, ее же исчезновение неизбежно приведет к ломке и уничтожению связующих нитей между членами и группами сообщества. В этом плане важно оценить, какие процессы произошли в эпоху индустриализации с башкирским обществом. Выделим две основные формы существования башкир в истории: башкиры – традиционное сообщество и башкиры – нация. Нация как таковая является порождением национального государства. Э. Тоффлер выделяет три структуры определявшие социальные учреждения всех обществ эпохи индустриализации (Второй волны): малая семья, система образования «фабричного типа» и корпорации. Развитие рынка и индустрии вынуждало к построению национальной экономики, соответственно – к национально-политическому образованию. Как следствие это приводило к значительному сдвигу в общественном сознании, а фактически формированию национального сознания¹. Если в доиндустриальный период общество было скреплено нормами и запретами четко регулируемыми жизнедеятельностью, как отдельного индивида, так и всего общества, то с развитием экономической сферы, роста численности, уровня жизни и возможностей, общество впервые в истории оказывается оторванной от исторического прошлого и системы запретов на мировоззренческом уровне².

В нашей статье мы рассмотрим, как происходила трансформация башкирского общества, какие были задействованы механизмы при формировании башкирской нации, что было разрушено и что было приобретено.

Таким образом, главным условием существования нации должно быть наличие национального государства. Следствием его образования и эффективного функционирования, посредством унифицированной системы образования и прогосударственно ориентированной интеллектуальной элиты (интеллигенции), население государства оформляется в нацию. В отношении формирования башкирской нации, даже по самым смелым допущениям, национальное государство башкир существовало очень непродолжительное время, которое допустимо отнести к периоду распада Российской империи.

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 147.

² Ортега-и-Гассер Х. Восстание масС. М., 2005. С. 25.

В условиях Гражданской войны перед большевиками стояла задача усмирить активизировавшиеся после Февральской революции этнические элиты. Они в отличие от «белых» достаточно эффективно использовали национальный фактор для нахождения компромиссов (по мнению В.И. Ленина – временных)¹.

В феврале 1919 года Башкирское правительство перешло на сторону Советской власти. Однако несколько раньше сформировалось некое национальное образование, которое вмещается в термин «национально-территориальная автономия»², что естественно приняло в свою структуру и зарождавшееся Советское государство. Но в этом случае мы должны говорить об имитации гражданской нации в Башкирии. Показательным является решение Всебашкирского учредительного съезда прошедшего 8 декабря 1917 года в г. Оренбурге по земельному вопросу. Согласно ему земля признавалась достоянием башкирского народа и не могла быть отчуждаема в частную собственность³.

Национально-территориальное образование башкир сформировалось, но нации башкир как таковой не появилось. Народ продолжал жить по внутренним законам, ориентируясь не на национальные идеалы, которые были даже чем-то чуждым для него, а оставался на «старых» принципах жизнедеятельности. Далее мы увидим, что «национализация» народа привела к формированию той общественной системы, которая не могла сосуществовать со «старой» традиционной системой. Более того, само становление башкирской нации привело к уничтожению своей предшественницы – традиционного башкирского общества, под которым подразумевается общество, живущее на нормах и правилах находящихся на религиозно-мировоззренческом уровне.

Для того, что бы осознать метаморфозы необходимо понять традиционность башкирского общества. Хорошо иллюстрирующие традиционность башкир являются материалы, приведенные в монографии С.И. Руденко «Башкиры», которая впервые была издана в 1925 году⁴. Исследование основано на этнографических материалах начала XX в. Думается, нет основания доказывать существование тогда у башкир традиционного общества. Достаточно обратить внимания на приведенные в книге фотографические материалы, где можно выделить, на первый взгляд атрибутивные признаки: специфичный внешний облик башкир (согласно канонам Ислама и Сунне пророка Муххамеда (с.г.с): головные уборы, борода у мужчин, хиджабы у женщин), многоженство, выраженное главенство мужчины в семье и т.д.⁵, что конечно не характерно для современного общества. Однако эти «особенности» мы должны обозначить как отражение цементирующих основ любого общества: гендерные и семейно-брачные отношения, которые, как правило, определяли его функционирование. Учитывая, что большинство фотографий сделано в 20-е гг., можно считать, что инерционно это общество могло существовать примерно до середины XX в. Показателен фрагмент письма московского писателя А. И. Ромма, посетившего Башкирию в 30-е гг., председателю БашЦИКа Тагирову: «О положении женщин... Вы заходите в дом к районному работнику-коммунисту – жена его зачастую даже не отвечает на ваше «здравствуйте»: как можно, чужой мужчина! Словно рабыня, она ставит самовар, собирает вам и мужу чай и либо уходит, либо, если и садится с вами, то в разговоре не участвует, берет себе первую чашку только тогда, когда вы с ее мужем кончили есть и пить»⁶.

Уместно задать себе вопрос: какие произошли события, что за столь короткий срок (2-3 поколения) изменился до неузнаваемости целый народ? Их ломка могла произойти лишь при сильнейшем потрясении данного общества. Единственным явлением, который мог трансформировать вековые устои башкирского общества, был процесс национал-социализма.

¹ Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М., 2007. С. 416.

² Кульшарипов М. М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917–1920 гг.) Уфа, 1992. С. 34–37.

³ Там же. С. 38.

⁴ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт башкир. Л., 1925. С. 330.

⁵ Там же. Рис. 63, 103, 121, 122, 129, 133, 148.

⁶ ЦГАОО. РБ Ф122. Оп. 12. Д. 504. Л. 84.

Одним из главных условий формирования человека новой формации был процесс унификации светского образования. Нация башкир в полном смысле этого слова начала оформляться в 20-е гг. – период сложения системы национального школьного светского образования, которая заложила основы для дальнейшей трансформации башкирского общества. Важным событием в становлении такого человека явилось оформление научной и писательской национальной интеллектуальной элиты. Вся современная башкирская национальная интеллигенция – органичный результат нациестроительства в Башкирии, тогда явление качественно новое для башкирского общества. Именно в отношении национальной интеллигенции автономных и союзных республик велась целенаправленная работа по ее формированию. Специально для нее выделялись бюджетные целевые места в высших учебных заведениях страны. Но мало того, что формировался общественный слой с «прогрессистским» складом ума⁴, который уже готов был впитывать и вырабатывать новые принципы существования общества.

В БАССР складывался целый механизм, который автоматически был встроен в ее региональную идеологию и начал генерировать не только новую идеологию, но и национальные ценности. Задачи, которые преследует интеллигенция, жизненно важны для нации. Механизм ее функционирования довольно сложен. Национальная интеллигенция является по своей сути связующим звеном между государственно-административной верхушкой и основным населением страны. Различные институты гуманитарной сферы: академическая структура, система образования, средства массовой информации, театры, издательства, так или иначе, находились на государственном обеспечении. Они были «властителями дум» – формировали идеологию. Все институты работали в тесной связке. В этом и была эффективность системы. Союз писателей и драматургов работал в тесной связке с историками, учебные программы были академически выверены и унифицированы. Степень профессионализма в системе гуманитарных институтов БАССР, как и для всего Советского Союза была высока. В глубинах этого организма вырабатывалась национальная идеология. Каждый политический миф, идеологема проходила один путь. Сгенерированное в недрах академической науки, в сильно сокращенной, естественно упрощенной и прозаичной форме выливалось в художественную литературу, появлялись идеологизированные образы, сюжеты, это отражалось в театральных постановках, радио-газетах и т.д. и т.п. Но инициатива и все нити контроля находились, конечно же, у государственной системы. На более широком уровне потребителей существовала собственная иерархия: учителя, краеведы, председатели колхозов и др. Они были главными проводниками поступающих сверху идеологем на местах. Если до этого существовала достаточно автономная система аула-общины, которая была органически связана с такими же системами органическими связями в религиозно-мировоззренческой сфере, где главным в системе контроля и управления был староста, мулла, старшина, бий, то сейчас органическая мир-система заменяется на прямолинейную административную систему. На смену гармоничному религиозному сознанию приходит атеистическая светская идеология. Иначе говоря, нациестроительство уничтожило то, на чем ранее строилось башкирское общество. Достаточно было сохранить башкирство на атрибутивном сценическом уровне, но при этом лишив его традиционной системы управления.

Примерно к середине XX вв. система аула-общины была разрушена. К этому времени было уже воспитано поколение с новыми ценностными ориентирами, способное воспринять и транслировать в широкие массы светские, атеистические, но главное, гражданские ценности. К примеру, взглянем на то, как оформлявшаяся идеологическая структура Советской Башкирии конструировала новые национальные исторические мифы. До начала Великой Отечественной войны в Уфе был образован Институт языка, истории и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. В 1940-м году ИЯИЛ БФ подает заявку на публикацию «Очерков по истории БАССР». Однако в 1944 году при ЦК партии проходит секретное совещание историков, где вырабатываются основные концепции по истории СССР¹, в том числе подвергаются критике «Очерки...»². Основная причина приятия этих

⁴ Подробнее: Бердин А.Т. В защиту традиции. Уфа, 2007. 46 С.

¹ Амиантов Ю. Н. Вступит. статья / Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 46–53; Иванова Ю. Ф. Вступ. статья / Письма Анны Михайловны Понкратовой // Вопросы истории 1988. № 11. С 55.

мер была связана с ослаблением государственно-чиновничьего аппарата в стране в период войны. Реализация результатов совещания ложиться на Управление пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), руководителем которой в то время был Г. Ф. Александров³. В течение всего 44-50-х гг. публикуются рецензии и статьи на несоответствующие принятой исторической концепции темы и монографии⁴.

Но это относится к научным центрам, Башкирия, как и ряд автономных и союзных республик, тогда была периферией и здесь требовалась работа номенклатуры. Поэтому в январе 1945 года выходит постановление ЦК ВКП(б) «Об агитационно-пропагандистской работе ОК ВКП(б) БАССР». На основе этого постановления проводится целый комплекс мероприятий: совещания историков, работа партработников с писателями, драматургами, проверка ими же театральных постановок, открытие читальных изб, чтение лекций по истории ВКП(б), снабжение республику кинофильмами, книгами и т.д. Таким образом, практически вся историческая наука была выращена на основе этого постановления ЦК и ряда других мероприятий местного масштаба. Более того, связка «номенклатура – ученые, писатели – школы, СМИ, театры, кино – народ» работала четко.

Сегодня национальная научная интеллигенция продолжает транслировать в принципе уже устаревшие идеологемы. Возьмем частный пример. В 1949 году вышла работа А. Н. Усманова «Присоединение Башкирии к Московскому государству», в ней была обрисована концепция добровольного акта присоединения. Прошло почти 60 лет, изменились методологические и концептуальные основы исторического исследования. Но концепция А. Н. Усманова настолько глубоко вошла в сознание элиты, что без существенных изменений, позволила в 2007 году вновь справлять (как и в 1957 году) факт добровольного присоединения.

Самым главным отличием нацистроительства было его безрелигиозность, а точнее невозможность принять религию как мировоззрение. И это не только связано с воинствующим атеизмом коммунистической идеологии. Собственно уничтожение системы запретов (табу) важное условие для возникновения любой нации. Это, конечно, главная причина гибели традиционного общества. Роль религии меняется: из знания догматов она превращается в символическую идентичность¹. Теперь на индивидуальном уровне национализм занимает место религии. Главным смыслом существования сообщества становится «расцвет нации». Каждый, кем овладевает национализм, начинает ставить нацию (в данном случае башкирскую) превыше всего, во благо которой следует жить и трудиться. Однако это не значит, что любые признаки религии уничтожаются – главное ее положение: *единственность объекта поклонения* (в Исламе – «Нет Бога (как объекта поклонения – Ю.Ю.), кроме Аллаха») – теряет свое первенство в идентификации человека. В тоже время может сохраняться и даже развиваться обрядовая часть религии. Сама традиционная религия, в той или иной сохранившейся форме, несет вспомогательный (культурно-символический) характер в существовании нации: у русских – православие, у татар – ислам. В случае с «религией» башкирской нации дело обстоит сложнее.

В среде национальной интеллигенции широко распространено мнение о недостаточной религиозности башкир. Не претендуя на истину, можно предположить, что подобная ситуация возникла в связи с тем, что татары как нация сформировались раньше, во всяком случае к началу советской эпохи светская сфера общения была сравнительно развита. Татарскими общественными кругами дореволюцион-

---

² Юсупов Ю. М. Советская концепция в трактовке истории Золотой Орды // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье: Материалы международной научной конференции, посвященной членкорреспонденту АН РБ, проф. Н. А. Мажитову. Уфа, 2003. С. 232-242.

³ Аммантов Ю. Н. Указ. соч. С. 51.

⁴ Ильина И.В. Вступит. статья / Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 189; Бахрушин С. Книга Б. И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра Первого» // Большевик 1994. № 22. С. 137; Он же. О работе А. М. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVIII в.» // Большевик. 1945 № 3; Морозов М. Об Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней // Большевик 1945 № 6. С. 76-77 и т. д.

¹ Зорин В. Ю. Цивилизационный подход С. Хантингтона и реалии современного мира // Этнопанорама. 2006, № 3-4. С. 6.

ного периода на «вооружение» был взят исламский фактор. Согласно антитезе, выдвинутой Л. Н. Гумилевым, «мы – они»¹, башкирская интеллигенция отказалась от прямого сопоставления башкир с исламом – очевидно, чтобы не быть похожими на соседей. Например, монография Абдулкадир Инана «Шаманизм у башкир» надолго предопределила ориентиры башкирской интеллигенции во взглядах в отношении религиозной системы башкир. Хотя языческие пережитки башкир воспринимались как пережитки в мусульманской религиозной системе, однако это дало основание противопоставлять саму религиозность башкир религиозности мусульманской. При этом нам необходимо определиться терминологически и учесть, что мусульманская религиозность какого-либо этнического образования, формируясь в синкретическом переплетении менталитета, языка, исторического прошлого, субъективна, нежели религиозная система ислама.

Как следствие, это привело к эклектизму в национально-религиозных представлениях. Стремление интеллигенции быть другим, а по-иному, боязнь татаризации является чуть ли не главной причиной в отказе башкирам религиозности. Выработались довольно большое количество «оправданий»: неудобное для исповедания ислама кочевое хозяйство, закоренелое древнее языческое прошлое, дикость башкир, в конце концов. Однако речь не столько идет об исламе, сколько о религиозной составляющей башкирского общества. В пользу этого говорит присутствие в религиозных представлениях башкир архаизмов, сохранившихся еще с доисламского периода. Возможность социального организма, воспринимая новые религиозные системы, сохранять архаизмы – главный признак глубокой религиозности. В данном случае речь идет об устойчивой религиозно-мировоззренческой системе, которая по определенным причинам сохранялась и фактически цементировала башкирское общество. Отнюдь нельзя связывать религиозно-мифологическую основу башкирской этничности с этноформированием башкир. Все же решающую роль в этногенезе башкир сыграли менее прозаичные социально-политические процессы, связанные с оформлением специфичного политико-правового пространства в Башкирии, основанные на вотчинном праве башкир на землю. Однако, если этот фактор в большей степени влиял на этнотерриториальные границы, социально-политическую структуру этноса, то религиозно-мифологическая система была структурирующим элементом менталитета и самосознания башкирского этноса. Если первое (политико-правовое пространство башкир) окончательно было порушено сразу же после революции, то религиозность была разрушена в период окончательного господства национализма – 40-50 гг. XX в.

Однако взамен какая-либо более или менее четкая национально-религиозная конструкция предложена не была. Рваное национально-религиозное сознание башкирской нации привело к полной светскости общества, естественно, к полному отказу от собственной религиозно-мировоззренческой системы, даже социальными слоями, казалось бы, больше всего связанными с традиционностью, сельским населением. Более того, любая попытка унификации национально-религиозного сознания принимает жесткое отторжение, как со стороны «мусульман», так и со стороны «неоязычников». А последнее время постепенно в официальной региональной идеологии происходит уклон в сторону мистического течения в исламе – суфизму (популяризация имени Зайнуллы Расулева через СМИ, научные работы, в том числе конференция его памяти). Однако ни о каком возрождении суфизма в Башкирии речи быть не может. Так же как и нельзя возродить язычество. Уже сломаны механизмы передачи информации присущие для традиционного общества, а внедрение того же суфизма (ишанизма) через СМИ, науку и светскую школу приведет лишь к изменениям в госидеологии. Религиозно-мифологическая традиция у башкирского общества уже погибла и не имеет перспектив к возрождению. Итак, сфера светского общения башкирской интеллектуальной элиты сформировалась во второй половине XX в. Эта элита, будучи порождением идеологической системы советского государства, начала диктовать новые принципы функционирования общества. Причем само население настолько было привязано к общественным, гражданским институтам, что ликвидировались автономные системы управления. Особенно это касается источника традиционализма – села, где место «авторитета старших» занимает авторитет председателя колхоза, учителя, врача и инженера. Общество оказалось полностью зависимо от «административно-чиновничьей» системы управления и не способно к самостоятельному функционированию.

---

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1999. С. 38–39.

Драматизм ситуации заключается в том, что сегодня общество интегрировано в институты советской системы, а советская система стала стремительно разрушаться с распадом СССР. Однако в Башкирии это разрушение значительно замедленно, поскольку сама республика как и в советский период представляла, так и сегодня представляет собой достаточно автономную идеологическую структуру. Оно способно было в течение последних 18 лет сохранять советскую систему: РБ = БАССР, АН РБ+УНЦ РАН = БФ АН СССР, башкирские школы РБ = национальные школы БАССР, колхозы РБ = колхозы БАССР, СБМ = ВЛКСМ БАССР (но только с национальным уклоном) и др. Но с капитализацией и западнизацией страны постепенно актуальность этих институтов падает, что неизбежно приводит их к кризису.

Даже осознанное стремление интеллигенции создать какой-то независимый (от федеральных и республиканских властей) орган в системе управления «башкирским народом», как-то: курултай, йыйыны и др., неизбежно приводит к тому, что по своей сути они становятся очередными общественными объединениями, находящимся в сфере светского дискурса.

Во всем этом механизме неизбежно изнашивается самая главная деталь – связка. С капитализацией отношений у гуманитарной науки все меньше и меньше связи с народом (как впрочем, и с властью¹), которая должна поддерживаться за счет интеллигенции и СМИ. В итоге, с ломкой «старых» советских светских институтов наступает кризис самого общества, которое так сильно к ним оказалось привязанным, что не смогло сохранить своей традиционности даже в сельской среде. Во многом это связано с изначально имитационным характером башкирской нации. Кроме того, не надо забывать, что с формированием новой интеллигенции, уничтожалась «старая» элита, идеологически и мировоззренчески больше связанная с народом и способная смягчить этот переход². Возможно, неорганичность процесса привела к уничтожению традиционализма – главной опоры развития современного общества.

© Юсупов Ю. М., 2008.

Н. А. Юферова

Молодежное служение харизматической церкви «Вера, действующая любовью» (г. Ижевск)

В современном мире одним из наиболее активных христианских религиозных течений является неопротестантизм, направление, выросшее из традиционных протестантских учений, приспособившееся к реалиям жизни. После развала Советского Союза, краха коммунистической идеологии неопротестантизм начал энергично распространяться по всей России.

В Удмуртии неопротестантские общины действуют давно. В настоящее время их численность постоянно увеличивается. Так, в 1992 году в городе Ижевске возникла харизматическая церковь «Вера, действующая любовью». Ее последователи считают возможным непосредственное общение с Богом, которое должно проявляться в индивидуальных харизмах, то есть особых дарах Святого Духа (например, дар мудрости, дар говорения на иных языках и др.). Уместно также отметить, что харизматическое богослужение отличается экзальтированностью и энергичностью, в отличие от других неопротестантских деноминаций.

За все время своего существования церковь «Вера, действующая любовью» выросла в огромный организм. На сегодняшний день структура церковных служений весьма разнообразна. Если изначально проводилось только одно общее служение, то на сегодняшний день церковь имеет одиннадцать различных служений: общее служение, молодежное служение – «Святое поколение», служение отряда прославления, русский христианский хор, детское служение, служение «Группы порядка», аудио-

¹ Подробнее: Буранчин А.М. Трансформация политической системы Республики Башкортостан // Трансформация политической системы Российской Федерации и Республики Башкортостан. Уфа, 2008. С. 9–10.

² Иибердина Г.Н. Формирование мировоззрения А.-З. Валидова. Уфа, 2006. С. 31–43.

видеослужение, служение «Матери в молитве», служение «Счастливые семейные браки», служение удмуртской церкви и непрерывное круглосуточное молитвенное служение. Благодаря разделению служений на специализированные, прихожане имеют возможность выбрать наиболее значимые и посещать только их. Однако важно отметить, что вся церковь собирается еженедельно на общем служении.

Одной из отличительных черт неопротестантизма является миссионерская деятельность, которая считается обязанностью верующих. Причем в данной церкви большое внимание уделяется работе с молодежью. И это не случайно, поскольку в юношеском возрасте происходит становление личности, социализация, поиск людей со схожим мировоззрением, интересами. В молодежной среде часто случается, что выбранный круг общения не соответствует потребностям, а, следовательно, поиск возобновляется. Именно поэтому на молодых людей легче повлиять, убедить их в правильности той или иной мировоззренческой концепции.

Одним из методов миссионерской деятельности в работе с молодежью является молодежное служение «Святое поколение». Руководителем (пастырем) молодежного служения является А. В. Сергеева. Возраст пастыря соответствует среднему возрасту прихожан данного служения – 21 год. Служение посещают более ста человек от 13 до 25 лет. Каждую неделю члены «Святого поколения» встречаются на «собраниях», которые проводятся по месту жительства одного из прихожан, они обсуждают библейские притчи, возникающие житейские проблемы пытаются решать посредством обращения к Слову Божьему, например, проблемы с учебой решают чтением Библии и молитвой прощением. Кроме того, молодежное служение общего состава проводится еженедельно по субботам¹.

Структура служения состоит из нескольких элементов. Во-первых, «десятичная проповедь» – проповедь «за увеличение» десятины (десятина – это десятая часть дохода, получаемая верующим за месяц и отдаваемая им на нужды церкви) и пожертвований (пожертвования – это нерегулярное внесение денежных средств в пользу одного из служений или же всей церкви). Во-вторых, основная проповедь. Как правило, проповедь проводится в форме лекции. Руководитель служения выбирает тематику, заранее изучив духовную литературу. Тематика проповеди самая разнообразная, но, как правило, пастырь рассматривает несколько смежных библейских сюжетов, на основе которых строится проповедь, проводит параллели с современностью. В-третьих, покаяние, которое осуществляется всеми членами служения в форме молитвы о прощении грехов (к примеру, грех лжи, грех непослушания, грех зависти и пр.) как своих собственных, так и членов семьи, членов церкви. И, наконец, общая молитва, после которой пастырь просит остаться пришедших в первый раз людей и проводит с ними беседу в частности спрашивает о причинах прихода в церковь, поскольку каждый из них вызывает интерес в качестве потенциального члена церкви². В основном служение посещают школьники, меньше студенты, причем в большей массе это дети членов данной церкви.

Особенность служения заключается в том, что каждую неделю месяца меняется форма его проведения: 1) служение, имеющее все составляющие, проводимое пастырем молодежного служения; 2) показ христианского фильма. Более того, на фильм раздаются флаеры, посредством которых каждый желающий может посетить «церковный кинозал»; 3) служение пастыря приглашенного из других специализированных служений, имеющих в данной церкви; 4) «holly dance» – святые танцы, здесь не проводят молитв и проповедей. Ребята могут отдохнуть на дискотеке. Предварительно вывешиваются листовки, приглашающие всех желающих посетить «христианскую тусовку»³.

Каждую пятницу второй недели месяца молодежное служение проводит так называемые, «ночные бдения», то есть ночную молитву, включающую в себя как тематическую молитву, то есть молитву о решении какой-либо проблемы, так и прославительную (во славу Бога). Интересно, что пастырь адаптирует свою проповедь пастве, используя при этом молодежный сленг. К тому же нередко проводятся

¹ ПМА. Сообщение Сергеевой А. В. Удмуртская республика, ст. Люкшудья, Завьяловский район, 2007 год.

² ПМА. Она же.

³ ПМА. Она же.

отдельные собрания для девушек и юношей, которыми руководит пастырь А. В. Сергеева, так называемые «девичники» и «мальчишники», где ребята получают азы сексуального воспитания¹

Таким образом, данное служение напоминает клуб, где руководитель является психологом, дающим консультации, проводящим тренинги с молодыми людьми, с другой стороны, это место приятного времяпрепровождения, где молодой человек может отвлечься от своих проблем и пообщаться с людьми своего возраста. И, наконец, молодежное служение «Святое поколение» является богослужением, поскольку главной целью собрания является прославление, молитва, общение с Богом.

© Юферова Н. А., 2008.

---

¹ ПМА. Она же.

Сведения об авторах

Абсалямова Ю. А., н. с. Института истории, языка и литературы УНЦ РАН
Аликина Е. О., студ. Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко
Ахатов А. Т., м. н. с. Центра этнологических исследований УНЦ РАН
Ахметова Е. А., асп. Центра этнологических исследований УНЦ РАН
Бердин А. Т., к.и.н. с.н.с. Института гуманитарных исследований АН РБ
Буранчин А. М., н. с. Института гуманитарных исследований АН РБ
Валеев А. В., м. н. с. Центра этнологических исследований УНЦ РАН
Валеев М. А., м.н.с. Института истории, языка и литературы УНЦ РАН
Васильева А. Г., студ. Глазовского государственного педагогического института
Вафина З. А. студ. Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета
Гарипова Ф. Х., к.ф.н., зав. отделом Института гуманитарных исследований АН РБ
Гниятуллина-Лукманова Г. Г., н.с. Института истории языка и литературы УНЦ РАН
Даминдарова Ф. В., к.ф.н., доц. Башкирской академии госслужбы и управления при президенте РБ
Игдавлетов И. С., н. с. Национальной библиотеки им. А.-З. Валиди РБ
Идрисова Л.Ш., м.н.с. Центра социально-политических исследований АН РБ
Иликеева Ю. А., к.и.н., ст.преп. Уфимского государственного авиационного технического университета
Илишева Н. К., магистрант Башкирского Государственного университета
Исмагилова Г. Ш., к.и.н., с.н.с. Башкирской академии госслужбы и управления при президенте РБ
Камалеев Э. В., асп. Центра этнологических исследований УНЦ РАН
Камалов В. Х., асп. Башкирского государственного университета
Кляшев А. Н., асп. Центра этнологических исследований УНЦ РАН.
Королев А. А., к.и.н., доц. Пензенского государственного университета архитектуры и строительства
Королева Л. А., д.и.н., проф. Пензенского государственного университета архитектуры и строительства
Кулбакова Л. А., студ. Бирской государственной социально-педагогической академии
Масалимов Р. Н., к.и.н., доц. Бирской государственной социально-педагогической академии
Назарова Ю. В., асп. Оренбургского государственного педагогического университета
Павлов В. А., к.и.н., доц. филиала Волго-Вятской академии государственной службы
Павлюченко Е. Н., соиск. Центра этнологических исследований УНЦ РАН
Паранина Е. В., студ. Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко
Поздеев И. Л., к.и.н., н. с. Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН
Салимьянов Р. Ф., асп. Башкирского государственного университета
Самситдинов И. З., асп. Башкирского государственного университета
Сафарова Н. Р., студ. Башкирского строительного колледжа
Тензина М. О., асп. Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН
Тузбеков А. И., м. н. с. Центра этнологических исследований УНЦ РАН
Хабибуллина З. Р., м. н. с. Центра этнологических исследований УНЦ РАН
Хасанова З. Ф., м. н. с. Института этнологических исследований УНЦ РАН
Хисматуллин Д. Д., студ. Башкирского строительного колледжа
Хуснутдинова Л. Г., к.и.н., преп. Башкирского строительного колледжа
Чернова Т. А., преп. Троицкого филиала Челябинского Государственного университета
Шакирова Э. З., асп. Оренбургского государственного педагогического университета
Шарипов Р. Р., м. н. с. Института этнологических исследований УНЦ РАН
Шляхтина Н. С., асп. Оренбургского государственного педагогического университета
Юсупов И. Ф., м.н.с. Института гуманитарных исследований АН РБ
Юсупов Ю. М., м. н. с. Института гуманитарных исследований АН РБ
Юферова Н. А., студ. Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко

Содержание

Приветственное слово заместителя председателя Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах А. Е. Петрова	3
<i>Абсалямова Ю. А.</i> Земледелие у башкир Восточного Оренбуржья в XVIII-XIX вв.....	5
<i>Аликина Е. О.</i> Некоторые особенности самосознания современной сельской молодежи (на примере д. Удмуртские Ключи Глазовского района Удмуртской республики).....	10
<i>Ахатов А. Т.</i> Динамика численности тюркоязычного населения юго-западной части современной Курганской области в конце XIX в	14
<i>Ахметова Е. А.</i> Современное состояние памятников археологии РБ (на примере курортного района Якты-Куль и юга Баймакского района).....	16
<i>Бердин А. Т.</i> Некоторые проблемы интерпретации этнокультурных процессов в Урало-Поволжье: история и современность.....	19
<i>Буранчин А. М.</i> Республика Башкортостан: через государственный суверенитет к «традиционному обществу».....	26
<i>Валеев А. В.</i> Проблема социальной адаптации вьетнамских предпринимателей г. Уфы.....	29
<i>Валеев М. А.</i> События революции 1905 г. в г. Уфе.....	34
<i>Васильева А. Г.</i> Удмуртская культура в деятельности Малоपुरгинской библиотеки.....	38
<i>Вафина З. А.</i> Этнический состав северо-западного региона Республики Башкортостан.....	40
<i>Галина Л. И.</i> Развитие зернового хозяйства Урала в 60-е годы XX в. (на примере Республики Башкортостан)	42
<i>Гарипова Ф. Х.</i> Языковая политика глазами общественности (по материалам социологического исследования).....	44
<i>Гниятуллина-Лукманова Г. Г.</i> Многоженство в Башкирии в 1920-1930-е годы.....	45
<i>Даминдарова Ф. В., Исмагилова Г. Ш.</i> Место и роль устного народного творчества в духовной культуре этноса.....	50
<i>Игдавлетов И. С.</i> К вопросу о возникновении тюрко-башкирских путевых записей в Урало-Поволжье.....	55
<i>Идрисова Л. Ш.</i> Ценностные ориентации молодежи в этническом аспекте.....	57
<i>Иликеева Ю. А.</i> Изменения в хозяйственном укладе башкир в период кантонного управления (первая половина XIX в.).....	59

<i>Илишева Н. К.</i> Концепция демографического развития Российской Федерации в период до 2015 года: шаг в поисках решения общегосударственных проблем.....	64
<i>Исмагилова Г. Ш.</i> История народного образования и культурно-просветительские работы Зауралья Башкирской АССР в 1960–1970 гг.	67
<i>Камалеев Э. В.</i> Проблемы сохранения и изменения традиционной свадебной обрядности Татар Республики Башкортостан в современных условиях.....	72
<i>Камалиева Г. Ф.</i> Мусульманское движение за реформы в области просвещения в к. XIX-н. XX вв.	75
<i>Камалов В. Х.</i> Жизненный путь семьи Кушаевых	78
<i>Кляшев А. Н.</i> Протестантские организации Башкортостана накануне принятия Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1986-1991 гг.).....	82
<i>Королев А. А., Королева Л. А.</i> Татары-мусульмане Среднего Поволжья: социально-демографический аспект (1940-1980 гг.)	85
<i>Масалимов Р. Н., Кулбакова Л. А.</i> Особенности молодежного движения в Поволжье и на Урале (1901–1918 гг.).....	88
<i>Назарова Ю. В.</i> Социальное партнерство как модель взаимодействия исполнительных органов власти и религиозных объединений: региональный уровень.....	91
<i>Павлов В. А.</i> Польское восстание 1863 г. и периодическая печать Поволжья (по материалам «Казанских губернских ведомостей»)	98
<i>Павлюченко Е. Н.</i> Проблема происхождения казачества в дореволюционной литературе	101
<i>Паранина Е. В.</i> П. Н. Луппов: формирование историка – краеведа.....	104
<i>Поздеев И. Л.</i> Проблема выбора жизненных стратегий в молодежной среде (опыт Удмуртской Республики).....	107
<i>Салимьянов Р. Ф.</i> Первые сообщения о вовлечение башкир в сферу горнорудных промыслов в трудах авторов XVIII в.	111
<i>Самситдинов И. З.</i> Из истории г. Давлеканово.....	114
<i>Сафарова Н. Р., Хисматуллин Д. Д., Хуснутдинова Л. Г.</i> Путь к духовному возрождению.....	120
<i>Тензина М. О.</i> Что может женсовет? (О деятельности совета женщин г. Ижевска).....	122
<i>Тузбеков А. И.</i> Этнический фактор в образовательной сфере этнографических групп Оренбургской, Челябинской и Курганской областей.....	124
<i>Хабибуллина З. Р.</i> Хадж как проявление религиозности мусульман Башкортостана.....	129

<i>Хасанова З. Ф.</i> К проблеме изучения башкиро-русского межкультурного взаимодействия в трудах отечественных исследователей	133
<i>Чернова Т. А.</i> Включение Башкирии в централизованную систему управления (середина XVIII в.)	136
<i>Шакирова Э. З.</i> Мероприятия власти по проведению атеистической работы на Южном Урале в 1970-е гг.	140
<i>Шарипов Р. Р.</i> К вопросу о возрождении и обновлении ислама на территории Урало-Поволжья	142
<i>Шляхтина Н. С.</i> Состояние здравоохранения в Уфимской губернии в период второй половины XIX – начала XX вв.	146
<i>Юсупов И. Ф.</i> Роль культурной политики в совершенствовании развития национального искусства	149
<i>Юсупов Ю. М.</i> Строительство башкирской нации и религиозный традиционализм	152
<i>Юферова Н. А.</i> Молодежное служение харизматической церкви «Вера, действующая любовью» (г. Ижевск)	157
Сведения об авторах	160

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ УРАЛО – ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы II межрегиональной
научно-практической конференции молодых ученых
Уфа, 23 октября 2008 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 01.12.08. Формат 60x84. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,0. Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.
Тираж 200 экз. Заказ № 722

Издательство «Диалог», 450076, г. Уфа, ул. М. Гафури, 54.
Тел./факс: (347) 251-78-29, 290-94-55.
www.dialogufa.info, E-mail: mail@dialogufa.info
Отп. в Издательство «Диалог».